

НАДЕЖДА МАМАЕВА

ДРОПКАТ РЕАЛНОСТИ ИЛИ МАГИЯ БЛЕФА

ИДДК

Дропкат реальности или магия блефа

Глава 1

Шаффл судеб

Шаффл есть любой способ перемешивания карт для того, чтобы при раздаче получить непредсказуемую и неопределенную комбинацию для игроков. Для шулера же шаффл — удобная возможность сдать себе нужные карты.

Из поучения каталы Хайроллера

— Для шулера у тебя есть два существенных недостатка, — голос седого, как лунь, но не потерявшего с годами стати старика не был недовольным, скорее он констатировал самую упрямую в мире вещь — факт.

— Какие? — настороженно спросила молодая девушка.

Скорее, она сделала это ради того, чтобы поддержать разговор, нежели ей был интересен ответ. Меж тем ее ловкие пальцы чиповали стек одной рукой, собирая ровно двадцать фишек одного номинала в аккуратную стопку. Выходило неплохо, хотя собранный стек еле — еле помещался в ее ладони.

Старик соизволил пояснить:

— Во — первых, у тебя слишком маленькие руки. Под такими ладонями тяжело спрятать крапленую карту или лишнюю фишку.

— Но ты сам говорил, что пальцы — то ловкие, — возразила она, недовольно пыхтя. Стек, после того, как девушка от него дропкатом отделила стопки по пять, четыре и три фишки значительно уменьшился и сейчас весьма вольготно размещался в ее ладони.

— Не перебивай! — старик посерьезнел. Его наставительный тон в такие минуты всегда заставлял её внутренне подобраться. — Маленькие руки для мужчины. Да, глядя на твои пальчики, тяжело будет заподозрить в тебе шулера — а это уже скорее плюс, нежели минус. А вот вторая проблема посерьезнее.

Выдержав настолько длинную паузу, что даже лицедеи императорских подмостков обзавидовались бы, добавил:

— Потому как женщин — катал не бывает. Ни один уважающий себя герр не сядет играть за стол с дамой не только высшего, но и полусвета. А с теми, кто бы сел играть с женщиной, я бы сам не советовал тебе связываться. Это наверняка такая шушуера, что и заточку под ребро не погнушаются после игры пустить.

— А зачем же ты меня тогда учишь всему этому? — девушка недоуменно обвела взглядом стол зеленого сукна, на котором лежала пара запечатанных колод. В углу виднелся столбик ставок, написанных мелом (они были сделаны ныне беседовавшими еще вчера, когда девушка и старик на интерес до полуночи играли в аллусский пятикарточный принт), стояли стеки с фишками и лежали собственно карты.

— Потому что знания лишними не бывают. У тебя и так, кроме этих знаний и родословной, ничего за душой нет, — припечатал старик.

Тут Хайроллер был прав. Некогда отец юной фьеррины, что ныне вела беседу, достопочтимый герр Мираскес Хайроллер (он же сын старика, сидящего за столом) был любителем играть по — крупному, ну и проигрался. Подчистую. А после решил проблему долгов кардинально — пустил себе пулю в лоб. Может, для него это и был геройский

поступок. Может, Мираскес и думал, что таким образом избавит хотя бы свою любимую жену и маленькую тогда еще дочурку от долговой ямы... Но Вассария (а именно так звали юную собеседницу) подросла и твердо усвоила, что самоубийство — это способ лишь перекинуть свои проблемы на плечи близких, самому канув в небытие. Тогда Мираскес для себя все решил, оставив на этом свете дражайшую супругу с маленькой дочкой на руках в осаде кредиторов.

Мать Вассарии — тогда молодая еще красавица двадцати одного года — сделала то возможное, что было в ее ситуации: выставила единственное свое богатство на аукцион мужского тщеславия. И стала из баронессы Хейроллер графиней Бертран.

Герр Бертран был уже не молод, статен и столь же дружелюбен, как мраморная колонна. Когда Вассария, шестилетняя, увидела его в первый и последний раз, он показался ей олицетворением вечной зимы: снежно — белые волосы, резкие черты лица, индевеющий взгляд.

По итогам той приснопамятной аудиенции и последовавшего разговора с матушкой Васса и была отослана в провинциальное захолустье к деду герру Аллару Хайроллеру, в прошлом ловеласу и шулеру (впрочем, последнее так и не было доказано), сколотившему свое состояние на карточных играх.

— А папу ты тоже учил играть? — этот вопрос мучил девушку давно, но ей все никак не удавалось его задать. А тут дедушка в почти благодушном настроении...

— Нет.

Резкий, рубленый ответ заставил ее внутренне поежиться. Уж больно тон был хлесткий, словно удар кнута.

— Не только не учил, но и категорически запрещал ему брать в руки карты. Мираскес был слишком увлекающимся. Слишком... Он и помолвки с твоей матерью добивался с какой — то одержимостью, азартом. Хотя семья этой почтенной фьеррины была против их брака, твоему отцу таки удалось добиться желаемого.

Итог этих достижений, то бишь Васса, сейчас сидела за столом и чувствовала, практически материально ощущала, как мрачные мысли деда, словно стая воронья, кружат над его головой.

— Не отвлекайся, давай теперь ложный карттинг, а потом шаффл. И когда будешь мешать карты, спрячь в рукав трефового туза.

В этом весь Аллар Хейроллер. Для него лучшее лекарство от любых тяжких дум — это дело. А любимое его дело — карты. Сейчас он уже редко выходил в свет. Да и какой «свет» в этой провинциальной техонской глуши?

Маленький городок в одной из провинций необъятной империи, где из развлечений осенняя ярмарка, зимние побоища и традиционное весеннее сжигание чучела Ульраны — зимы на городской площади перед ратушей. На последнее, кстати, выходит посмотреть и сам хоганов дланник: осенит всех божьим знаменiem, обзовет народное гулянье мракобесьем, полюбуется, как пылает костер, да и обратно в храм зайдет. Бывает, еще какой-нибудь недобитый лютней менестрель приедет, затянет заунывную балладу. Хорошо, если у сего лицедея голос будет, а то ведь иногда как завоет, что все коты в округе в недоумении — какому их усато — полосатому собрату так хвост прищемили?

Домик, где жили дед с внучкой, был небольшим. Это единственное, что осталось у Аллара после погашения части сыновних долгов. По хозяйству помогала баба Гара — дородная тетка из ближайшего околотка, приходящая к ним два раза в неделю, чтобы

приготовить, постирать да прибрать. Впрочем, в последнее время часть ее обязанностей по настоянию дедушки Васса взяла на себя, как-то готовка, штопка и уборка. Хотя графини (априори) и не должны заниматься такими делами, но то в теории, а это — жизнь.

Так и жили они вдвоем: герр Хейроллер и его внучка, то бишь Вассария Бертран (отчим все же согласился дать ей свои титул и фамилию, при условии, что не увидит падчерицу больше).

Образование и воспитание Вассы были целиком и полностью заслугой дедушки. Конечно, тонкостей этикета она при таком раскладе, увы и ах, не знала, умением искусно картавить (говорят, в столице сейчас среди барышень это модно) похвастать тоже не могла, а из танцев знала только креп и мальрон — то единственное, что играли на приемах, устраиваемых губернатором.

Стук в дверь вывел Вассу из состояния размышления.

— Сходи, открой, — дедушка, удобно расположившийся в кресле-качалке, не пожелал покидать столь уютного пристанища.

Выйдя из залы и добравшись по коридору до входной двери, девушка отперла замок.

На пороге стоял почтарь. Похоже, новенький. Раньше письма и газеты разносил почтенный Мальрин. Но старик начал сдавать и засобирался на покой. Его преемника украшала щербатая улыбка, чуть задранный кверху конопатый нос и кургузый сюртук. Все это никак не вязалось со слякотной погодой, что властвовала на улице. Мешанине из дождя и снега под стать постная серая физиономия и доха потеплее.

— Письмо для герра Хейроллера.

— Я за него.

Плутоватый парнишка озорно улыбнулся и, почесав не сильно чистой пятерней взлохмаченные вихры, выдал:

— А не сильно ты на герра похожа. Что делаешь сегодня вечером?

Брови девушки непроизвольно взметнулись вверх. Молодчик, статья, принял ее за смазливую служаночку: ну да, платье простое, серое, купленное (не сшитое на заказ точно по мерке) в лавке не для господ, а для горожанок. Ну, шустер! Времени зря не теряет.

— Вечером, конечно, свободна, вот только уложу сына и трех дочурок спать, — и, не давая молодцу опомниться, Васса игриво прощebetала, как бы извиняясь: — раньше у них папашка был, он их и укладывал, но он слинял, вот спиногрызы плохо и засыпают, но если новый на должность отца появится...

Девушка усиленно захлопала ресничками, кося под альтернативно одаренную. Парень впечатлился и уже более серьезным тоном, с обращением на «Вы» произнес:

— Вот ваше письмо, передайте его герру.

Больше, не говоря ни слова, развернулся и вприпрыжку унесся дальше по улице.

— Надо же ж, какие мы пугливые, — для порядку прокомментировала девушка, для пущей картины уперев руки в бока. Закрыв дверь, она вернулась обратно к деду.

— Васса, зачем ты так с молодым человеком? — тон старика был серьезен, но мракобесы в глазах плясали джигу.

— Я — то совсем ничего, я совсем даже не против, это он какой — то пугливый оказался... — поддерживая игру деда, начала Васса.

— Ладно, давай сюда, что он там принес.

Девушка потянула письмо деду. Такая корреспонденция, с графской печатью рода Бертран на сургуче приходили два раза в год — на день рождения Вассы и под Новый год.

Писала матушка, поздравляя дочь с очередным праздником.

Вассария, в первый год старательно выводившая неумелой рукой руны на пергаменте и отсылавшая свои послания чуть-ли не каждый месяц (они так и оставались без ответов), впоследствии стала лишь пунктуально отвечать на приходящие письма, отстраненно интересуясь погодой, природой и матушкиным здоровьем. Пришедший конверт выбивался из привычного эпистолярного графика.

Меж тем дед распечатал сургуч и углубился в чтение. По мере того, как его выбеленный временем, но все еще цепкий взгляд бегал по строчкам, лицо все больше походило на такое, о котором шулера говорят — игральный фасад: без эмоций, бесстрастное, ничего не выражающее. Плохой признак.

Дед оторвал взгляд от листа, испещрённого бисерным почерком матушки Вассарии, с кучей завитушек и вензелей в конце каждого слова и на мгновение замолчав, произнес:

— Ну что ж, это должно было когда — то случиться. Я дал тебе все, что мог. Денег, увы, у меня нет, есть только знание и умение выигрывать в карты. Их тебе я и передал. А сейчас, похоже, твой отчим и моя бывшая невестка вспомнили о том, что у них подросла девица на выданье и решили расплатиться с кем — то из знати, заключив брачный договор на твое имя.

Умению держать удар дедушка научил Вассу еще в первый год ее пребывания в этом доме. Вот и сейчас, раздираемая бурей чувств от смятения до негодования, внешне девушка старалась выглядеть спокойной. Не задавала вопросов, обычных для семнадцатилетней фьеррины, оказавшейся в схожей ситуации. Старик одобрительно усмехнулся, и, мгновение спустя, продолжил:

— В письме не сказано, за кого тебя прочат, но готовься к тому, что будущий супруг будет навряд ли воплощением девичьих грез, скорее уж таким же старым ревматиком, как и я.

В его словах была доля истины: на подарки судьбы из рук отчима надеяться не приходилось.

— В письме так же сказано, чтобы я отправил тебя в столицу в сопровождении компаньонки, но поскольку её у нас и в помине нет, придаться тебе поехать одной.

— А как же приличия? — подначила дедушку внучка.

— А разве ты их соблюдаешь? — в тон ей ответил Хейроллер.

Так и началась предсвадебная эскапада Вассарии.

Чахлая на вид каурая лошадка проявляла чудеса выносливости, одолевая с завидным упорством до семидесяти лин в день, в то время как породистые рысаки, пройдя это же расстояние (правда, немного быстрее), требовали смены. Довеском к ее седлу и поклаже выступала Васса, мокрая, грязная и злая. От дилижанса, ходившего раз в месяц в сторону столицы, и дамского платья они с дедушкой отказались. Одинокое путешествующая фьеррина — большой искус для мошенников. Да и к сроку, указанному в письме Вассария никак при таком способе путешествия не успевала. Поэтому — мужское седло, порты, заправленные в голенища сапогов, да плащ, подбитый мехом. Последний, укрывавший от мороси, что является предвестником скорой зимы, лип к лошадиному крупу и уже не согревал, насквозь пропитанный влагой. До столицы оставался один дневной переход, и заночевать на этот раз Васса планировала в таверне, что уже виднелась у обочины широкого и многолюдного тракта. Чуть в стороне от нее располагалась небольшая деревенька. Девушка припомнила

карту, что рассматривала с утра, кажется, название этого поселения «Старые Параты», что такое эти самые «параты» она не знала, но почему — то это словосочетание прочно ассоциировалось у нее со старыми портками. Уж не знамо почему.

Оставив лошадь у коновязи и кинув монетку расторопному мальцу, зашла, мысленно помянув недобрым словом бывшего хозяина кобылы, удружившего с кличкой животного — Пехота. Причем ни на какие другие эта зараза не отзывалась, разве что на Пёху еще, хотя, справедливости ради, каурая ее оправдывала — плелась по грязным колеям тракта и не вязла.

Таверна приветливо встречала путников гвалтом, запахом прокисшего пива и чесночным духом, который призван был отпугнуть нечисть. По мнению Вассы, так и первых двух составляющих вполне бы хватило, но хозяин рачительно развесил плетенки с сим луковичным не только у входа, но и по всему залу.

Девушка устало откинула капюшон, выискивая взглядом свободное место. Плохая погода сделала эту задачу трудновыполнимой — зал был полон народу. Кто попроще — прихлебывал пиво и закусывал пенный напиток сушеным окуньком, кто побогаче — за отдельным столиком вкушал бараньи ребрышки с гречневой кашей и вином.

Углядев — таки свободный столик, правда, недалеко от выхода, из которого сноровистая разносчица то и дело выносила заказы или уносила подносы с пустой посудой, Васса ринулась на облюбованную территорию.

Устроилась на лавке и вытянула ноги, а заодно оперла спину и многострадальную поясницу о притолоку двери, в которой в очередной раз скрылась подавальщица. Дорога изрядно вымотала Вассу. Ей хотелось поест и поскорее завалиться спать. И особо даже не важно при этом было, насколько чистой будет постель — девушка чувствовала, что рухнет туда, не раздеваясь.

Вассария отстраненно подумала еще, что надо бы заплатить за номер вперед — а то вдруг еще пожалует кто, и свободных комнат вовсе не останется. Но вставать ей откровенно не хотелось.

Дородная, но при ее комплекции невероятно расторопная тетка нависла над девушкой спустя всего каких — то пару клинов, за это время Васса как раз успела отогреться, но не сомлеть от тепла.

— Чего изволит фьеррина? У нас сегодня подают бараньи ребрышки с гречневой кашей, заправленной шкварками, есть вчерашние щи с мясным пирогом, свиная рулька вот — вот поспеет... — разливалась не хуже площадного зазывала подавальщица.

— Каши со шкварками и кружку сбитня. — Вассария мысленно подсчитывала сребры, что остались у нее в кармане. На мясо явно не хватало.

Слегка разочарованная таким скудным заказом, разносчица повернулась к фьеррине своей весьма внушительной кормой и уплыла восвояси. Уже через два клина перед Вассой стояла вожделенная каша. Положив оговоренный сребрень на столешницу, девушка принялась за еду. Между делом она отметила, как команда ловкачей обувает какого — то улана в арамского везунчика — игру до жути примитивную, но почему — то наиболее распространенную среди вояк.

Ну да — каждый о своем: портной всегда подмечает, ладно ли скроен сюртук, сапожник — вперится в обувь, а шулер — знамо дело, перво-наперво отметит негласных коллег по цеху. И лишь потом может обратить внимание на то, как заезжий сказитель настраивает лютню, трактирщик утирает выступившие на проплешине бисеринки пота, а ушлый крысук,

балансируя на потолочной балке, точит зубы о пеньковую веревку, к которой привязана чесночная плетень. Надо полагать, и грызуну не по нраву забористый дух, вот и спешит избавиться от его источника — умная тварюшка.

Васса с непонятным ей самой азарту наблюдала за крысюком: вот плетенка начала раскачиваться, как незакрепленная стропа на гросс-мачте, и оторвавшись-таки от балки под победный визг крыса, перевернувшись в воздухе и упала аккуратно на темечко солидного господина, решившего оттрапезничать в сём трактире. Голова герра при этом происшествии пострадала незначительно, зато значительно пострадала гордость, поскольку основная сила удара злополучной плетенки пришлась на парик. Он — то и смягчил столкновение, но при этом не просто съехал на бок, а подпрыгнув, словно в него вселился беспокойный дух, описал плавную дугу и упал к ногам подавальщицы.

Дородная дама, несшая аж восемь кружек пива, не заметила оказии и поскользнулась на накрахмаленных буклях. При этом досталось всем: кому — само пиво (жаль, что только наружно, а хотелось бы во внутреннее употребление), кому — отборная брань в несколько этажей, а несчастному герру — хозяину парика, еще и кружкой по голому, как коленка, темечку (это уже от щедрот души разносчицы). И, если падение плетенки заметили не все, то столь варварское разбазаривание пива не оставило равнодушным почти никого. Даже каталы и вояка, которого они так ловко облапошивали, оторвались от своего увлекательного занятия.

А крысюк, никем, кроме Вассы, не замеченный, ловко пробежал по матице и спустился по другой плетенке к стойке. На ней красовался расписной поднос, на котором ароматным, пышущим жаром курганом возвышалась горка пирожков. Крыс, не будь дурак, цапнул самый большой и был таков.

После того, как волнения слегка улеглись, Васса вновь посмотрела своих 'сослуживцев'. Процесс раздевания улана шел вовсю: вот молодой вояка уже снимает с шеи кулон на цепочке кордового плетения. Девушка пригляделась внимательнее — подвеска, похоже, родовая, старинная. Что — то внутри нее дрогнуло. 'Может, и мой батюшка так же вот когда — то...' — мелькнуло у Вассарии. Пока она добиралась до столицы несколько раз видела, как работает команда катал, но в предыдущие разы ей их жертв было нисколько не жаль. С первого взгляда девушка распознавала в них заядлых игроков, с трясущимися руками, неотрывно следящих за колодой. А этот улан, сдается, сел играть по глупости, сначала выиграл пару раз, поверил в удачу, а как оглянулся — понял, что проиграл больше половины, и сейчас пытается отбить свое. Вон уже и не пьет принесенного вина, а в глазах отчаяние и безысходность.

Костеря себя за мягкотелость и подозревая, что добром желание помочь не кончится, девушка встала и слегка пошатываясь походкой пошла к игрокам, по ходу умыкнув с соседнего столика у отвлекшегося ротозея кружку пива. Им Васса прополоскала рот для запаха и достоверности образа.

— Реба — а-а — а-та, ик! Я смотрю тут в везунчика играют, ик!

Тяжелее всего далось изображение пьяной икоты, как у развязной девки.

Постояла, оглядывая честную и, не совсем компанию и не спрашивая ни у кого разрешения, плюхнулась рядом с уланом.

— И мне сдавай! Двое на двое, — и неопределенно махнула нетвердой рукой.

До этого улан играл с троими: коренной — главный катала — жилистый мужик из породы тех, что и в двадцать и в сорок выглядят одинаково. Он смотрел на Вассу с прищуром

— оценивал. Его ручной — помощник и подбрех — парнишка не старше Вассы, но уже успевший выбить себе где — то пару передних зубов, широко улыбался, явно радуясь еще одному залетному дурачку, вернее дурочке, в лице разбитной девахи навеселе, решившей испытать карточную удачу. Третий — бугай, надо полагать, именно с ним пришлось бы в конце вечера на кулаках (сабли при улане что — то не видно) разбираться молодому вояке — смотрел на девушку с энтузиазмом вола, перед которым поставили корзину яиц: в смысле нафиг, это ему не нужно.

По едва заметному знаку коренного бугай, буркнув себе под нос, дескать, пойду воздухом подышу, поднялся из — за стола и направился к выходу, у двери обменявшись парой слов с вышибалой.

«Прекрасно, значит и хозяин в доле с этой компанией!» — мелькнуло в голове у Вассы.

Меж тем коренной что — то насвистывая, начал тасовать колоду и, сделав ложную подрезку, начал сдачу карт.

В глаза девушке сразу бросился неумелый крап — по несколько точек в двух диагональных углах. Примитив, рассчитанный на вот таких простачков, как улан. Последний, кстати, косил на Вассу недовольными глазами цвета янтаря. Странно, обычно у слегка смуглых, темноволосых, к коим относился спасаемый, и глаза более темных оттенков («гляди — ка ты, природа расщедрилась на столь дивное сочетание!» — ехидно прокомментировал внутренний голос девушки). Небольшой шрам на лбу, почти у линии роста волос и тонкая заиндевелая прядка на виске говорили о том, что жизнь у молодого вояки бурная и не всегда легкая.

Улан не оценил порыва Вассарии и попытался избавиться от неожиданного карточного партнера:

— Может Вы, юная леди, найдете себе другое развлечение?

Хотя, если вслушиваться в интонации, а не смысл, выходило: 'Шла бы ты, деваха, отсюда, пропись сначала!'

— Может, ик! и найду, но позже, а сейчас сыграем, — и Вассария выразительно размяла пальцы.

Коренной, поняв намек, шустро закончил шаффл и сдал всем по пять карт, игнорируя протест герра.

Ну да, вояка мог встать и уйти, отказавшись играть в компании девушки, но тогда шанса отбить свое уже не будет. Улан как — то обреченно вздохнул и взялся за колоду.

В первой партии, знамо дело, новичкам, благодаря ловкости коренного, повезло, во второй тоже. Пока карты шли, Вассария незаметно ногтем сделала насечки на ребрах всех 'портретных', как дедушка учил: по одной на тузов, по две на королей, по три на дам. У ходовок, от десятков до двоек тоже постаралась сделать насечки, но уже на углах.

Девушка предвкушающее улыбнулась про себя. Дальнейший расклад событий являлся классикой жанра и был известен каждому шулеру средней руки: после третьей партии, когда, по идее, молоденькая феррина должна уже быть на кураже, ей дадут первый раз проиграть. Потом отыгаться и... дальше будут раздевать, как до этого улана.

Время было уже далеко за полночь, и таверна опустела, за столом осталось только четверо: Васса, спасаемый ею и двое катал. Замыленные карты шлепками ложились на стол, бугай все никак не мог надышаться свежим воздухом, а фамильная подвеска улана красовалась у девушки на шее, сияя камнем, вставленным в оправу, как — будто в насмешку над коренным.

Игра (тринадцатая партия, по подсчетам Вассы) шла с переменным успехом, но большую часть проигранного уланом девушка уже отбила. Коренной все никак не мог взять в толк, откуда феррина знает, когда нужно скинуть и уйти в пас, да еще и своему 'напарнику' дает пьяные, но такие дельные советы. Однако в этом не было ничего мудреного: и коренной, и девушка знали карты друг друга. В таком случае побеждает даже не тот, у кого приходит комбинация лучше (знамо дело, они и у него и у нее хороши — рукава то у обоих есть, впрочем, как и ловкие руки) а тот, чьи нервы крепче.

Коренной злился, скрежетал зубами, но сделать пока ничего не мог.

Вассария почувствовала надвигающееся даже не затылком. Внутри словно образовался снежный ком, прокатившись от горла к низу живота, набирая массу и обороты. Улан вдруг резко толкнул ее в бок, и она упала со скамейки, чтобы мгновением позже увидеть на том месте, где только что была, рукоять метательного ножа.

«Все — таки не рассчитала!» — словно эхо сыгранной гаммы, что несется по коридорам, прозвучала в голове у девушки мысль.

Терпение бугая лопнуло, и он решил добраться до вожаемых денег не почти законным путем обжуливания в карты, а банально перерезав девице с уланом глотки.

Вот поэтому баб — катал и не бывает! Разборки после крупных проигрышей не редки, но обычно скандалит потерпевшая, кинутая сторона. Поэтому шулер должен помимо виртуозного владения картами либо быстро бегать, либо хорошо драться. Махать кулаками Васса при всем желании не могла (комплексция не та), поэтому выбрала первый вариант. Не вставая, на карачках, заползла под соседний стол и намеревалась уже оттуда, с низкого старта, дать деру до двери, ведущей на кухню, поскольку вышибала загоразживал основной выход и, судя по всему, был готов принять участие в начинающейся забаве.

Тут произошло еще одно событие, заставившее девушку слегка поменять свои планы. Улан, оставленный всего на один вздох без внимания, залихватски свистнул. Коренной попытался дотянуться до него через стол заточкой, метя в печень, но лишь полоснул лезвием по штанине начавшего резко вставать вояки. После этого входная дверь и ставни на окне с треском вылетели, в зал ворвались пять человек в неприметной серой форме дознавателей его императорского величества Ваурия тринадцатого.

— Не двигаться! — грозный окрик подействовал не хуже заклинания.

Впрочем, магией, которую по наущению хогановых дланников именуют мракобесьем (а магигов, соответственно, преследует святая инквизиция), тут и не пахло. Зато ощутимо тянуло душком паленой шерсти, в том числе и Вассы. Как спасти теперь свою шкуру, девушка не совсем представляла. Разве что скосить под пьяную дурочку, что она и сделала.

В звенящей тишине задом выползла из — под стола, своротив при этом табуретку, шатаясь, она распрямилась и как можно более пьяным голосом произнесла:

— А шю, собственно, здесь происходит?

По улановой физиономии девушка поняла, что слегка переборщила, ибо пару вздохов назад ее голос и движения были на порядок трезвее.

— Вы, юная феррина, присядьте, — и дознаватель, отвернувшись от Вассы, скомандовал: — арестовать.

Связали всех подельников быстро и качественно, в том числе и трясшегося осиновым листом хозяина трактира. Когда зал опустел (Вассария старательно исполняла роль пьяненькой искательницы приключений на свою пятую точку, так толком и не понявшей, что произошло), ей на плечо легла рука.

— Да уж! Ты мне чуть всю операцию не загубила! — спасаемый пару клинов назад улан тяжело вздохнул.

— Мы эту шайку со жнивня пасли, знаешь, скольких они по миру пустили? А скольких на следующее утро в канавах нашли? — и, не дождавшись внятного ответа, продолжил: — То — то же. А сегодня ловили на живца... а тут ты, такая везучая, на мою голову выискалась.

И, вздохнув, продолжил:

— А если бы они состорожничали? Не кинулись бы убивать, а отпустили с отыгранным?

В принципе Васса на это и рассчитывала.

— Тебя хоть звать — то как?

— Вассария Бертран, — осоловело выдавала девушка.

— В общем, Васса, везучая ты малышка, — заключил улан, разглядывая урон, нанесенный штанине. В прорехе виднелось бедро мужчины с приметным родимым пятном в виде пятиконечной звезды. И поскольку многословием феррина несильно далеко ушла от столешницы, присовокупил: — А меня Эрден, 'дис Антер.

«Ух ты — граф! — про себя присвистнула Вассария, — И что же ты, такой знатный, делаешь в дознавателях?»

Мужчина меж тем стянул шнурок, скреплявший волосы на затылке и с упоением помотал головой.

— Неплохая ты, Васса, крошка, хотя с твоим везением что — то не то, словно тебе магик над колыбелью ворожил.

«Ну да. Ворожил. Аж целых одиннадцать лет, и имя этому магику — Аллар Хейроллер», — мысленно прокомментировала девушка.

Но у мужика, похоже, начался «откат». Дед рассказывал ей про такое. У кого как это состояние выражается: кого — то тянет закурить, иной уходит в себя, а вот 'дис Антеру, похоже, надо выговориться.

Хотя следующие слова герра опровергли предположение Вассы:

— Ладно, что — то я заболтался, пора уходить, да и тебе тут задерживаться не стоит.

И вышел вон, забыв про подвеску, во время потасовки скользнувшую в ворот рубахи девушки, с усталости забыл, не иначе.

В том, что оставаться в трактире не с руки Вассария и так поняла, а поскольку до рассвета оставалась всего какая — то пара свечей, решила отправиться в путь затемно.

Глава 2

Каттинг обстоятельств

Узнать, насколько профессионален шулер, можно по тому, как чисто он делает ложный каттинг. Имея семнадцать фишек, дилер срезает три стопки по четыре и одну по пять фишек (которую и раскидывает) — это дает иллюзию, что в стеке двадцать чипов. Если в первые пару мигов этого обмана тебе не удастся заметить — не садись с таким играть. Он тебя обует. Если же сразу видно, что он нарезал стек ложно, виду не подавай — такого ты разденешь на раз. А в картах жертве заранее не стоит знать, что она — жертва.

Из мемуаров старика Хайроллера

Воспользовавшись советом Эрдена, Васса, не мешкая, накинула на плечи слегка просохший плащ и покинула негостеприимный трактир в то время, которое в народе зовется воровским. Предрасветная темень гуще чернил, а дрема, с которой в полночь еще удастся легко бороться, сейчас валит с ног. Клин волка. Недобрый клин.

Пехота, недовольно кося на нее своим карим глазом, обречённо разрешила взнудать себя. Спину эта поганка подставлять не торопилась, и девушка сделала три круга почета перед врединой, прежде чем та соизволила остановиться.

Потник и вальтрап кобыла приняла как неизбежное, а вот от седла и подпруги отказалась наотрез, ненавязчиво отходя от Вассы каждый раз, когда та пыталась закинуть их ей на спину. Прижав — таки четвероногую мракобеску к одной из стен конюшни и недобрым словом помянув стремennого (в чьи обязанности и входило седлать лошадей постояльцев), девушка начала затягивать подпругу. Сначала несильно, но Пехота сразу же надулась, словно приснопамятная мышь на крупу и стала похожа на бочонок забродившего вина — вот-вот рванёт так, что щепы и железные ободы полетят в разные стороны. Закрепив ремень, девушка выпрямилась и огляделась.

В углу денника стояло ведро с паданкой. Яблоки, побитые, а некоторые и слегка подгнившие — то, что нужно. Выбрав парочку, вернулась к саботажнице и, пока Пехота уминала угощение, коварно завершила начатое, потянув что есть сил за ремень. Не ожидавшая такого коварства и отвлекшаяся на яблоки кобыла ослабила бдительность и расслабила брюхо. Чем Васса и не преминула воспользоваться. После того, как подпруга на кобыле была затянута на совесть, а чересседельные сумки перекинуты, Пехота смирилась с тем, что ее дурная хозяйка все же решила отправиться в путь в столь непроглядную темень.

Выведя лошадь из денника и вскочив в седло, Вассария направилась в сторону Урмиса. Оставшиеся полсотни лин пути ее занимали мысли как о грядущем, так и недавно случившемся. Получалась этакая затейливая мешанина, впрочем, не предвещавшая ничего хорошего.

Унылый сереющий пейзаж, когда осеннее солнце еще не встало, а лишь собирается взобраться на горизонт, как нельзя лучше гармонировал с ее настроением. Не хватало лишь вересковой пустоши, оную, впрочем, успешно заменяло поле, оставленное под пар. На нем с упоением золотоискателей скакало воронье, временами оглашая утреннюю тишину карканьем, по сладкозвучию сравнимым с серенадой несмазанных дверных петель. Грязь, хлюпающая под копытами Пехоты, составляла пернатым аккомпанемент.

Пехота уверенно шла вперед, а вешки столбов, отмечающих очередной пройденный лин, начали украшать похабные и карикатурные картинки, намалеванные углем. Некоторые даже сопровождались срамными надписями с пояснениями. Чувствовалось — впереди путника ожидает культурная столица империи — Урмис.

Стражники, что дежурили на северных воротах, обрадовались Вассе, как неродной (ибо у чужих отнять что-то легче, чем у ушедшей родни, знающей тебя вдоль и поперек). Северное направление и так не пользовалось большим спросом, а еще в такую — то погоду, да на исходе листопада. Взятки почитай не с кого брать, не то что пошлины. А тут Вассария. Вся такая, подающая материальные надежды кошелькам стражников.

После пяти клинов спора, по итогам которого стражники еще раз убедились, что чем беднее путник, тем он отчаяннее умеет торговаться (а эта и вовсе по ощущениям с рыночными торговками в близкой родне), они посовещались, побряцали броней, плюнули и решили, что с паршивой путницы хоть мелочи звон и сошлись на одном серебре и четырех

медяках к обоюдной радости обеих сторон. Вечером же начальству было доложено, что через северные ворота сегодня никто не проезжал.

И вот Вассария оказалась на улицах Урмиса. Не широких, но двум каретам со скрипом разъехаться можно. Несмотря на заунывную погоду, город жил, город бурлил, образуя водовороты людских течений. Проходя мимо рыночной площади, девушка уловила крики продавцов и сварливое ворчание некоторых покупателей, пытающихся сбить цену. Один торгош так витиевато расхваливал продаваемую карету, что девушка мысленно поневоле начала заканчивать за него фразы:

— Прежний владелец был без ума от этой кареты! — увещевал барыга солидного герра.

'Ага, он и сейчас ее повсюду разыскивает...' — ехидно подумалось девушке. Уж очень жуликоватый вид был у продавца.

— Дверцы захлопываются легким движением руки!

Васса про себя закончила: 'ну да.... и отпираются несильным нажатием лома.'

— Эта карета верой и правдой послужит Вам в хозяйстве!

Наездницу так и подмывало добавить: '... в качестве затычки для дыры в заборе'.

На последней фразе пройдошистого продавца:

— Покупайте у меня — не пожалеете!

Девушка усмехнулась логически продолжая речь торгоша: '... меня, если потом найдете', поскольку продаваемая карета могла стать счастливой покупкой только для полного идиота: разваливающийся скворечник на колесах не иначе.

Продавец, как будто затылком почувствовавший нездоровый интерес девушки к сделке, под локоток развернул потенциального покупателя так, чтобы тот, не дай Хоган, не увидел ехидный взгляд Вассы.

Сам же торгош недовольно зыркнул в сторону всадницы. Она сочла за лучшее не мешать естественному эволюционному процессу торговли, принцип которого — выживает и богатеет хитрейший — и двинулась дальше.

Ловя на себе безразличные взгляды простых горожан (эка невидаль, еще одна юная феррина из сотен приехала покорять столицу), а порою и смешки тех, кто познатнее (эти уже оценивали редкую масть кобылы и непрезентабельный внешний вид наездницы), девушка медленно, но верно продвигалась к дому отчима. В поисках очень помог разбойного вида пацаненок, коему был кинут медяк, но с оговоркой, что по прибытии к указанному особняку провожатый получит вдвое больше. Вот он и бежал впереди, старательно указывая кратчайший путь. Ботинки были явно великоваты шустрому мальцу, отчего попеременно слетали с его ног, демонстрируя взору наездницы порепанные пятки. Но, несмотря на обувные коллизии провожатого, девушка достаточно быстро добрались до родового гнезда Бертранов.

Получив оговоренную мзду, шустрый проводник растворился в толпе, а Васса осталась один на один с ее новым домом. Хотя каким ее, каким домом и насколько новым.

Громадина, построенная в некогда модном ромулском стиле, взирала на всех страждущих попасть внутрь своими зашторенными окнами. Мрачная, угрюмая. Олицетворение величия и непоколебимой решимости некогда целой династии. Место, где матушка Вассарии провела последние одиннадцать лет в качестве законной супруги Алиас — Гронт' дис Бертрана. Теперь это место стало и временным пристанищем Вассы.

Она остановилась у железных ворот ажурнойковки в нерешительности, ощущая себя приснопамятным бараном, решившим проверить бранбирские ворота на ударопрочность

рогов. Уже доподлинно не известно, кто остался в той легендарной схватке победителем. Вроде и ворота не уцелели и рога, хотя последние все же, по слухам, пострадали меньше, чем двухсотлетний памятник зодчества. Это еще раз подтверждает, что таран из дурости и упорства — практически несокрушим.

Надвинув капюшон поглубже, — противная крупа, падающая с неба, не вдохновляла любоваться оным — девушка пошла на приступ цитадели. Привратник, словно последний защитник барбакана, по — индюшачьи раздувшись от важности, смерил ее презрительным взглядом. Это был слуга из породы тех, что считают себя в доме наиглавнейшими, но ровно до тех пор, пока не появится хозяин.

Вот и сейчас, облив путника (благо плащ и надвинутый капюшон скрывали все, даже пол всадника) с ног до головы презрением, процедил сквозь зубы:

— Чё надо?

«Ну да, я не в соболях и горностах и бриллиантов на перстах не сверкает, но зачем сразу брать верхние ноты хамства? И самое обидное — пошли такого далеко и надолго по... лесной тропинке, оставишь гордость в целости, а вот нервы лечить у доктурусов основательно придется», — размышляла Вассария. Итогом ее дум стало решение засунуть эту спесивую привилегию дураков (потому как любой здравомыслящий богач, он или бедняк, рано или поздно поступается гордостью под гнетом ли обстоятельств, в угоду ли выгоде) в... и сыграть. Сыграем на обстоятельствах, характерах и нервах.

— Мне необходимо увидеть господина....

— Пускать не велено, хозяин с утра не в духе — важно изрек привратник, не дав ей даже договорить.

'Не пустит' — отчетливое скорее ощущение, нежели мысль. Решив зайти с другой стороны, девушка расправила плечи и как можно более грозным тоном, добавляя баска, произнесла:

— С депешей, от службы инквизиторов! Срочно. Лично в руки.

Судя по тому, как маска надменности потекла по лицу вешним снегом, ее короткая речь произвела эффект. Но бастион в лице привратника не был готов к окончательной капитуляции.

— Его светлость не велел никого пускать... — вновь повторил он, но уже без спеси, и словно оправдываясь, присовокупил — Они ожидают сегодня прибытия падчерицы и сына своего. Только их господин велел жаловать. Однако же — с, гонцов с инквизиторской службы всегда пускали и в неурочные часы...

Последнее было скорее размышлением вслух, а вот то, что помимо Вассы сегодня должен прибыть еще и отпрыск, весьма заинтриговало девушку.

Маменька ее после замужества так и не смогла еще раз выполнить изначальное женское предназначение, кое заключается в продлении рода и подарить нового наследника...., но, похоже, это не привело к прерыванию мужской линии рода Бертран. Вот так нечаянно Вассария и узнала, что у нее есть брат. Приедь она, как и положено приличной фьеррине в карете, да с компаньонкой, представься чин по чину — так до замужества могла бы и не узнать о наличии некоторых родственничков. Домина — то вон какой. При желании разминуться легко, да и без желания — тоже раз плюнуть.

Тем временем, приняв ее молчание, вызванное задумчивостью, на свой счет, привратник еще пуще начал нервничать. И наконец — то «созрел»:

— Сюда — с.

Приоткрыв ворота так, чтобы Пехота могла беспрепятственно пройти, позволил всаднице проникнуть в столь тщательно охраняемую им крепость. Спешившись, она передала поводья привратнику, коий вызвался отвезти кобылу на господскую конюшню, предварительно махнув в направлении парадного входа и выдав:

— Дворецкий доложит о Вас — с.

Привратник все же решил снять с себя часть ответственности, переложив ее на плечи коллеги по цеху. Если что — то попадет обоим, и дворецкому, и ему, пустившим гонца в дом. Дворецкий, несмотря на всю свою степенность и вальяжность, оказался гораздо более прозорливым и сметливым, нежели привратник. Окинув пришедшего оценивающим взглядом и узнав, что тот желает видеть графиню Бертран, велел обождать в холле, пока он доложит о посетителе. Через какую — то четверть клина Вассария была удостоена матушкиной аудиенции.

Годы редко красят, время, проведенное без любви, не красит вдвойне. Но матушка была словно красное вино, что со временем, теряя пурпурную яркость оттенков, приобретает своеобразный чарующий букет. Неповторимый, по — своему приятный, такой, который хочется попробовать, но не выпить при этом бокал до конца.

Вот и она, статная, величественная, не холодная, но словно сотканная из тумана и как будто отстраненная от суеты мирской. Такой Васса ее увидела, как только та вошла в залу.

В следующий миг вся фьерра преобразилась: лицо, тело, взгляд словно ожили. И издав короткое 'Ах!' матушка резко опустилась на тахту.

В голове девушки ехидная вертихвостка — мысль: «хорошо, что хоть не в обморок! Тащи ее потом, нюхательные соли ищи и доказывай для всполошившейся челяди, что ты не праздный гуляка, а ее родная дочь. Хотя... может еще успеть хлопнуться» — разрушила очарование момента.

— Вассария, ты ли это?

— Да, маменька, это я.

После этого восклицания графиня Бертран подошла и обняла свою дочь. Без слов. Без единого звука, без всхлипов и надрыва. И по щекам ее в этот миг текли слезы. Великосветскости, от которой за лин несет бездушием, ни осталось и в помине. Это была мать, прижимающая к себе дитя. Такая же как и одиннадцать лет назад. По — своему любящая и переживающая.

— Ты так выросла, и копия — отец.

Она взяла лицо Вассы в ладони.

Девушка смотрела на мать и не могла сказать, что встреча оставила ее равнодушной, но и сильного душевного трепета она не испытывала. Родной и родитель хоть и созвучны, но первым и главным становится тот, кто поддерживает тебя в минуты слабости, разделяет пополам радости, и вовсе не обязательно, чтобы при этом в ваших жилах текла одна кровь. За эти годы мама не перестала быть для Вассы подарившей жизнь, но и дочернего пиетета тоже не было.

И именно в этот миг девушка поняла, что, если небо пошлет ей детей, она не пойдет той дорогой, которую выбрала мать. Лучше в бедности, но вместе, чтобы спустя годы не ощутить себя на ее месте. Когда стоишь, вглядываешься в родные черты, а та, что кровь от крови, не может откликнуться на твои чувства. Потому как дочерняя любовь давно похоронена под гнетом прожитых без материнской ласки лет.

Матушка это, кажется, тоже поняла и словно заиндевела.

— Прости. Дважды прости. За то, что оставила и за то, что сейчас ты стала разменной монетой для Алияс — Гронта, впрочем, как и его сын.

Вопрос о наследнике рода интересовал Вассу, но он был не первостепенен, а вот ее 'жених'...

— За кого меня прочат?

Мама улыбнулась.

— Узнаю хватку... характер старого ворчуна, хотя внешне вы как день и ночь. Он тоже не любил разводить политесы, а сразу задавал вопросы по существу, — и, словно решая непосильную для себя задачу, вздохнув, продолжила: — Отчим сговорился о тебе с графом Элроу. Этому почтенному герру далеко за шестьдесят, — при сих словах матушка скривилась, — но он пользуется доверием самого императора и ему благоволит главный инквизитор.

Инквизитор, значит... Инквизиция — карающий акинак... меч Хогана, искореняющий сорняки инакомыслия. Бич всех магиков. Четвертая власть, с которой приходится считаться. Вассе подумалось: 'И как отчим сумел сговориться с одним из любимчиков инквизиторской братии?' Ибо сомнительные достоинства девушки, как-то неземная краса (по портретику, где Вассария в пятилетнем возрасте, судить о ланитах и женственном стане тяжело, а других изображений юной графини Бертран в природе пока не существовало), редкий ум (в том плане, что редко проявляются даже зачатки интеллекта и логического мышления — мужчины такое любят) и прочие сомнительные добродетели Васса отмела сразу. И 'сват' в лице отчима и 'женишок' ее в глаза не видели, поэтому причиной брака, по разумению Вассарии, могла быть лишь выгода. Вот только какая?

Меж тем матушка, оглядев дочь критическим взглядом, вынесла вердикт:

— Тебе нужно срочно привести себя в порядок и переодеться, если отчим увидит в таком виде — будет жутко недоволен.

Девушка тяжело вздохнула. Начинается... Нет, быть марионеткой в руках отчима она не собиралась, но и выражать протест, едва явившись на порог, глупо. В воле Алияс — Гронт 'дис Бертрана объявить ее марой — распутницей и запереть в монастырь, начини падчерица рьяно упрямиться его воле. «Придется постараться сделать так, чтобы суженый сам расторг намечающуюся помолвку. Вот только как этого добиться?» — рассуждала она про себя.

После того, как Вассу начесали, затянули, зашнуровали и застегнули, она чувствовала себя таким фарфоровым болванчиком. В куче пышных юбок. А по габаритному сходству — шевелящуюся копну сена — еще не стог, но тоже весьма внушительно — такая же большая, шуршащая и сокрушающая все вокруг. Чтобы не задеть юбкой в очередной раз миниатюрный столик, девушка решила присесть.

Впереди маячила аудиенция с отчимом, не предвещавшая ничего хорошего. В ожидании она и пребывала последние полсвечи, после того как ее всю такую 'приграфиненую' оставили служанки.

Дверь в залу резко распахнулась, принеся с собой сквозняк, от чего батистовые платочки, аккуратной стопочкой лежавшие на столике, стайкой пугливых соек разлетелись по паркету, угнездившись на полу, безо всякого уважения к труду вышивавших их шитниц.

Причиной сквозняка оказался молодой человек. Его льняные взлохмаченные волосы, собранные некогда в хвост, небрежно распахнутый сюртук и взгляд с прищуром свидетельствовали о решительном расположении мужчины, как выразились бы поэты. Вассария же, особа весьма приземленная, отметила и алкогольный душок, а точнее перегар,

мел, на лацкане и след от яркой помады, коя так любима фьеррами полусвета.

Все это она разглядела, как только выпрямилась с парочкой злополучных платочков в руках, которые решила-таки поднять с полу.

Вошедший, пробежавшись по девушке взглядом, как — то снисходительно, с оттенком отчужденного пренебрежения бросил:

— Я так понимаю, Вы Вассария?

Слегка резкий тон фразы в начале к концу звучал совсем обыденно. Внешнее сходство молодого мужчины с отчимом было налицо: те же тонкие, бледные, слегка поджатые губы, прямой нос, резко очерченные скулы и высокий лоб с изогнутыми дугами бровями. Желтые холодные глаза. Взгляд прямой и гордый, надменный.

«Не иначе мой нечаянный сводный братик» — решила девушка.

— Брат, Вы ли это? Вот уж не думала, что впервые увижу вас в таком виде, после ночи в ресторации в компании вина, горячих женщин и удачной игры в карты.

Вассарии уж очень захотелось поставить на место этого высокомерного герра.

Обмен вопросами и взглядами. Так смотрят друг на друга противники перед схваткой.

Илас Бертран, единственный сын Алиас — Гронта (а столь стремительно появившийся мужчина был именно он), полклина назад узнал, что с сегодняшним вечером род Бертран объявляет о сдвоенной помолвке. Он, по наисрочнейшему требованию отца прибывший в родовой дом, — курьер его насилу нашел в одной из рестораций — ожидал услышать что угодно. Что отец или мачеха при смерти, что магии сожгли родовое поместье что... в общем, что угодно, но не то, что он становится нареченным Мариции 'дин Ренару — глупой, как пробка, и невыносимой, похуже похмелья с утра, рябой, словно стиральная доска, девицы княжеского роду. Второй же 'счастливицей' на сегодняшнем вечере должна стать его сводная сестренка — провинциалочка из тихонской глубинки.

Как он заочно подозревал, тоже недалекая и... скучно — правильная. Такими представлялись ему большинство жительниц провинций. Коих он к своим неполным двадцати четырем годам повидал немало. Обычно такие фьеррины всегда были сопровождаемы компаньонками, бдящими за вверенной им девичьей честью не хуже дозорных на крепостных стенах приграничья. Гораздо проще с куртизанками, коих в изобилии было при императорском дворе... (правда, при оном он был последний раз года два назад, на императорском балу, потом служба забросила его на клятую границу с Рираном).

Проскользил бы он еще не один год таким неуловимым призраком из загребущих брачных уз, не вмешайся отец. И дело тут вовсе не в довольствии, коим не мог попрекнуть его батюшка, поскольку служба в императорской гвардии приносила хоть и не баснословные, но деньги. Так что обеспечить себе относительно безбедное существование Илас мог и сам. Все было гораздо сложнее и проще одновременно.

Помимо исключения из рода (на которое Илас плевать хотел), родитель мог и смерти пожелать своему непослушному дитяти, сдав его инквизиции как мракобесье отродье. И не то, чтобы молодой мужчина был магом, нет, чернокнижным ведовством он не занимался. Но вот одна особенность его организма могла заинтересовать поборников хогановых заповедей: Илас ничем не болел. Вообще ничем. А однажды в детстве, упав на штырь, пропоротивший живот насквозь, выжил. После того, как его, пятилетнего сеголетку, сняли со злополучной кованной ограды, рана затянулась в момент, а рубца и вовсе, спустя пару клинов не осталось.

Двух слуг, бывших свидетелями сего действия мракобесных сил (а как же иначе: будь это хоганов дар, проявился бы он во всем благолепии, с божественным сиянием и херувимами, что сошли бы с небес и залечили оказию) отец срочно отослал в дальнее имение. Сам же Гронт крепко призадумался, но на всякий случай оставил отпрыска подле себя, под бдительным оком.

Сыну же, как тот подросток, Альяс во всех подробностях объяснил, что бабка Иласа с мракобесами зналась, не иначе, и что будет, узнай кто о его особом даре. Посему молодой человек в некоторых вопросах был крайне осторожен и щепетилен. На инквизиторской дыбе ему оказаться не хотелось, а препятствовать проявлению своего дара он не мог.

На границе в стычках Илас несколько раз вытаскивал арбалетные болты, прошивавшие грудь и живот насквозь. Благо свидетелей таких ранений не было, а когда и были, то они молчали, руководствуясь принципом: пусть и с мракобесным даром, но лучше однопольчанин, прикрывающий спину, чем Хогом благословенный неприятель, желающий отправить тебя к праотцам. Но чем ближе к столице, тем резче было неприятие 'чернокнижных отродий' — тех, кто как — то отличался от большинства. В Урмисе могли за это если не казнить, то приговорить к каторге уж точно.

Альяс — Гронт же, оценив размер приданого и выгоды, что сулил союз с родом Ренару, решил оженить сына во что бы то ни стало. А если сын воспротивится воле отца, что же, принцип: «я тебя породил — я тебя и упокою» — еще никто не отменял. Поэтому, в случае отказа, отец предупредил отпрыска о том, что сдаст его инквизиции. Илас знал своего родителя и его вспыльчивый нрав, а умирать молодому гвардейцу не хотелось.

Мужчина, на лице которого в эти мгновенья не дрогнул ни один мускул, мысленно стряхнул воспоминания, как мокрый пес воду, только головой не помотал, и еще раз, внимательнее, взглянул на симпатичную (не то чтобы неземная красавица, но отнюдь и не дурнушка) девушку, обдумывая ее ответ.

Незнакомка, которую он никак не ожидал увидеть в зале, была сопоставлена с имеющейся информацией и соотнесена с именем 'Вассария'. На его вопрос эта глупышка должна была представиться, ну как минимум подтвердить, что это она. Ну да, подтвердила, при этом повозив его носом по паркету. 'Как смогла догадаться?' — мысль, раздражающая не хуже зубной боли, вертелась в голове Иласа.

Вассария, желая окончательно добить визави, словно в насмешку, положила один батистовый платочек на стол, произнеся при этом:

— След от слишком яркой помады на шее.

Положила второй платочек и припечатала:

— От Вас пахнет. И не только вином. От вас несет ресторацией. Не очень дорогой, но все же.

Опустив третий платочек, насмешливо добавила:

— Мел.

Илас скосил взгляд на рукава.

— Мел у Вас на лацкане. Так обычно бывает, когда, играя, записываешь суммы ставок на сукне. Ну, и если бы вы проигрались, выглядели бы чуть иначе. Не было бы помады, был бы только перегар. На любительниц белил и румян у вас бы просто денег не осталось, — и незатейливо развела руками.

Эта провинциальная выскочка вызывала у Иласа исключительно матерные чувства.

— Странная у Вас, сестрица, манера — отвечать на вопросы, которые я НЕ задавал, —

язвительно бросил блондин, насмешливо глядя на три батистовых платочка, так старательно разложенных Вассарией на столике.

Девушка разозлилась: 'Да что этот сукин сын о себе возомнил!'. У нее возникло желание разmozжить о голову красавчика что-нибудь потяжелее, однако она ограничилась не менее язвительной фразой в тон:

— Вы для реплик специально яд у гадюк собираете?

— Нет, этого добра у меня самого навалом. Могу поделиться с сырыми и убогими, так сказать, по-родственному, задаром.

Илас цинично оглядел девушку, как кобылу на торгу, пока Вассария придумывала достойный и, главное, литературный ответ. Хотя на язык у нее просились такие, у которых из цензурного — одни запятые. Ну да, приличным фьерринам таких слов знать не положено, а произносить — уж тем более.

Воспользовавшись заминкой, Илас прокомментировал увиденное:

— Да, Вас, я вижу, мозг умными мыслями не балует...

'Спокойствие, спокойствие и бутылка валериановой настойки!' — Васса ощущала, что еще немного, и «игральный фасад» затрещит по швам, обнажая ту бурю эмоций, что бушевала внутри девушки.

В это мгновение на пороге появился слуга, приближения которого Вассария даже не слышала.

— Вас желает видеть его сиятельство граф Алиас — Гронт 'дис Бертран — провозгласил камердинер. — Следуйте за мной.

Алиас — Гронт с утра был не в духе. Сегодня должны были прибыть его сын, Илас Бертран и падчерица — Вассария, увы, по опрометчивой глупости тоже Бертран. Ее мать и его законная супруга по совместительству сумела уговорить его сделать столь щедрый свадебный подарок — признать падчерицу графиней. И хоть виконтское семя он не видел уже одиннадцать лет, да и желания лицедреть ее и ныне не было, падчерица все же станет достаточно прибыльным прожектором.

Улрон Клест стар, препротивен и дьявольски умен. А еще пережил мракобесью дюжину жен. Это обстоятельство и было причиной того, что последние две его 'нареченные' предпочли стать хогановыми невестами и уйти в монастырь, не прельстившись радостями столь короткой (в среднем пару месяцев) супружеской жизни. Ну подумаешь, две фьерры Клест упали, убившись насмерть — одна с лестницы, другая с замковой стены. Четыре перешли в мир иной от родильной горячки. Одна повесилась, троих заставили пойти по пути, из которого еще ни один не вернулся, странные и скоротечные болезни.

Ныне Улрон Клест был единственным представителем некогда многочисленного и славного рода. И последние несколько лет иступленно мечтал о наследнике. Но вот оказия — почему — то девицы знатных родов, благонравные и способные одарить его долгожданным чадом, не горели желанием одеть на шею брачную цепочку. Помог почтенному герру в столь щекотливом деле его давний нет, не друг (чем больше власти, тем прозрачнее не то что дружба, а даже приятельские отношения), а задолжавший ему услугу великий инквизитор. Он — то и предложил Алиас — Гронту сделку: руку его падчерицы для Клеста в обмен на свою милость и расположение. Поэтому сейчас граф Бертран был взволнован. Вассария — не его сын. Единственное, чем он может ей угрожать — отречением от рода и монастырем. Но ведь эта скудоумная и стать хогановой невестой может

согласиться, кто их, девок — дурех, знает? С Иласом — проще. А этой надо будет доказать, убедить, чтобы этакая полухвоя не подалась в монастырь. Сии невеселые думы были у герра Бертрана, когда в его кабинет вошла Васса.

'Изменился, обрюзг, полысел' — первое, что подумалось девушке, когда она увидела своего отчима, от былой стати которого не осталось и следа. Лишь надменности, как всегда, в избытке, о чем свидетельствовали опущенные уголки губ и тяжелый, давящий взгляд.

Ни Васса, ни Альяс — Гронт не спешили начать разговор. Одна оценивала, продумывала линию поведения, второй банально не знал, с чего начать. Пауза затянулась, и Вассария уже решила, что лучшей линией поведения будет «игра на выдохе», как называл это дедушка. Когда шулер косит под расслабленного и наивного дурачка, свято верящего, что вот сейчас придет нужная карта. Девушка уже открыла было рот, но тут герр наконец — то разродился приветственной речью.

— Вассария, одиннадцать лет назад я признал тебя графиней Бертран и обеспечил твое воспитание и пансион, — назидательно начал Альяс — Гронт, а девушке подумалось, что под словом 'обеспечил' граф подразумевал 'не взимал налоги', поскольку от отчима за все эти годы она не получила ни медьки. Меж тем Бертран — старший продолжал: — И сейчас ты должна будешь, повинувшись дочернему долгу, выйти замуж за графа Клеста.

Альяс — Гронт все же не выдержал и поморщился, как от ложки свеженатертого хрена, который способен выбить слезу даже у портового грузчика. Перед кем он распинаятся? Эта никчемная девица, лишь по недоразумению носящая фамилию Бертран, глаза бы ее не видели, а надо... и смиренно так стоит, глаза в пол. Раздражает.

Вассария же тем временем впиалась ногтями в ладонь так, что на коже остались полумесяцы ранок, споро начавшие наполняться кровью, и молчала, опустив взгляд долу.

Граф, посчитав свою миссию 'свата' выполненной, не дождался вопросов, стенаний и сцен, к коим внутренне все же готовился, изрек:

— Сегодня будет светский раут, на котором я и объявлю о вашей помолвке. Можешь быть свободна.

Вассария, не проронившая ни слова во время аудиенции, присела в реверансе со словами:

— Да, батюшка, как прикажете.

Отчим смежал веки и девушка, посчитав это ответом, удалилась.

Глава 3

Многое зависит от чипера

В самой игре он не участвует, но порою бывает незаменим. Обычно чипер — это мелкий, шустрый, глазастый пацаненок, ловко сортирующий фишки и собирающий их в стеки. Такой еще не шулер, но по тому, как быстро чипует, можно сказать, выйдет ли из него толк, или тренировать такого бесполезно.

Наблюдение Хайроллера при обучении карточному мастерству

— Выдохните, княгинюшка, еще чуток... — служанка тянула шнуровку корсета, словно умелый возница вожжи коренной, пустившейся в ошалелый галоп. Приложенная при этом дюжая сила, коей не всякий молодец похвастаться мог, не уступала объемным телесам

Мариции 'дис Ренару, не желавшим впихиваться в этот пыточной предмет дамского туалета. Корсет уже трещал по швам, но все же приводил фигуру фьеррины к тому знаменателю, который позволил бы Мариции поместиться в новое платье, сшитое аккурат к сегодняшнему дню.

Ренару вцепилась дебелими ручками в спинку кровати, и завывала на одной ноте:

— Сил моих больше нет!

— Потерпите еще немного, — увещевала служанка. Наконец она стянула шнуровку и, утерев пот со лба, как после дня работы в поле выдохнула: — все!

Мариция медленно отцепилась от своей опоры и, слегка расставив руки в стороны, сделала несколько неуверенных шагов.

Корсет стойко держал оборону, подобно тихонским партизанам времен великой эргонейской войны, перекрывая канал поставок продовольствия противника, в смысле воздуха. Отчего княжна дышала неглубоко и часто. Зато у нее в кои — то веки наметился остаточный след талии.

— Обожди чуток, яхонтовая, щас раздышусь и платье будем надевать, — меж тем промолвила служанка, дородная женщина из тех, что и коня и мужика из горящей избы на закорках вынесет.

И вправду, через пару клинов Мариция стояла перед зеркалом, облаченная в жемчужно — розовый, с кучей рюшей и рюшечек туалет, слегка уступавший габаритами чехлу от кареты.

Сегодня был день, которого Мариция ждала очень долго: день, когда объявят о ее помолвке с Иласом Бертраном.

Сколько истерик пришлось закатить папеньке, безоглядно обожавшем свою дочурку! Даже два раза объявить голодовку (впрочем, продлившуюся ровно до ближайшего обеда — покушать Мариция любила, и с размахом) и один раз потравиться (жаль только, что вместо сонных капель княгинюшка приняла слабительные, перепутав этикетки, но отец все равно испугался за дитя, решившуюся на самоубиение). Мытьем и катаньем, угрозами и посулами, но фьеррина все же добила своего. Герр Ренару подключил все свои связи, кого подкупил, кого принудил, но спустя год и два месяца сумел — таки сговорить герра Бертрана — старшего (за весьма солидное приданое, надо сказать) на помолвку.

Сердце Мариции трепетало. Фьеррина была объята любовным томлением в тот самый миг, как впервые увидела Иласа на ежегодном новогоднем императорском балу. Высокой, гордый, неприступный, уверенный в себе и манящий холодной красотой вечных льдов — он показался ей тогда хогановым воплощением, сошедшим с небес. Девушка решила во что бы то ни стало сменить свою фамилию на Бертран, благо и знатность, и состояние ей это позволяли. Будучи же единственной и выпестованной дочкой рано овдовевшего герра Ренару, она не знала ни в чем отказу. И хот в этот раз папенька и заупрямился, но в итоге вышло все, как захотела Мариция. Поэтому сейчас она старательно прихорашивалась перед зеркалом, в красках представляя себе грядущий вечер.

Вассария же в этот момент была занята прямо противоположенным, а именно старалась придать своему животу не вопиющую, но некоторую округлость, как бы намекающую на возможность пикантного положения не фьеррины, но уже может быть и фьерры. При этом девушка старалась не переборщить, дабы сомнения в ее положении все же оставались, поэтому то вновь подкладывала и расправляла несколько салфеток, то убирала их из из —

под плаття, критическим взглядом оценивая результаты своих маскировочных потуг. Волосы девушка еще раньше слегка припорошила пылью, старательно собранной на полках спальни, в которой ее оставили. Благодаря сему маневру шевелюра ее приобрела замечательный мышинный оттенок, настолько невзрачный, что взгляд словно соскальзывал с девушки. Данному эффекту так же способствовало полное отсутствие косметики и безразличное выражение лица Вассы.

Как бы не хотелось фьеррине оттянуть миг, когда она предстанет перед своим 'суженным', но он неумолимо приближался. Наконец настал тот миг, когда необходимо было спускаться вниз, к гостям.

Девушка шла по лестнице, затаив дыхание. Нет, на нее не были устремлены взгляды пришедших гостей (число оных, к слову, было не меньше сотни — и это званый ужин? Васса рассчитывала, что будет максимум дюжина приглашенных), и никто не объявлял о ее прибытии, но все же.

Первой Вассарию увидела мать, поспешившая через пеструю толчею к дочери.

— Моя дорогая, ты просто прелестно выглядишь, — светский тон завяз на зубах сосновой смолой.

— Спасибо, маменька.

— Пошли, Алияс просил сопроводить тебя к нему, как только ты появишься. Он хочет представить тебя Клесту.

Вассария тяжело вздохнула и двинулась вслед за матушкой.

Спустя пару клинов она рассматривала высокого, седого, кряжистого мужчину, которому больше всего подошло бы слово «излишне». Такое ощущение, что природа, при его творении все сделала чересчур: чересчур длинный нос, чересчур густые брови и весьма массивный подбородок, излишне тонкие губы, словно бы прорезанные на лице.

«Улыбаемся и приседаем», — сама себе напомнила Васса, старательно, но не очень изящно опускаясь в глубокий реверанс.

Клест оглядывал фигурку будущей невесты с видом знатока, которому на ярмарке навяливали тягловую кобылу по цене анжунского рысака и кривился. За те деньги, что он присовокупил к инквизиторскому расположению, чтобы вновь пойти под венец с очередной женой, она могла бы быть более лощеной, великосветской, яркой. Ну да ладно, сойдет.

Наконец было объявлено, что ужин подан и гостей приглашают к столу.

После того, как все расселись, слово взял Аляс — Гронт:

— Уважаемые фьерры и фьеррины, достопочтимые герры, сегодня у нас в семье произошло сразу два знаменательных события: мой сын и наследник выбрал себе достойную спутницу жизни, Марицию Ренару, дабы сочетаться с нею законным браком.

При этих словах графа зазвучали аплодисменты, кто — то кинулся поздравлять поднявшихся Иласа и Марицию. В общем, воцарилась атмосфера подхалимажа и зависти, старательно прикрытая лицемерными заверениями в счастье и радости.

Вассария разглядывала жениха с невестой. Колоритная подобралась парочка. Илас был выше нареченной на полторы головы и строен, как кипарис. Он принимал поздравления с настолько «располагающим» выражением лица, что все радостные, или старательно мимикрирующие под них эмоции отлетали от блондина, как сухой горох от стены. В правый его локоть хваткой, давшей бы честь любому бультерьеру, вцепилась Мариция. Она лучилась счастьем за двоих, причем настолько искренне, что на миг Вассарии даже стало жаль Иласа. Попал блондинчик. Но потом взгляд девушки упал на угрюмое лицо Клеста и она мысленно

усмехнулась: неизвестно, кто из них двоих 'попал' больше. Илас с Марицией или она с Улроном. У той хотя бы не было обширного списка «предшественниц», внезапно решивших распрощаться с этим грешным миром.

Меж тем как первая волна наигранных восторгов по поводу помолвки стихла, и гости расселись на свои места, Альяс — Гронт вновь поднялся, решив двинуть вторую часть высокопарной речи.

— Нам поесть сегодня дадут? — шепот на грани слышимости достиг слуха Вассы. И голос был знакомый.

Девушка посильнее откинулась на спинку стула и ей удалось — таки разглядеть говорившего. Им был ни кто иной, как Эрден 'дис Антер — недавний улан — дознаватель из трактира. Неизвестно почему, но это обстоятельство весьма обрадовало Вассу.

— Разрешите, достопочтимое собрание, объявить так же и о помолвке моей падчерицы, Вассарии, урожденной Хайроллер, ныне 'дис Бертран и Улрона 'дис Клеста.

«Не преминул — таки подчеркнуть, что я его падчерица, а не родная дочь, хотя каждой сонной мухе на стекле это известно», — невольно отметила девушка. Меж тем ей пришлось так же, как и Иласу вставать со своего места, идти к «жениху», чтобы вместе принять причитающиеся по сему поводу поздравления.

«Здорово Альяс сэкономил, устроив две помолвки в один день. Такую ораву прихлебателей поди два раза накорми», — меж практично прокомментировала Васса про себя.

Засвидетельствовать свою радость подходили многие, и вот уже в череде радостеизъявителей мелькнула знакомая макушка Эрдена, как раздался истошный женский визг, потом треск и, наконец, грохот. Краем глаза уловив суть происшедшего на другом конце залы, Вассария, не теряя времени даром, начала воплощать свой план по отвращению от своей персоны Клеста и картинно стала оседать в обморок.

Вообще — то девушка рассчитывала, что подхватит ее Клест, как стоявший ближе всего. Но то ли мужик был привычен к подобного рода дамским инцидентам и приобрел к ним иммунитет, то ли не успел среагировать. И хотя Вассария оседала как можно медленнее (но двигаться по направлению к полу ей все же приходилось: а то что это за обморок, падение в который продолжается пару клинов), был близок миг, когда затылок звучно поцелует паркет. На помощь девушке пришел неизвестный мужчина, из наружности которого лицедейка успела разглядеть лишь черный с серебряной вышивкой камзол. После чего ей, дабы не выйти из образа лишённой чувств фьеррины, пришлось прикрыть глаза.

Причиной же столь стремительного падения Вассарии и визга Мариции (а кричала именно она) послужила домовая пищуха. Столь бурная реакция еще раз подтвердила непреложное правило: путь мыши проложен через упавших в обморок женщин, ну, или, на крайний случай, дико верещащих. Мариция, увидев погрызушку, взвыла так, что стекла задрожали. Корсет, не выдержав давления превосходящих сил противника, решил сдаться без боя и разошелся по швам. А за ним и платье. Теперь княгинюшка верещала уже по другой причине, правда, нужно отдать ей должное, перехода в тональности почти не было, а взятое ею 'си' она держала несколько клинов подряд.

Наконец, когда ее слегка успокоили четырьмя бокалами крепкого вина (на циничный взгляд Иласа, одна пощечина для заистерившей дамочки была куда бы более эффективной и менее затратной) и увели из залы, все внимание наконец — таки сосредоточилось на Вассарии. А девушке это и было нужно.

Вздохнув, она затрепетала ресничками и приоткрыла глаза.

— Как Вы себя чувствуете? Что-нибудь нужно? — зазвучали участливые голоса светских стервятников, чувствующих новый виток пикантного скандала.

«Сегодняшний вечер определенно удался, потому что завтра некоторым его участникам будет стыдно о нем вспоминать. И если с иласовой суженой все случилось нечаянно, то я сама себя сейчас загоняю в ловушку...» — не к месту подумалось Вассе, и девушка неслышно прошептала:

— Прости, Эрден, но больше некому.

Вздохнув свободнее, и приняв сидячее положение, уже вслух Вассария, кося под альтернативно-одаренную, произнесла:

— Да, можно водички и... соленого огурчика. — и, невинно захлопав глазками, присовокупила: — в последнее время меня постоянно тянет на соленьенькое.

Клест при этих словах лишь плотнее сжал губы, но смолчал. Альяс нахмурился, но более ничем так же не выказал своего недовольства.

Вассария, решив, что терять уже больше нечего, (пропади она пропадом, эта репутация, жизнь и свобода дороже), наклонилась, изображая приступ тошноты. Жених с отчимом и на этот ее выпад никак не среагировали, хотя гости уже начали со значением перешептываться и кивать друг другу, дескать, девица — то «с душком».

Девушка же доигрывала комедию до конца. Вот она побледнела, будто только сейчас осознавая, что все это значит. На лице ее отразились муки борьбы совести, закованной в рамки условностей и приличий. Узнай кто в этот момент, о чем думала Васса, весьма бы удивился. Она размышляла, как могла среди бронзы, позолоты и мореного дуба так своевременно появиться мышь. По прикидкам девушки выходило, что погрызуху сюда заботливо принес кто — то из гостей. И тут взгляд ее упал на входную дверь. Из — за одной из створок высунулась голова посыльного мальчишки, из прислуги. Рот, украшенный дыркой от выпавшего молочного зуба был растянут от уха до уха в довольнящей улыбке. «Шалость удалась, да еще как!» — словно было написано огромными рунами у него на лбу. Глаза сияли безмерным счастьем. Ибо что может быть радостнее осуществленной шкоды, за которую еще не поймали и не наказали?

На переднем же плане резкий контраст с посыльным оставляло лицо Иласа. Каменно — заиндевелое, непробиваемое и надменное, и не угадаешь, о чем думает. «А ведь он, наверняка, как и я, жалеет, что мышь не появилась раньше. Если бы бенефис пищухи состоялся на пять клинов ранее, может, и не было бы объявления о помолвках. Дамы бы повскакивали, попадали бы обморочными кеглями на паркет, началась суета, какие уж тут возвышенные речи. А под шумок можно было бы и скрыться, прихватив родовое кольцо и серьги, предоставленные Альяс — Гронтом на вечер, чтобы показать падчерицу в выгодном свете», — размышляла девушка.

Наконец лицедейка сочла паузу достаточно затянувшейся и придав своему лицу как можно более трагическое выражение, произнесла.

— Отец, должна сознаться. Я беременна.

Наступившая тишина сделала бы честь любому фамильному склепу. Вассария могла бы поклясться, что слышит, как крутятся шестеренки в мозгах некоторых гостей, уже сочинявших подробности столь пикантного заявления. Тут до нее еще раз донесся шепот Эрден, который склонился к уху другого мужчины:

— А вечер все интереснее и интереснее. Ради этого действительно стоило оторваться от

квартирных отчетов.

Вассария коварно усмехнулась: «Ну погоди, сейчас тебе будет не до веселья!» — и заговорила быстро, опережая отчима, уже готового разразиться обличительной тирадой.

— Я грешна перед Хогом и вами в том, что не рассказала сразу. С недавних пор я уже не графиня Бертран. Мой муж и отец ребенка Эрден ‘дис Антер.

И в доказательство своих слов девушка достала из корсажа брачную подвеску, столь опрометчиво забытую уланом в таверне.

Эрден не чурался общения с женским полом, и к своим почти тридцати даже составил некую классификацию, согласно которой кроме фьеррин лёгкого поведения, существовали еще и облегчённого поведения — дамы полусвета. Любовницы были отнесены им к женщинам полутяжёлого поведения, а жёны — тяжёлого, а порой — невыносимого поведения.

Последних двух категорий ему пока удавалось избегать, поэтому такой подлости судьбы мужчина не ожидал. Только он успел порадоваться успешно проведенной операции, оказавшейся в последний момент на вздох от срыва, как теперь это. Нет, конечно, от сомнительной радости брачных уз он отопрется. Не было ни венчания, ни записи в приходской книге, но слух будет летать долго. А светские сплетники из тех, что видят краем глаза, слышат краем уха, и думают краем мозга, домыслият столько подробностей, что потом хоть полгода не вылезай из департамента.

«Мракобес подери, какая шустрая девица! И как быстро тогда смылась из таверны!» — невольно восхитился он. Эрден, конечно, вспомнил о родовой брачной подвеске, которую для убедительности образа пришлось поставить на кон в злополучной игре, но когда он вернулся в таверну полсвечи спустя, сметливой девицы и след уже простыл.

Граф Антер, посокрушавшись немного над безвозвратной, как он думал, потерей, плюнул в итоге. Женитьба светила ему еще не скоро, потому как Эрден полагал, что выбирать спутницу надо если не по любви, то хотя бы по взаимному уважению. Подходящей же фьеррины на эту роль пока еще и на горизонте не было. Да и не такая это большая проблемы. Ну подарит он своей невесте не родовую подвеску, а новую брачную, сделанную ювелирами специально для нее.

Партии же, о которых зачастую сговариваются главы сиятельных родов, иногда такие выходят, что супруги без стилета и бутылка с универсальным антидотом вместе ужинать не садятся. Поэтому сговоренной жены Эрден себе не хотел ни под каким соусом. Сам выберет, не безусый юнец уже. С отцом у них по этому поводу и так давно уже была негласная договоренность.

Антер — старший, в своё время испытывший на себе все прелести договорного союза, такой участи сыну не желал, поэтому в его личные дела не вмешивался. Лишь однажды обронил: «Это твое дело, с кем проводить вечера и ночи, но если обесчестишь девицу знатного рода, и она от тебя понесет — жению». Эрден, памятуя о том разговоре, был в вопросе отцовства очень аккуратен и проколов у него ни разу не случилось. Но он даже предположить не мог, что у фьерры Судьбы настолько специфическое чувство юмора.

С того приснопамятного разговора минуло уже больше тринадцати лет, и Эрден высоко взлетел по служебной лестнице. До отца ему еще было, конечно, далеко, но и с помощником главного дознавателя в свете приходилось считаться.

А за свою карьеру Эрден оттоптался по больным мозолям многих сиятельных господ. И

сейчас за его спиной зубоскалили. Впрочем, мужчине было не привыкать. Вот только некстати вспомнилось это отцовское напутствие.

Шаркающую кавалерийскую походку, выдававшую в ее обладателе человека военной закалки, дознаватель знал. Вот не зря же в голове крутилась фраза тринадцатилетней давности, сейчас она показалась молодому мужчине пророческой.

— Ну наконец — то! Дождался того славного мига, когда скажут, что я вскоре стану дедом! — приятный баритон подходил этому невысокому, в годах, мужчине так же, как корове парчовое седло. Создавалось ощущение, что для того, чтобы проникнуться величием и значимостью этого человека, его нужно только слушать. Но стоило открыть глаза, как сразу возникал диссонанс. Внешне обладатель столь чарующего слух баритона больше всего походил на отутюженного и начищенного воришку с шахинского рынка (если таковому, при его прыткой и опасной работе, удалось бы дожить до почтенных седин). Щуплый, точный и в то же время плавный в движениях, мужчина так быстро просочился сквозь толчею сплетников, что те просто не успели расступиться. А когда поняли, кто это, отскочили посшибав сзади стоящих затылками.

'Надо срочно как — то исправлять ситуацию!' — галопирующая не хуже норовистого жеребца мысль пронеслась в сознании Эрден. Он уже было сделал несколько шагов по направлению к вновь прибывшему мужчине, чтобы объяснить, потому как ситуация не нравилась ему все больше, но, проходя мимо тахты, где восседала его неожиданная женушка, познал всю суть женского коварства. Острый каблук Вассы с силой вонзился ему в ступню, едва ли не пропорвав ботинок. Девушка старалась, вкладывая всю душу и силу в этот почти не заметный со стороны маневр, и таки добилась желаемого. Эрден зашипел от боли, и лишь воспитание и выдержка (благодаря которым герр назовет кошку кошкой, даже запнувшись об нее в темноте) не позволили дознавателю кратко, емко и матерно охарактеризовать свои впечатления от произошедшего.

Васса же, не теряя времени даром, наклонилась к самому уху Эрден и протараторила:

— Подыграй. Верну тебе твою родовую цацку, с наваром верну, только помоги выбраться из этого дома. — и, видя взгляд Эрден, который буквально вымораживал, девушка быстро сменила тактику. — И отцу твоему объясню, что ошибка с замужеством вышла, только помоги!

В том, что возврата нет, Вассария уже убедилась. Отчим не простит ей попорченной репутации рода Бертран и по окончании вечера либо прибудет на месте, либо сошлет в монастырь. Знала бы, что так обернется, продумала бы, стоит ли вообще ехать в столицу?

Вассе вспомнилось прощальное напутствие деда: «В тихонской глуши, тебе, Ас, делать уже нечего. Езжай в столицу, а как оно уж там выйдет — смотри сама. Ты девочка неглупая. Создавай свою судьбу, играя на грани фола, опережая мысли и желания толпы, так, чтобы самой разложить нужный тебе дропкат обстоятельств...». Вот она и старалась, понимая, что от нескольких слов зависит очень многое.

Эрден же в этот момент больше всего хотел собственными руками придушить эту маленькую шантажистку, но сдерживался. Если она подтвердит перед отцом, что все произошедшее не более чем фарс, то удастся оправдаться если не в глазах света, то хотя бы родителя.

— Нам надо поговорить с... — мужчина словно споткнулся о слово, но потом все же выплюнул — ... супругой. И лучше всего это будет сделать у нас дома, папа.

Последнее слово он выделил особо, намекая на то, что и родителю следует удалиться.

Честное и не очень собрание при этих словах заметно оживилось, напомнив осиное гнездо, ошпаренное кипятком.

Первым опомнился Альс — Гронт, выдавивший-таки на лице любезную улыбку. В этот момент с Эрденем 'дис Антером они были схожи в одном: стремлении прикопать где-нибудь в укромном уголке одну несносную девицу. И оба пока не могли осуществить свои мечты. Однако, помимо прочего, Альяс был еще и озадачен. В случае помолвки с Клестом великий инквизитор сулил ему свое расположение. Но что будет теперь, когда оказалось, что его падчерица умудрилась выскочить и понести от сына главного борца с мракобесьем?

— Тогда разрешите откланяться... — произнес шустрый господин, как оказалось еще и являвшийся отцом Эрдена.

— Было приятно Вас лицезреть, инквизитор... — в тон ему увещевал Альяс — Гронт

И хотя его короткая речь, окрашенная в приветливые светские полутона, соответствовала нормам этикета, в ушах Вассарии она звучала набатом: 'Инквизитор! Великий инквизитор! Теперь мне точно конец. Качественно и с гарантией'.

Схватив названную женушку под локоть, Эрден тараном понесся к выходу из зала. Васса едва успевала переставлять за ним ноги, и чувствовала себя щенком на привязи. Широкое, неудобное платье не позволяло ей выбраться из толпы с нужной скоростью, поэтому мужчина периодически тянул ее с удвоенной силой, отчего верхняя часть корпуса девушки уходила вперед, а пышные юбки, благодаря вшитым в подъюбник кольцам, образующим подобие полусферы, не проходили в узкие промежутки, что так часты в толпе гостей.

И все же Эрден справился с задачей не хуже именитого сомелье, выдернув Вассу пробкой из бутылки людского водоворота. Последняя и не трепыхалась, размышляя, отчего ей в последнее время так не везет.

После того, как отец и сын Антеры с Вассарией сели в карету, и та тронулась, Эрден все же не выдержал:

— Какого мракобеса ты там устроила? — в голове Эрдена крутились и более хлесткие формулировки вопроса, но он кое — как сдерживался, впрочем, из последних сил.

Вассария, не говоря ни слова (потому как опасалась, что, открыв рот может спровоцировать мужчину перейти от слов к действиям), нащупала на шее цепочку с подвеской и, сняв ее, протянула Эрдену.

Инквизитор, до этого момента наблюдавший за молодыми людьми, вдруг захохотал. Нет, даже не захохотал. Заржал, хотя благородные герры не знают, что это такое. Он смеялся от души, вытирая выступившие слезы.

Васса и Эрден с недоумением смотрели на него. Мужчина даже руку, что тянулась к кулону, на пол движении остановил. Да и лицедейка была изрядно ошарашена.

— Юная фьерра, ну и представление же вы устроили. Даже я грешным делом купился! Как мальчишка. А Эрден-то как перепугался! Сын без малого десять лет успешно уклонялся от охотниц за состоянием. Тех, кого не смущает ни внешность, ни должность, ни возраст жениха, лишь бы деньги были. А тут вы, в каких-то пару вздохов рушите его репутацию неприступного сердцеда.

Вассария слегка нервно улыбнулась, понимая, что если ее и попытаются придушить, то не прямо здесь, в экипаже. И только хотела откинуться на спинку сиденья, как карету резко потряхнуло. С улицы послышалось истошное ржание лошадей и девушка почувствовала, как повозка, резко накренившись начинает стремительно заваливаться на бок.

Эрден, еще до конца не осознавая, что происходит, попытался выскочить наружу, но его

отбросило из-за крена назад, и он основательно приложился плечом о стенку кареты, в конечном итоге упав на Вассарию.

Самым невозмутимым оказался инквизитор. Он будничным тоном прокомментировал.

— Ничего нового придумать не могут. Без изюминки ребята работают, без энтузиазму.

— О чем это Вы? — любопытство женщин губило не один раз, и Васса тоже была подвержена этой губительной черте всех фьерр.

— Да о покушении. Это уже второе на этой неделе. Магики никак успокоится не могут.

Девушка, на которую до этого ни разу в жизни специально не покушались, ожидала, что сейчас распахнется дверца кареты (на данный момент выполняющая роль потолочного люка) и их расстреляют в упор из арбалетов или заколют кинжалами.

Инквизитор же был спокоен, как мешок картошки, на зиму залёгший до весны. Эрден, осознавший, что происходит, проявил по этому поводу легкое матерное недовольство. Такая реакция спутников слегка успокоила девушку. Если они не дергаются, может, и обойдётся. И вправду, спустя несколько вздохов, а затем и клинов в карету с убийственными желаниями никто не ломился. Лошади, все еще взволнованно всхрапывающие и гарцующие не месте, постепенно успокаивались.

Дознаватель, желая выпрямиться, уперся в первое, что попало под руку. Бедро лицедейки оказалось удобным для опоры, но девушке это почему — то не понравилось. «Интересно: и почему же?» — размышлял мужчина. Вариант, что при этом юбки и панталоны задрались непозволительно высоко, так что под его ладонью оказалась оголенная кожа Вассарии, мужчина отринул как маловероятной. Истинную женскую натуру, нарочито-стыдливую и распутную в душе, он познал хорошо.

Вассу в первое мгновение возмутило то, что ее лапают как сенную девку, но девушка решила, что устраивать скандал не ко времени и не к месту, но при удобном случае она припомнит Эрдену этот маневр, и лишь недовольно зашипела. Инквизитор, будучи свидетелем сей пикантной сцены, лишь усмехнулся.

Наконец, после того, как все трое выбрались из кареты — а к тому времени и изрядно хромающий и помятый возница подбежал — было осмотрено и место происшествия.

Эрден провел рукой по передней оси и что — то задумчиво растер между пальцев, а потом еще и принюхался — не хуже ищейки. Инквизитор с вниманием оглядывал место, куда пришлось основное направление взрыва. Вассария же, ничего не понимавшая в тонкостях сыскной работы, просто оглядывала улицу.

Промозглый, въедливый, как фининспектор, ветер норовил залезть под плащ и вытеснить оттуда законного хозяина. Снег, еще с утра валивший противной крупой и таявший, едва только опускался на землю, к вечеру превратился в сплошную корку, и вся улица напоминала каток. «Чтобы передвигаться по такому льду, нет ничего лучше терок. Привязал такие на ноги, и можно смело бежать по улице, правда, с лязгом рыцаря тихонского ордена, ну да это мелочи», — отстраненно подумалось Вассарии. Но помимо ехидного внутреннего голоса что-то не давало девушке покоя. Что-то ее смущало, но она не могла понять что. Такое же ощущение у нее было, когда дед в игре пытался ее провести: она могла не заметить, где именно он «откатал масть», но внутренним чутьем ощущала: блефует.

Вот и сейчас... она не могла сказать, в чем и как точно, но было ощущение, что это покушение отдает душком блефа умелого шулера. Судя по тому, с какой интонацией Эрден задал следующий вопрос — не у нее одной.

— И давно на тебя стали совершать столь специфические покушения?

— Несколько недель назад, — и, опережая следующий вопрос сына, инквизитор добавил: — с самого начала эти покушения были какие-то не такие. Ты знаешь, меня не раз пытались отправить к праотцам, но только в этот раз перед каждой попыткой эти... чистильщики предупреждают письмом. Как-будто боятся ненароком убить.

Эрден смотрел на обод, на покореженный облучок, на низ дверцы кареты. И то, что он видел, ему все больше не нравилось. Направление взрыва не то, совсем не то. Если хотели бы убить наверняка, кидали бы под днище, а еще лучше в окно кареты. Конечно, экипаж ехал на приличной скорости, но если постараться... улица пуста, вечер. Он бы именно так и поступил. А тут, воля Хогана, несусветное что-то. Свои догадки мужчина и озвучил.

В наступившей после этого тишине голос Вассы, слегка надсаженный по причине пережитого волнения и потому напомнивший в первых звуках вороний клекот, заставил мужчин вздрогнуть.

— А почему вы так уверены, что это магии?

— Хотя бы потому, что послания с предупреждениями о покушениях были именно от них. Да и это логичнее всего. Именно инквизиция стоит костью в горле у этих чудодеев.

Вассарию поразила интонация инквизитора. Казалось бы, при одном только упоминании о магиях великий и ужасный должен был вспылать праведным гневом, а он... как-то слишком обыденно — просто отреагировал. Но это наблюдение не дало сбить девушку с мысли:

— Тогда почему они использовали не свои чародейские приемы, которыми пугают всех чуть ли не с младенчества: ну там огненным шаром бы запустили, или ледяные стрелы намагичили...

— Юная фьеррина увлекается сказками... — усмехнулся инквизитор, однако легкий непринуждённый тон не сочетались с кипучей работой мысли, что проглядывала в посерьезневшем взгляде. — Хотя, в чем — то вы все же правы. Это надо обдумать.

Великий и ужасный еще раз оглядел карету, обернулся к кучеру и приказал:

— Поймай два экипажа. Для меня с Эрденем и второй для фьеррины.

Кучер, которому не надо было дважды повторять, резво похромал исполнять приказание.

— В департамент? — скорее утверждая, чем спрашивая, озвучил предположение Эрден.

— Верно.

Глядя на этих двоих, у Вассы невольно возникло чувство, что перед нею не просто отец и сын — они одна команда. Возраст и опыт. Молодость и сила. Слаженный, четкий тандем, в котором двое понимают друг друга с полувзгляда, чувствуют спину партнера. И пусть они не всегда вместе, но если оба берутся за дело...

Меж тем из-за угла вылетела бричка, в которой на правах победителя на пассажирском сиденье расположился инквизиторов кучер. Он был доволен, что так быстро исполнил данное ему поручение.

— Олух, а где второй экипаж?

— Дык нетуть. Только этот, — развел руками слуга.

Инквизитор обернулся, вперившись взглядом в Вассу, как в досадную помеху.

— Я могу и с Вами поехать... и подожду там, сколько нужно.

Просящие интонации не были коньком девушки, однако хоть холод был и не собачий, а простой на этаком ветру клинов двадцать — и продрогнешь до костей. А этого девушке ой как не хотелось. Эрден, похоже, рассуждавший так же, махнул рукой.

— Ладно, давай с нами, но только не путайся под ногами.

Извозчик, услышавший адрес места прибытия, заспешил так, словно у него в экипаже фьерра на сносях резко надумала рожать, не иначе. При этом бричка выделявала такие кульбиты на поворотах, что родила бы не только беременная, но и мужик (хотя эта функция природой для него и не предусмотрена). Услышав знакомые и красиво связанные многоэтажные фразы, коими кучер щедро сдабривал попытки обуздать тягловую животину, не к месту вообразившую себя рысаком, Вассария про себя выдохнула: «Наконец — то подъезжаем!». Бричка, несмотря на все потуги извозчика, резво пролетела мимо парадного входа в инквизиторский департамент, и имела неплохие шансы, пройдясь юзом, затормозить о фонарный столб, но обошлось.

Антер — старший, выбравшийся из повозки, и тоже находившийся под впечатлением от обзорной экскурсии, кинул серебрушку кучеру. На просьбу же того сотворить Хоганово знамение «чтобы удача не покидала», изобразил настолько размыто — замысловатый жест, явно отдававший матерщиной, что даже дурная кобыла, которая и обеспечила великому инквизитору непередаваемый букет впечатлений, смутилась.

После столь емкой и красочной пантомимы великий и ужасный развернулся на каблуках и решительно направился в департамент. Эрден следовал за ним неотрывной тенью. Вассарии ничего не оставалось, как повторить маневр 'муженька'.

В темных пустынных узких коридорах пугливым эхом отдавался гул шагов троих неожиданных посетителей. Наконец ключ, вставленный в замочную скважину, проскрежетал о металл. Звук вышел такой, что девушка поняла: никакой охраны кабинету и не требуется. Любой вор, посягнувший пошерудить отмычкой, оповестит о своем намерении всех глухонемых окрест. Эрдену услышанное тоже не понравилось, он скривился, как зять, пришедший под утро на бровях к порогу дома и обнаруживший там «любимую» тещеньку с распростертыми проклятьями. Наконец дверь открылась, пуская пришедших в святая святых департамента.

Обстановка кабинета инквизитора ничем не отличалась от таковой у любого чиновника средней руки: выдавший виды, потертый, а местами и затертый добела, но добротный собранный секретер (наверняка хранивший не одну опасную тайну), продавленное кресло и шкаф для бумаг с вечно открытой дверцей, которую как старательно ни приставляй, все равно через два клина повиснет сломанным крылом.

— Покажи письма. — требовательный голос Эрдена оторвал девушку от созерцания.

Великий инквизитор открыл один из множества ящичков стола и извлек оттуда пухлую стопку, перевязанную пеньковой бечевкой. Протянул ее сыну. Мужчина углубился в чтение.

Спустя полсвечи он оторвался от посланий и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Если это не магии? Кому еще ты опять встал костью поперек горла?

— Скажи скорее, кому я не мешаю, список получится гораздо короче.

— И все же?

— В последнее время Хоганов всерадетель стал со мной особенно приветлив...

— Да вы уже сколько лет делите с ним власть, перетягивая Ваурия каждый на свою сторону, словно дети тряпичную куклу.

— Будто мы одни, твой начальник, Эрден, тоже играет с нами в эту занятную игру.

Вассария слушала разговор отца и сына и ее удивление все возрастало. Каждый в империи знал, что инквизиция и всерадетель — две длани божьи, что даруют мир и покой,

защищая от мракобесья — несокрушимые в своем единстве. Во всяком случае так вещал хоганов пастырь тихонской молельни каждую воскресную проповедь. Правда, Васса на этих мероприятиях откровенно зевала, старательно игнорируя визгливый голос проводника слова божия. Последний, кстати, ассоциировался у девушки с матерым козлом, но не только из — за бороды и порою туповато — решительного выражения морды лица. Воняло от него знатно, ядрено, как и от приснопамятного парнокопытного. Да так, что не всякая вошь решится на дегустацию столь пикантно приправленного блюда. Но все прихожане терпели — слуга вышнего как-никак.

А сейчас оказывается, что две «длани» норовят не только показать друг другу кукиш, но и надавать оплеух. Занятно. Меж тем великий инквизитор продолжал:

— Я конечно, заинтересовался, отчего попал в распоряжение всерадетеля и, обеспокоенный его благополучием и здоровьем, обеспечил ему тайную охрану со своей стороны.

«Ну да, — хмыкнула Вассария, — сейчас это так называется...»

По хитрющим глазам обоих мужчин девушка поняла, что к шпионажу во всех его проявления оба собеседника относятся более чем благосклонно.

— Единственное, что удалось узнать — так это то, что достопочтенный Хоганов дланник все так же не прочь исповедовать симпатичных монашек из обители святой Баяны, преимущественно в средень, ближе к вечеру.

— А подослать ему наушника не пробовал?

— Пробовал, и не раз! — но все мои шпионы на чем — то да прокалывались. Ни одному не удалось втереться в доверие.

— А если в монастырь кого послать? И оттуда?

— А где я тебе непорочную девицу найду знатного роду, согласную на меня шпионить?

На недоуменный взгляд Эрден инквизитор пояснил:

— В монастырь этот простолюдинок не берут, да еще чтобы стать послушницей арку входа пройти надо. Считается, что она объявляет волю святой: прошла — можешь стать хогановой невестой, нет — и суда нет. А эта зараза архитектурная, артефакт реликтовый, самой этой святой Баяной по преданию осененный, только девственниц и пропускает. Когда непорочность невесты до брака проверить, я понимаю — оно самое то, но мне — то как шпионку подослать?!

— А как же они потом... — Эрден спохватился, что у столь интимной темы есть весьма внимательная слушательница, и смутился, однако мысль довел до логического конца, кхм, после посещения всерадетеля обратно в монастырь проходят?

— Через боковую дверь. А через эту мракобесью арку лишь один раз, перед тем, как в послушницы идти.

И тут инквизитор, сощурившись, стал внимательно разглядывать Вассарию. И резко выстрелил вопросом:

— Девица или уже нет?

Васса, в первый вздох опешившая от такого вопроса, на мгновение растерялась, но и этого было достаточно. Её язвительный ответ:

— С одной стороны да...

Был инквизитору уже безразличен.

Девушка мысленно корила себя: дед научил ее блефовать, но в игре, когда она знала и была готова к этому, а вот так неожиданно...

— Как догадались? — без обвиняков спросила Васса.

Надо же знать, на чем именно прокололась: бровь, поджатые губы, пальцы рук, собранные в кулак. Язык тела самый правдивый и не всегда за ним уследишь, поэтому — то и оттачивают шулеры каждое движение до волоса.

— У фьеррин много по чему можно догадаться: ты, например, сощурилась перед ответом. Это говорит о том, что ты собираешься отбрить собеседника. Если бы покраснела и замялась, были бы еще сомнения, а так — нет, для жертвоприношений годишься. — усмехнувшись, закончил инквизитор.

Васса же решила выяснить все, интересующее ее по этому вопросу до конца, и плевать на стеснение.

— А мужчин?

— У мужчины нет признаков лишения девственности, кроме его наглой, довольной рожи...

Правильность этого утверждения подтвердила хитрая улыбка Эрдена, обосновавшаяся на лице мужчины при последних словах инквизитора. Хотя он старательно, но безрезультатно пытался ее скрыть.

После короткого экскурса по основам кинесики инквизитор вновь резко сменил тон:

— Милая фьеррина, я, будучи свидетелем сегодняшнего действия, хотя и изрядно запоздал на светский раут, был удивлен вашим лицедейским талантом. Признаться, поначалу даже всерьез поверил в происходящее, — и, не меняя интонации, инквизитор перешел к делу. — Поэтому предлагаю вам сотрудничество на благо святой инквизиции и меня лично. И учтите, отказа я не приму.

Вассария молчала, чувствуя, что сейчас вступила на тонкий лед. С таким людьми, какими бы они не были милыми и обаятельными на первый взгляд, не шутят. Таким не отказывают. С другой стороны, как говорят торговцы удачей, или каталы: «Торг всегда уместен, даже с судьбой». Почему бы не попробовать?

— Помощь святой инквизиции — дело, угодное Хогану, а за верное служение всевышний одаривает своею милостью...

— Что именно ты хочешь? — деловой тон меча Хоганова напомнил о рыночных торговцах. У тех тоже, как только речь заходила о барышах, голос с переливно — ручейного, восхваляющего товар, становился сухим и звучал так, будто костяшки счетов щелкали.

— Свободы, звонкой и отчеканенной, с профилем императора и независимости от воли отчима.

«Причем последнее — гораздо важнее», — про себя добавила Васса.

— Я подумаю над этим.

«И ничего не сделаю», — добавила мысленно девушка.

Эрден же, будучи лишь наблюдателем этой сцены, внутренне все больше противился задумке отца. Хотя девица была шустра и как нельзя лучше подходила на роль, которую уготовил ей великий и ужасный.

— Нет, она не будет в этом участвовать, — спокойный голос дознавателя говорил о том, что для себя мужчина уже что — то решил, и теперь намерен отстаивать свою точку зрения до конца.

— А это уже не тебе решать, сын мой, а ей, — и инквизитор кивнул в сторону Вассы.

— Надеюсь, что великий инквизитор велик во всем и в его мудрой голове есть не только план, как мне проникнуть в обитель святой Баяны, но и как выбраться оттуда, желательно не

по частям.

На эту шпильку хоганов каратель лишь усмехнулся и, еще раз внимательно оглядев Вассу, прищелкнул языком, добавив:

— Думаю, сработаемся.

Глава 4

Мартингал по-монастырски

Игрок, мнящий себя опытным, при проигрыше может использовать мартингал — удвоение ставки, дабы при следующей игре не только вернуть утраченное, но и остаться в плюсе. Шулер любит работать с таким, поскольку ободрать одного до последнего медяка можно намного быстрее, чем при обычном ходе игры.

Из заметок герра Хайроллера

— Головой за нее отвечаешь, понял?

Эрден поймал себя на мысли, что волнуется, как безусый драгун на первом задании, но поделаться ничего не мог. Самому ему не раз приходилось бывать и подсадным селезнем, да и уткой однажды тоже (в тот раз дознаватель облачился в женское платье, и бабушка Урина в его исполнении запомнилась надолго всему отделению). Вассария же еще не настолько опытна. Одно дело изобразить пьяную деваху в таверне, другое — провести настоятельницу монастыря при целой толпе народу. Ну, допустим не толпе, но все же... Поэтому Эрден переживал, убеждая себя, что его тревога вызвана исключительно волнением за ход операции, а не за отдельную ее участницу.

Мужчина перевел взгляд на Вассарию. Сейчас она была абсолютно не похожа на ту клейкую, как намокший леденец, девку из таверны, от которой хотелось побыстрее отделаться. В двенадцати шагах от него стояла симпатичная, может, чересчур наивная провинциалочка в сером дорожном платье с саквояжем в руках.

Эрден подошел к девушке, чтобы дать последние наставления:

— Ты все поняла?

— Да, как думаешь, клонет?

— Наверняка. Ему нравятся именно такие: тихие, скромные, свежие. Если бы иначе — его бы посещали фиррены лавандового квартала.

Вассария хмыкнула. Слава об обитательницах данного квартала разлетелась далеко за пределы столицы. Благопристойные фиррены со смаком сплетничали о том, как в оном попираются все мыслимые добродетели. При этом говорили, что о такой мерзости даже упоминать не стоит, и тут же в подробностях живописали разврат (интересно, откуда они точно знали, что там твориться, если никогда не были по указанному адресу), творимый в домах за лавандовыми шторами. Многие же герры при упоминании заведений этих улиц мечтательно закатывали глаза (главное, чтобы одного жеста не видели супружницы) и улыбались.

— Значит, буду нежной и свежей, — Вассария усмехнулась — лицедейство — залог апсвинга, поэтому что — что, а играть роль я умею.

Эрдену показалось, что он ослышался, поэтому переспросил:

— А при чем здесь свинки?

Вассария лишь усмехнулась:

— И как ты, не зная элементарных вещей, планировал прижать тех катал? Апсвинг —

это когда тебе везет в игре, либо по дурости, либо по умению.

— А я и не планировал прижать, мне просто нужно было им проиграться. Кстати. А откуда ты щеголяешь такими терминами?

Васса прикусила не в меру болтливый язык, но было поздно. Эрден не хуже борзой встал в стойку, почуяв дичь, в роли которой выступало прошлое девушки.

Чтобы хоть как — то выиграть время и уйти от прямого ответа, она промолвила:

— После того, как все закончится, обязательно расскажу, договорились?

— Хорошо, договорились, но учти, я запомнил, — и, зачем — то поправив девушке воротничок, Эрден добавил: — Пошли, уже пора.

***

Спасение души требует серьезных материальных затрат. Сидя за столом перед фьеррой, облаченной в лиловую хламиду, Вассария это поняла по тому, как цепко пробежались крысиные глазки настоятельницы монастыря по ее фигуре. Данная хоганова невеста ассоциировалась у девушки с образом буренкиной смерти. Именно так изображали коровью лихоманку: худой, практически до просвета, высокой аки жердь, с узловатыми пальцами. Только сказочная героиня не была охоча до злата, предпочитая звону меди что-нибудь более питательное и удобоваримое.

— Еще раз напомните, сколько вы отдаете добровольной платой на нужды монастыря, дитя? — этот вопрос настоятельница задавала уже второй раз, правда в иной формулировке.

Вассарию душила милая коренная обитательница болота, в народе именуемая жабой. Фьеррине вручили «на расходы» приличную сумму злотнями, но лицедейка за недолгое время как — то прикипела душою к выданному кошелью. Вверять его в руки этой алчной женщине девушке не хотелось. Пришлось.

— Вот, здесь двадцать злотых, — Васса положила кошель на стол и скромно потупила взор. Пять монет ей все же удалось незаметно умыкнуть. Это обстоятельство хоть как — то примирило девушку с необходимостью расставания с 'реквизитом'.

— Что ж, это небольшой, но все же вклад во спасение вашей души. Да будет милостив к Вам Хоган. — Припрятав кошель в один из ящиков стола, уже более деловым тоном настоятельница добавила: — Раз Вы, дитя мое, решили отринуть все мирское, после гибели вашего жениха стать послушницей и последовательницей святой Баяны, мы вам в этом поможем.

Неестественно тонкие пальцы женщины ухватились за ручку массивного колокольчика. Раздавшийся после этого звук, больше всего напоминавший набат, а не мелодичный перезвон (какой должен был прозвучать, по логике), пронесся по кабинету, а затем и по коридору стаей мракобесов. Спустя два вдоха в кабинет вошла монахиня, протиснувшись в дверной проем бочком и слегка при этом втянув живот.

— Уленька, проводи новую послушницу в келью, выдай ей одежду и объясни распорядок нашего монастыря, — фьерра кивком головы указала вошедшей на Вассарию.

Появившаяся монашка была так же похожа на настоятельницу, как хряк на воблу: пухлые щеки, погребенные под кучей веснушек, рыжие взлохмаченные вихры, которые даже лиловая косынка укротить была не в силах. Уленькины же тела свидетельствовали о заботливости ее родителей, так откормивших свою дитятку, чтобы точно оградить ее от разврата, да и вообще любого покушения на ее честь — смельчаков и энтузиастов всегда дефицит.

«Нет худа без добра. Зато если вдруг какой злыдень попытается выкинуть эту Уленьку

из окна, у убийцы ничего не получится — просто надорвется», — отстраненно подумала Васса, глядя в спину монашке, пытающейся тараном взять дверной проем. Вера движет горы, а уверенность, помноженная на упрямство — даже дверные проемы. Пыхтя, Уля все — же вышла в коридор, видимо, из принципа не став поворачиваться боком.

Как только Васса с хогановой невестой покинули кабинет, толстушка накинулась на девушку с таким энтузиазмом, что оным можно было и убить:

— Ты новенькая? А откуда? Почему решила сюда пойти? — и, не давая Вассарии вставить и слова, продолжила тараторить. — Жаль, что ты такая нежная вся. Плохо вы, тихони, тут приживаетесь. Вот давеча была одна, ну прям ты точь — в-точь, да занедужила: рвать ее по утрам начало, вся зеленая была, есть ничего не хотела. Настоятельница уж как переживала, да ничего сделать не смогли, пришлось ее в лекарский дом везти.

«Знаем мы эту болезнь, через девять месяцев сама проходит», — ехидно прокомментировала Васса.

Провожатая меж тем разливалась соловьем:

— А еще до этого была другая. Тоже скромница, ручки тонкие, стан словно тростиночка — рукой перешибешь. Все ходила как в воду опущенная. Даже беседы со всерадетелем, на которые горемычная ездила, ее душу не спасли. Преставилась. Душеньку свою загубила в петлице, — вещала монашка и тут же безо всякого перехода выдавала: — А вот кормят здесь жуть! Помереть порою с голодухи можно. Ты вон и так тощая, так что как будут в трапезной обед разносить — ешь все.

От этого стрекота голова Вассы уже шла кругом, но, на счастье девушки, они наконец — то дошли до отведенной ей кельи.

Монашка, словно вспомнив о порученной ей обязанности уже, на пороге оттараторила: «Встаем до зари, со вторыми петухами, полторы свечи — утренняя молитва, потом трапезная, потом настоятельница дневные поручения раздаст. Как колокол зазвонит — время молитвы и обеда, потом опять по поручениям. Вечером молитва и ужин».

Выдав эту программу — минимум, конопатая добавила:

— Ты давай, располагайся, щас принесу одежду. Ряса тебе еще не полагается, но и в мирском ходить не след. Я мигом. И с этими словами захлопнула дверь.

Васса, оставшись одна в келье, присела на топчан и попыталась проанализировать услышанное. Похоже, что скабрзная шуточка про задорных монашек, резвящихся у себя в келье, возникла не на пустом месте. А посему рано или поздно ей придется поехать на «исповедь» ко всерадетелю.

— Ладно, пока есть время подумать, — прошептала Васса.

Она невесело усмехнулась и достала пять монет, что так ловко умыкнула. Машинально взяла один кругляш и начала ловко перекидывать его через фаланги пальцев. Монетка играла на солнце, а множество бликов круговертью солнечных зайчиков устроили чехарду на потолке. Почему — то когда фишка или та же монета, исчезала между пальцами, то появлялась вновь, Вассе лучше думалось.

***

Монастырские размеренные будни ассоциировались у Вассы с паутиной: день за днем, наворачиваясь на нее коконом серых нитей, затягивали.

Прошло уже больше двух седмиц, от утренних и вечерних бдений девушку уже воротило. Величественные шпили монастыря, словно пронзающие небесную высь, вызывали

лишь одно желание — повесить на них противную настоятельницу, эту мракобесью мать Арелию, что совала свой длиннющий нос во все дыры. Эта тощая швабра своей дотошностью, скаредностью и назидательностью могла препарировать сознание даже самых стойких разгильдяев. Вассарию же она просто выводила из себя.

Назидательные рассказы и показная целомудренность, коею щеголяла настоятельница, чуть ли не каждый день проходя под ненавистной аркой святой Баяны, больше всего раздражали Вассу, знавшую о «милых слабостях» всерадетеля. Девушка уже поняла, что самым большим окаянством в монастыре считается прелюбодеяние. Слышал бы это друг деда — изрядный пошляк, заглядывавший изредка в гости и считавший, что девственность — это женский недостаток, исправляемый мужским достоинством. Вот бы посмеялся над монастырской версией самого страшного греха. Но в хогановом доме свой взгляд на прегрешения. А посему любая после приватной встречи со всерадетелем могла больше всего бояться прохода под этой чертовой аркой. Дескать, постриг — то она принимала девицей, а уже после наблудила у стен монастырских...

Вассария не удивилась бы, если бы узнала, что настоятельница еще и шантажировала монахинь раскрытием их невольной тайны. Теперь понятно, почему раз в полгода служат очередную новую поминальную по самоубиенной грешнице, навсегда покинувшей стены данного монастыря (последнее Васса узнала все от той же словоохотливой рыжухи Уленьки). Последняя, не к ночи будь помянута, появилась в глубине коридора.

Монахиня, завидев Вассу, надала ходу и начала приближаться, неумолимо, как понесшаяся повозка, возница которой сдуру отпустил вожжи. Хоганова невеста совсем не солидно при этом размахивала руками и порывалась что — то крикнуть, но выходили только сильные невнятные звуки.

Васса, видевшая, какую скорость набрала монахиня, всерьез начала опасалась за свою жизнь. Как и обо что Уленька собралась тормозить? Выполнять роль буфера между стеной и столь резвой девицей лицедейке как — то не очень хотелось.

Все обошлось. Последовательница воли святой Баяны последний десяток локтей просто проехала на подметках, широко расставив согнутые в коленях ноги. Зрелище было столь же эффектным, как мерин на лыжах.

— Срочно прячься! — выдала наконец Улина.

— Зачем?

— Всерадетель приехал, и настоятельница срочно за тобой послала.

— Зачем прятаться тогда? — Васса талантливо изобразила непонимание.

— Не спрашивай, но так для тебя будет лучше, — монашка начала нервничать.

— А для тебя? Если ты меня не найдешь?

— Да как обычно, отстою молебен ночной, и все, — беспечно отмахнулась рыжая.

Вассу тронул этот порыв. Редко кто сторонний будет действовать в ущерб себе. А вот нате, эта смешная, в чем — то несуразная Улина пытается ей помочь. Просто по — человечески, не требуя ничего взамен.

— Уль, а как ты оказалась в монастыре? — Вассария сама от себя не ожидала, что задаст этот вопрос.

Монашка, похоже, тоже его не ожидала, потому как откровенно ответила:

— Когда в обнищавшей семье ты четырнадцатая дочь, на приданое рассчитывать не приходится. А кто за меня так пойдет. Не захотела всю жизнь приживалкой быть при

старших, которые будут попрекать куском. В белошвейки — горничные идти отец не позволил бы — как — никак герцогский род, с каплей императорской крови, — на последних словах девушка махнула рукой, словно отгоняя почетное родство как надоедливую муху.

— А здесь крыша, еда. Не разносолы, но никто же не запрещает — пока не знает — держать в келье постный пирожок, чтобы подпитать дух и тело, — монашка хитро усмехнулась, — Да и занимаюсь тем, что по душе — оклады расписываю. Конечно молитвы, посты и бдения — то еще развлечение. Но здесь для меня все же лучше, чем в миру.

Такой короткой и эмоциональной исповедью Васса была поражена. До этого монастырь ей казался чуть ли не тюрьмой. А смотри — ка ты, для кого — то он — лучшее из зол. Меж тем Улина резко выдохнула, словно коря себя за откровение:

— В общем, я не для того оббежала пол монастыря, чтобы ты мне тут кошачий хвост на кулак мотала. Давай прячься от всерадетеля! — повелительно цыкнула монашка.

— Улина, спасибо тебе огромное, но не стою я твоей ночи бдения.

Васса в порыве попыталась обнять монашку на прощанье. Выглядело это со стороны как потуга обхватить стог. А потом девушка развернулась и припустила в сторону кабинета настоятельницы.

— Дуреха, одумайся! Я же тебе добра желаю! — понеслось беглянке в след.

Вассария чуть — чуть не успела. Всерадетель уже покинул гостеприимные хоромы матери Арелии и через двор направлялся к карете. Видно, много времени уже прошло с распоряжения найти и привести в кабинет новую послушницу, вот носитель слова хоганова и потерял терпение.

Девушка решила, что столь удобный случай упускать не стоит и, разбежавшись, попыталась повторить недавний Уленькин маневр. Благо грязи на улице было в избытке и скользить ничего не мешало. Разогнавшись, она точно так же, как и монашка до этого, поставила стопы параллельно и почувствовала себя как в детстве, когда стоя съезжала с горки.

Однако кое — чего Васса не учла: тормозной путь по дворовой грязи оказался намного длиннее. И девушка, практически не сбавляя ходу, врезалась во всерадетеля. Мужчину крепкого, даже кряжистого, однако, видно, не привыкшего к таранам в виде послушниц, снесло в сторону как щепку. Глубокая лужа радостно распахнула свои объятия проводнику слова хоганова. Вассария же, слегка замедлившая ход, затормозила уже о шедшую впереди настоятельницу, оседлав почтенную фиррену на манер норовистого жеребца.

— Вы меня искали? — это первое, что пришло на ум девушке в этой ситуации, поспешившей слезть с костлявой спины матушки Арелии.

Всерадетель, отплевываясь вставал из лужи, напоминая скорее мракобеса, нежели служителя Хогана.

«И пришёл к нам дед Капец!» — пронеслось в голове Вассы.

— Да искали, но уже надобность в том отпала, — зло прошипела Аурелия, потирая поясницу.

«Вот это будет номер! Застрять в этом гребаном монастыре еще на пару седмиц, а может, и дольше или вовсе провалить задание», — размышляла девушка, а ее руки меж тем уже приподнимали подол платья, так, чтобы виден был лишь маленький, а потому и весьма соблазнительный участок тела — голая лодыжка. Этому приему научил ее дед, правда, уже

не как шулера, а как молоденькую фьеррину. Старик Хайроллер утверждал, что кровь мужчины будоражит не увиденное, а домысленное. Поэтому, если желаешь отвлечь герра, не стоит выпрыгивать из декольте. Гораздо эффективнее повернуться так, чтобы край юбки на мгновение оказался чуть выше дозволенного. Впрочем и «случайно» с грохотом разбитый лекифы эпохи Брутгартов сгодится. Вазы или еще чего-нибудь столь же ценного не было, и Вассе пришлось работать с тем, что имелось в наличии. Девушка попыталась распалить воображение всерадетеля, старательно изображая на лице муки боли.

— Кажется, я ногу, — и для достоверности картины, ступив на «больную» конечность, рухнула как подкошенная в грязь.

Тот, для кого этот спектакль и разыгрывался, то ли проникся чувством собственного благородства, подавая девушке руку, то ли симпатичная ножка, мелькнувшая из — под подола, сыграла свою роль, но так или иначе хоганов дланник произнес:

— Милое дитя, давай я помогу тебе.

Лицедейка, изображая робость, встала, опираясь на одну ногу. Всерадетель, подставив локоток, ненавязчиво повлек девушку к карете.

Путь до загородной резиденции хогановой десницы ассоциировался у Вассы с дорогой через болота по краю пропасти. Разговор ни о чем завязал в патоке красноречия всерадетеля, и сердце девушки замирало каждый раз, когда она осторожно подбирала слова на очередной пустяковый вопрос, наблюдая за реакцией владыки. Тот же, строя из себя простачка, тем не менее цепко следил за девушкой. И его милая улыбка, масляной кляксой растекшаяся по лицу, не смогла отвлечь на себя внимание. Расчетливый холод, что затаился глубине глаз мужчины, откровенно пугал.

Когда Васса и всерадетель наконец — то оказались в резиденции, владыка первым делом распорядился, чтобы ему и девушке принесли чистую одежду, позвали докторуса для гостии и приготовили «вечернюю» комнату. Несмотря на краткость приказа и последовавшее за ним еще более туманное дополнение, распоряжение его святейшества было исполнено в кратчайшие сроки.

Докторус появился в комнате, куда девушку отвела переодеться молчаливая служанка, спустя полсвечи. Спокойно — сосредоточенный, он мог сравниться красноречием с пуфиком, на котором восседал, осматривая ногу.

Не проронив ни слова, а лишь удовлетворенно хмыкнув, мужчина еще раз ощупал лодыжку, а потом, достав какую — то зело вонючую склянку с мазью, щедро обмазал оной предполагаемое место повреждения. После чего туда же поместил компресс, по амбре перебивавший притирание, и туго зафиксировал все это повязкой. После всех манипуляций докторус поднялся и, даже не оглянувшись на свою «пациентку», вышел из комнаты.

— А я — то, наивная, думала, что умение убийственно молчать — это привилегия фьерр... — вслед ушедшему задумчиво протянула Васса. И рывком встав с кровати и поправив подол весьма фривольного одеяния, добавила: — Однако, мешкать не стоит.

После этих слов девушка запустила руку в самый надежный женский сейф — вырез платья. Об одеянии стоит сказать особо, потому как всерадетель, похоже, отличался весьма богатой фантазией. Нет, не было розовых воланчиков, рюшечек и длины до колена, как у маленьких фьеррин, не достигших еще возраста двенадцати лет. Наоборот, юбка в пол, декольте, открывающее почти все, так, что места для воображения почти не оставалось... но вот ткань. Даже несколько слоев наложенной друг на друга материи четко обрисовывали малейшие детали, скрытые под ней. Судя по всему, по задумке модистки на фьерре,

решившейся облачиться в это одеяние, кроме собственно платья, не должно было быть надето ничего больше.

Выудив из декольте небольшой бумажный пакетик, размером не больше ногтя на мизинце, Васса задумчиво повертела его в руках. По уверению Эрден, здесь была щепоть армирской неги, дарящей забвение вечером и нестерпимую головную боль утром. Последняя шла вкупе с провалом в памяти. Дурман и не из дешевых, и не из законных. За три щепоти такого могли и с пеньковой вдовой познакомить. «Интересно, все дознаватели столь же законопослушны, или ей попался уникальный экспонат?» — подумалось девушке. С такими мыслями Васса и покинула комнату, отправившись воплощать коварный план великого инквизитора.

Главный герой (он же и жертва) светоча коварной инквизиторской мысли обнаружился в малой гостиной. Всерадетель был уже в чистой лиловой мантии, из — под которой кокетливо выглядывали розовые тапочки с помпонами, внимательно читал письмо. Девушку, застывшую рядом со столиком, на котором стояла пара бокалов и початая бутылка вина, он заметил не сразу. Или сделал вид, что не заметил?

Тем не менее Васса не стала рисковать и решила подождать более удобного момента для потравительских целей. Слегка кашлянув, девушка обозначила свое присутствие. Чтец оторвался — таки от послания и, взглянув на вошедшую, замер.

Она была хороша, определенно хороша. Голубая ткань струилась по фигуре, словно вода, обтекая юное гибкое тело. Такое притягательное. Особенно если тебе уже далеко за сорок, а в перспективе к желудочным коликам грозит добавиться прострел. Тебя сторонятся молоденькие фьеррины, морщащие нос за разведенными веерами, на приеме у императора, но вслух ничего не говорят, приседая в реверансах и целуя печатку на руке, как и положено. Потому как с теми, кто держит в руках власть, приходится считаться. Именно власть сейчас и позволит всерадетелю сломать это юное прелестное созиданье, еще не знающее о своей участи, и в стеснении постоянно поправляющее то несуществующие складки платья, то пытающееся инстинктивно прикрыть грудь. Сломать, но сначала вдоволь наиграться...

— Присаживайся, дочь, — и владыка щедрым жестом зазывалы, выдающего лежалую двунитку за уримский бархат, указал на софу.

Васса воспользовалась приглашением. Не успела девушка присесть, как Всерадетель тут же оказался подле и, больше не тратя время на расшаркивания, сразу перешел к рекогносцировке коленок, активно переходящей к разведке в районе талии. Обхватил руками трепетный (как он думал) девичий стан.

«Как ухватом прижал, зараза» — не к месту мелькнуло у Вассы. На столь стремительное наступление девушка не рассчитывала. Мелькнувшая идея: попытаться вырваться, была отброшена как бесперспективная. Противник был гораздо сильнее и опытнее. Расслабиться и получить удовольствие, вопреки поговорке, как — то не очень хотелось.

Решив, что лучшая оборона, это нападение, девушка с криком: «Я вся горю, соврати же меня, прелестник!» — обхватила шею всерадетеля руками, а для пущей надежности еще и одну из голеней ногами. Владыка, ожидавший в этот момент чего угодно: от яростного сопротивления до слез прекратить это такое непотребство, слегка опешил. Не давая хогановой деснице прийти в себя, Васса взяла самую высокую ноту, на которую была способна, метя в ухо противника:

— При — и-и — и-и зрак!

От ее вопля задрожали не только стекла, но, кажется и стены.

Последовавшее:

— Ааа... — а за ним и более членораздельное — Ёкт твою горгулью! — принадлежали всерадетелю, в довершение к звуковой атаке (по причине которой он слегка ослабил бдительность) получившему еще и коленом в ту часть тела, которая мешает любому мужчине во всяком бою.

О том, что хогановы отцы могут матюгаться толь цветасто, Васса узнала опытным путем. Всерадетель таким образом на мгновение утратил контроль над ситуацией. Этого оказалось достаточно, чтобы ловкие пальцы развернули пакетик, высыпав содержимое последнего в бокал с вином. Благородный напиток, рубиновая глубина которого на какой — то миг приобрела плебейский белый оттенок, слегка вспенился. Впрочем, как и полагается высокородному, он за вздох успел успокоиться, и, когда хоганов десница пришел в себя от звуковой и тактильной контузии, уже ничто не говорило о том, что нервная девица добавила винному букету новую пикантную вкусовую нотку.

Вассария, не теряя времени даром, вспорхнула с диванчика и описав малый круг почета по ковру (что, по мнению девушки должно было свидетельствовать о немалом ее волнении), подхватила оба бокала, стоявших на столике. Отступив на пару шагов от импровизированного ложа, с которого владыка с кряхтением поднимался, она протянула один из фужеров всерадетелю и с извиняющейся улыбкой произнесла:

— Простите, это все нервные жилы, как утверждает докторус. Я просто переволновалась и мне нужно успокоиться. Вино всегда помогало в таких случаях. Но пить одной... Не составите мне компанию?

И с видом невинной офиранской девы протянула всерадетелю бокал.

— С удовольствием! — все еще корчась от затихающей боли согласился несчастный визави.

Ни о чем не подозревавший владыка, находясь в полусогнутом состоянии (держаться, прикрывая самое ценное для каждого мужчины, пусть тот и хоганова десница, мешали приличия, а выпрямиться полностью мешала физиология, коей был нанесен серьезный ущерб), потянулся за предложенным на манер пресловутого ослика, которого манят морковкой. За что и поплатился, ненароком наступив на мантию.

В попытке высвободиться владыка дернулся сильнее и, не удержавшись, начал заваливаться. Васса, быстро сообразившая, куда собирается спикировать тело хогановой десницы, в последний момент успела поддеть ногой кочергу, подопнув ее. Да так удачно, что всерадетель приложился темечком аккурат на рукоять оной. Качественно так, прочувственно.

Девушка разглядывала жертву своей импровизации, стоя с двумя бокалами, весьма мило смотревшимися в обеих руках. «Да что за день сегодня такой, идиотский, с ударным перевыполнением даже самых пустяковых планов? Интересно... медаль мне за это полагается? Ну, если не целая, то хотя бы полуспаситель отечества, например?» — не к месту подумалось Вассе.

Меж тем всерадетель, судя по всему, решил прикорннуть на ковре, раскинувшись на том во весь свой могучий рост.

Вылив вино с дурманом (зря только добро переводила), девушка решила убедиться в наличии пульса (пусть невольным, но убийцей становиться все же не хотелось). Докторусы обычно замеряли биение кровяной жилы на запястье, но лицедейка никак не могла уловить

нитевидного подрагивания. Плюнув на классический способ определения пульса (сиречь нужен ли данному индивидууму деревянный бушлат или нет), Васса нашла — так указательным пальцем сонную артерию на шее. Ток крови, слабый и редкий, все же наличествовал. Она уже собиралась отдернуть руку, как на глаза ей попала маленькая подвеска, жемчужной каплей угнездившаяся в вороте у всерадетеля. Украшение недорогое, но выполненное с немалой долей таланта, слегка дико смотрелось на шее у хогановой десницы.

Васса взяла в руку жемчужину, чтобы получше рассмотреть украшение. Стоило ей чуть потянуть, как цепочка (по — видимому, порвавшаяся во время падения хозяина) весенней изворотливой змейкой, уставшей после долгой спячки, покинула шею владыки. Как только это произошло, с телом всерадетеля стали происходить странные метаморфозы: пухлые щеки впали, нос заострился, напомнив клюв старого ворона, кожа, на манер капустного кочана, прихваченного морозом, стала слоистой. Верхние ее пласты, словно отряхольки, начали слезать, обнажая загнивающую плоть.

Девушка отпрянула от того, что еще пару вдохов назад было дородным мужчиной. Сейчас хоганов дланник напоминал скорее вупыря, принявшего солнечную ванну. Да и пах всерадетель не хуже навозной кучи. Слегка оторопев от увиденного, девушка попятилась спиной к двери и, лишь нащупав ручку и выскользнув в коридор, смогла перевести дух.

Подвеска, вместе с ажурной цепочкой остались у нее в руке. Не решившись вернуться ко всеотцу, дабы вернуть взятое (вдруг и вправду, как легендарный кровосос, воскреснет и решит подзакусить кровушкой из девичей лебяжьей шейки), Васса решила пока оставить украшение себе.

Лицедейка летела по коридорам беззвучно, словно кленовый лист, подхваченный порывом осеннего стылого ветра. Услышав лишь намек на шум она вжималась в ниши или мимикриовала под очередной вазон. Последнее скорее для успокоения нервов, нежели для маскировки, поскольку, при всей своей внешней хрупкости и миниатюрности, девушка на фикус, ну никак не походила. Наконец — так ей удалось добраться до двери, единственной на всем этаже оказавшейся плотно запертой.

Васса по здравому размышлению решила, что запирают обычно самое ценное, и воззрилась на резные деревянные створки, выполненные с немалым искусством, уже не с эстетической, а со взламывательской целью.

Покрутив ручку замка и повздыхав (медвежатник из девушки был аховый), она решительно подошла к окну. Аккуратно открыла одну из створок и убедилась, что до земли ей в случае неудачи обеспечены пять вдохов незабываемого ощущения полета и симпатичная отбивная по приземлении. Судорожно вздохнула и провела рукой по обледенелому отливу подоконника. Пальцы тут же откликнулись покалыванием на такое пренебрежительное к ним отношение.

«Кто — то кичится своим богатством, но деньги — самая неуловимая из материй этого мира. Они могут внезапно исчезнуть, хотя до этого мига накапливались не одним десятком поколений. Иные пестуют свою красоту, ставя ее во главу угла. Но красота быстро увядает. Вернее всех оказываются те, кто делает ставку на талант и мастерство. Эти вещи спрятать и потерять гораздо сложнее. А твое умение, Васса, заключается в твоих чутких пальчиках. Поэтому береги их. Не морозь, не обжигай. Потерять ловкость, чувствительность легко. Вернуть куда сложнее», — эти слова деда закатным шёпотом тишины звучали в ушах девушки. Васса непроизвольно отдернула пальцы от ледяного, словно вечным холодом

поцелованного, подоконника.

Насмешливая красавица Сирона — старшая из двух лун сегодня была особенно надменна, забравшись под самый купол небосвода и взирая с отстраненным видом на бренный мир, впрочем, щедро делясь своим сумеречным светом с последним.

«Так никуда не годится!» — подумалось Вассе. Решительно вздохнув, она тем не менее забралась на узкий подоконник. Уцепившись руками за одну из розеток лепнины, девушка аккуратно, на мысках, сделала первый шаг.

Тонкая подметка туфель из телячьей кожи пропускала холод так, словно Васса босыми ногами ступала по вычурным дополнениям фасада особняка, именуемым карнизом лишь по причудливой фантазии архитектора. Полоска камня в четыре пальца толщиной, да еще не прямая, как в нормальных домах, а вся в завитушках и волнах. Может со стороны и красиво, но лезть по этому результату разбуженного архитекторского либидо было жутко.

Пальцы, в первые мгновения еще чувствующие шершавую чешую кирпичной кладки быстро задубели. Вассе приходилось прижиматься к стене. От последней веяло холодом, который при одном неверном движении девушки мог стать могильным. Путь небольшой — всего в двадцать локтей длиной — для лицедейки показался сравнимым с паломничеством через белмирские чащобы, простиравшиеся на сотни лин в северной части империи.

Наконец ее нога ступила на узкий подоконник окна кабинета — эскапада Вассы была окончена. Девушка обеими руками ухватила за очередной выступ и, плюнув на конспирацию, мыском туфли врезала что есть силы по стеклу в районе шпингалета. Обиженный звон и плеяда осколков, полетевшая вниз, заставили лицедейку внутренне сжаться, но никакой реакции на неурочный шум не последовало. Осторожно просунув руку в пробоину, девушка подняла задвижку шпингалета и, тихонько приоткрыв створку, юркой ящеркой проскользнула в вожденную комнату.

Это и вправду оказался кабинет. Мрачный, строгий, без вычурных излишеств и прикрас, где — то даже голый, как правда, обнажающий пороки и пристрастия своего владельца лучше иного обличителя. Столешница, словно ладонь, испещренная множеством едва заметных линий, свивающихся местами клубом змей. Корешки книг на полке, расставленных в одному хозяину ведомом порядке. На некоторых отчетливо виднелись даже характерные бурые пятна или же подпалины. Иные, весьма потрепанные, были и вовсе без названий. Лунный свет как раз запутался в их корешках. Едва девушка ступила на ковер, с виду казавшийся мягким и уютным (а на деле с жесткой, почти не сминающейся под ногами короткой щеткой ворса), в нос сразу же ударил спертый воздух, с едва уловимым, но оттого еще более назойливым сладковатым духом.

Не мешкая более ни вдоха, лицедейка направилась к комоду. Ее пыл — ломать и крушить — слегка охладил вид запертого секретера. Лицедейка поискала взглядом: что бы можно было использовать если не в качестве отмычки, то в роли ее старшего собрата — увесистого ломика? Проведя ревизию, Васса пришла к выводу, что сея почетная роль предоставляется подсвечнику, стоявшему на столе..

Вряд ли мастер, изготовивший его два века назад из отборной стали и покрывший изрядным слоем позолоты, подозревал, в качестве чего неблагодарные потомки будут использовать его творение. Если бы у него имелись хоть смутные подозрения на сей счет, наверняка он изготовил бы основание попрочнее. Впрочем даже слегка погнутое, оно выполнило возложенную на него миссию, разворотив секретерский гений инженерной мысли.

Открыв три ящика, судя по размерам, они — то и предназначались для хранения бумаг и писем, девушка уставилась на кипы листов. Разбирать эти стопки у нее не было ни времени, ни желания. Поэтому, оторвав от юбки две полосы, каждая в ладонь шириной, лицейка сгребла все бумаги, заодно прихватив и те, что были на столе. Уложив все в одну кучу она перевязала добычу импровизированной веревкой крест-накрест, словно это была стопка газет.

Посчитав на этом свою миссию выполненной, Васса направилась к окну. Тихонько открыла створку, над стеклом которой до этого варварски надругалась, и посмотрела вниз. Похоже, что на сегодня лимит везения у лицейки был исчерпан: под окном как раз остановился кто-то из прислуги и с большим вниманием рассматривал осколки. Нежданный свидетель, по-видимому, пока не догадался о причине их возникновения — иначе бы точно задрал голову повыше. Не тратя времени на лишние раздумья, девушка, словно героиня древней баллады, кинула вниз «воздыхателю» вещь своего из гардероба на память. Единственное отличие — славные фьеррины, воспетые странствующими менестрелями, обычно предпочитали сбрасывать с балконов платочки, ну на крайний случай, мантилью или шаль. Васса же ограничилась двумя лоскутами юбки, крепко обнимавшими корреспонденцию всерадетеля. Таким образом, весил «подарок на память» в общей сложности не меньше четверти пуда.

Слуга, вышедший в неурочный час на ночной променад в компании умыкнутого окорока, не ожидал такого подарка судьбы свыше и рухнул на стылую землю, аки сраженный в бою пехотинец (впрочем, не расставаясь с законно уворованным с господской кухни трофеем).

Со вздохом полюбовавшись на дело рук своих, девушка начала лихорадочно решать самый насущный из вопросов: как выбираться из кабинета. Повторной прогулки по карнизу ей не хотелось, а дверь кабинета, закрытая на замок, отпираться изнутри и не думала. Прикинув длину штор и оценив ширину гардины, с которой они образовывали весьма надежный на вид альянс, девушка что было силы дернула за полотно. Гардина, вросшая всеми своими крепежами в стену, не желала просто так сдавать своих позиций. Невзрачная ткань штор в отместку за варварские действия осыпала девушку облачком пыли. Васса, видя, что дело швах и гардина не сдастся, обвила ткань руками и ногами почище иного пылкого возлюбленного и дернула еще раз, присовокупив к этому усилию еще и свой вес.

Оппонент (в лице предметов интерьера) сдался, обрушив на девушку немногим больше восьми локтей полотна и дубовый остов гардины. От последнего лицейке еле удалось увернуться. Скинув край шторы в окно, Васса постаралась закрепить гардину так, чтобы она костью стала в горле оконного проема. Попеняв на инквизитора и Эрдена, чей гениальный план трещал не только по швам, но и по всей канве, лицейка, ухватившись за импровизированный канат, начала спуск.

«Надо больше есть, чтобы быть тяжелее», — размышляла девушка, когда ветер раскачивал ее на шторе на манер бумажного змея, что так любят запускать в небо сорванцы всех времен и народов. При этом Вассарию несколько раз весьма ощутимо приложило о стену. По итогам экстремального спуска оказалось, что ноги Вассы не достают до земли добрых семь локтей. Попеняв на скрытые комплексы всерадетеля (а иначе зачем делать такие высокие потолки, что второй этаж аж выше маковки яблонь), девушка помолилась пресветлому Хогану, а затем и его вечному противнику — претемному Кереметю (который, судя поговорке, чем только не шутит, когда старший брат спит). И тому и другому богам в

большинстве случаев было глубоко плевать на просьбы людские, но в этот раз то ли кто-то из них сжалился, то ли у окорококпада был день еще более несчастливый, чем у Вассарии. Так или иначе, но после того как девушка отпустила столь полюбившуюся ей штору и полетела вниз, приземлилась она весьма удачно: аккуратно припечатавшись копчиком о спину незадачливого воришки.

Рассудив, что мысли о гуманизме, человеколюбии и прочих утопических ценностях хороши, когда сидишь у камина, укрывшись пледом и с рюмкой чая в руках, а не на стылом дворе особняка в полночь, девушка содрала с так удачно для нее (и жутко неудачно для себя) подвернувшегося слуги овчинный тулуп. Добытая одежда была великовата, тяжеловата, имела специфическое амбре и носила на себе жирные пятна, на манер медалей украшавшие грудь. Но это были сущие мелочи по сравнению с тем, что Васса перестала отбивать зубами дробь, надев тулуп на себя.

Воровато оглядевшись вокруг и подхватив свой немаленький узелок, девушка устремилась в сторону конюшни. С того момента, как треклятая подвеска упала ей в руку, в сознании у девушки словно зажглась щепка. И сейчас оставалось всего несколько клинов до того момента, когда от воображаемой тлеющей щепки останутся одни уголья. В мозгу, словно птица в силках, билась лишь одна мысль: «Успеть, успеть любой ценой!»

Лошади, разбуженные, в отличие от конюха (детина выводил басовитые рулады, сладко причмокивая) неурочным визитом, недовольно косили, стригли ушами, а одна, особо норовистая и нервная кобылка даже начала пританцовывать, мяся подстилку копытами. Ее ноги, словно обутые в белые чулочки так и мелькали.

— Не, подруга, тебя я не возьму, больно уж ты шалишь, — шепотом, скорее для себя, чем для норовистой тварюшки прокомментировала Васса.

Выбрав лошадь помирнее и не тратя время на то, чтобы оседлать, лишь накинув сбрую, девушка как можно тише подвела животину к чурбаку. Взобравшись сначала на чурку, а с нее уже на спину лошади, Вассария наддала пятками по бокам кобылы и, пригнувшись, чтобы не задеть лбом косяк, вылетела из денника. Конюх, несмотря на шум, лишь повернулся на другой бок. Он так и оставался в блаженном неведении еще полторы свечи о том, что его любимицу Мышку умыкнули.

Ограда особняка, в некоторых местах весьма внушительная как — то подкачала в высоту на заднем дворе. Мышка, помотав головой и обрадовавшись, что всадник на ней не так тяжел, а противное седло, вечно натирающее спину отсутствует, наддала ходу, перемахнула через калитку, заботливо кем — то из прислуги запертую на вертушку.

— В нижний, скачем в нижний, красавица, — наклонившись к самой шее лошади чтоб не упасть, прошептала Васса, обращаясь скорее к себе, нежели к гнедой.

Через четверть свечи ходу девушка все же обернулась. Мрачная громадина особняка, в момент ее отбытия безмолвствовавшая, с темными глазницами окон, оживала. Бестолково метались огоньки света в оконных проемах и, хотя звуков слышно не было, лицедейка уверилась: охота за ее шкурой объявлена открытой.

Глава 5

Пинчинг жениха

Те, кто разбирается в игре, считают, что пинчинг — это незаконное изъятие игроком своей проигрышной ставки, либо ее части, после того, как игра уже разыграна. Но это не

так. Пинчинг — это показатель дурости, жадности и корявости рук: не хватило ума поставить нормальную ставку, зато хватило идиотизма на то, чтобы попытаться вернуть выигрыш и попасться на жульничестве.

Оценка типичной игровой ситуации стариком Хайроллером

Илас чувствовал себя висельником на эшафоте. Верёвка на шею уже накинута. Герольд торжественно и громогласно зачитал приговор. Зрители богатые, наставившие лорнеты и подносящие к носу надушенные платочки и бедные, лузгающие семечки — все замерли в ожидании зрелища. Публика вообще охоча до такого рода потех. Единственное отличие — удавка на иласовой шее была из золота. Ажурные, тончайшие звенья цепочки обручальной подвески жгли кожу каленым железом.

Самой противной для мужчины была даже не сама мысль о браке (хотя и от нее воротило), а то, каким образом отец заставил его на это согласиться. Обычно о необходимости договорного союза убеждают, пеняя долгом перед родом, на худой конец наследством, но не инквизицией. Илас был уже далеко не девочкой (и даже уже не мальчиком), жизнь уже научила его и цинизму, расчетливости. Подай ему отец новость о браке с Марицией под другим соусом, может бы, и согласился. Хотя нет, кого он обманывает. Послал бы родителя ко всем мракобесам. Вот Альяс, предвидя реакцию отпрыска, и выбрал наивернейший из рычагов воздействия.

Мужчина, сидя в кресле, с остервенелой ненавистью глядел в камин и крутил в руках подвеску из обсидиана. Камень размером с ноготь был опутан тончайшей вязью из белого золота, плетение которого складывалось в узор причудливой монограммы.

Выпустив из руки ни в чем не повинное украшение, он потянулся за сигарой. Давно не курил. С приграничья, наверно. Но там была махорка. Настолько ядреная, что в первый раз вышибала слезу. И самокрутки, свернутые на коленке. Но там он был свободен, а здесь... Младшие дочери гильотины — ножницы для сигар — с легкостью отсекали кончик панателлы.

Все правильно, все для удобства. Чтобы раскурить сигару лежали на столике и ножницы, и пепельница стояла, и кресало было; для тепла и уюта — камин вот, экран которого защищает от искр, и кресло мягкое, но отчего тогда так тошно? Ну... невеста не красавица. Зато дура — дурой. И это существенный плюс. Умная жена — головная боль для мужа. Другой бы на его месте, может, и порадовался бы: приданое — то за девицей немалое. Кто то, но только не Илас. Перед глазами встала картина того кереметьего званого вечера. И легкая улыбка — усмешка его сводной сестры, когда ей всеми правдами и неправдами удалось откреститься от навязанного «жениха». Илас ей тогда позавидовал. Хотя после скандал был страшный. Гронт рвал и метал, но поделывать ничего не мог. Инквизитор лишь одним кивком головы мог познакомить его с пеньковой вдовой. А после пригрозил сыну, что если тот решит выкинуть подобный фортель, то он сдаст его Хоганову карателю без раздумий. И ведь сделает это. Из чистого упрямства и жажды мести. Только вот мстит он кому? Прошлому? Его матери? Всему миру? Питается болью и унижением других, как сладчайшим из нектаров.

Чем больше Илас думал, тем четче понимал, что если он добровольно сложит свою голову на брачный алтарь, то на этом отец не успокоится. Он знает о его больном месте и будет давить на него, ломая по своей воле. Пока он был в кадетском корпусе, потом служил в приграничье, родитель на время забыл об отпрыске. Но сейчас... Гронт не захочет

выпустить нити шантажа из рук, а себя он считал умелым кукловодом.

«Бежать!» — мысль позорная. Она не пристала мужчине. Илас не отступал даже настигнутый арбалетными болтами, но сейчас...

— Будь что будет, но лучше сдохнуть от руки инквизиторов, чем всю оставшуюся жизнь агонизировать! — и мужчина, решительно сорвав ненавистную подвеску, бросил ее в камин.

Поднялся, осмотрел дубовую комнату. Небольшую, уютную, приветствующую вошедших скрипом натертого паркета, мореными панелями на стенах и вычурными гнутыми ножками низких кресел. Свечи, чье пламя напоминало уличных танцовщиц. Те точно так же: то вытягиваются ввысь, словно стремясь улететь, то, мнимые дуновением, пускаются в безудержный яркий танец.

В окно с небосвода милостиво взирала Сирона, чуждая чаяниям суетного мира.

Илас, приняв решение, больше не мешкал. Выбирать удобный момент? Еще не известно, что придумает на день грядущий Альяс — Гронт. Да и эта ночь чем не хороша? До первых петухов есть еще пара свечей. Сборы? У тех, кто знаком с побудкой горна, извещающего о неожиданной атаке неприятеля, они много времени не займут. Вот только лошадей запирают на конюшне. Отец маниакально, до испарины и белых скул, бережет лошадей. Иногда Иласу казалось, что элитные жеребцы и кобылы — это его истинные дети. Увести хоть одну навряд ли удастся, но ничего. Добраться бы до почтовой станции. Там всегда найдется свободная доходяга.

Илас презирал себя за то, что ему приходится, как ночному тятю, красться по собственному дому. Обычно из — под венца сбегали экзальтированные девицы, верящие, что за порогом отчего дома их ждет большой и прекрасный мир, в комплекте к которому прилагается прекрасный сердечный воздыхатель. При этом ни одной из фьеррин в момент побега в голову не приходило, что половина из «подвенечных» беглянок оказывалась через какое — то время в борделях и на улицах нижнего города... Илас усмехнулся про себя: побыть девочкой в крольчатнике (как метко в народе окрестили публичные дома средней руки), ему уж точно не светит. Хотя про просто «побывать» еще разок — другой он бы не отказался, только в качестве клиента.

Половицы и двери, словно бывшие в негласном сговоре с мужчиной, лишь шептали ему вслед. Ни петельного скрипа, ни сварливого голоса досок под ногами так и не разнеслось по дому. Мужчина покинул особняк, так никем и не остановленный. Полуночный экипаж, выскочивший из — за угла, словно убийца из подворотни, не снижая скорости промчался мимо, привнеся в морозную ночную тишину пьяный женский смех и запах табака.

Илас, одев заплечный мешок еще времен его юности, припустил в сторону нижнего города, старательно чередуя вдохи и выдохи, как в свое время учил муштровавший их командир, чтобы сил хватило на подольше. Нанять пролетку, конечно, соблазнительно. Но ее же сначала надо сыскать, да и след на своих двоих запутать будет легче.

***

Наушник постучал в дверь кабинета дознавателя и после решительного: «Войдите!», переступил кабинет порога начальника. Вошедшему жутко не нравился его командир. Слишком молод, слишком амбициозен. Родился с золотой ложкой во рту. Легко продвигается по службе. И не важно, что взлет этот стремительный был оплачен потом, кровью и стежками швов на полотне мышц и кожи, седыми висками. Это все не в счет.

Гораздо важнее, что ему, Ремару, приходится ночи напролет мерзнуть у монастырских стен. Днями собирать зевоту в кулак и протирать красные от недосыпа глаза, следя за какой — то вертихвосткой из обители святой Баяны. Хотя он, Ремар, заслуживает гораздо большего. Он красив, неглуп и не щепетилен в вопросах чести, что в дознавательском деле скорее поощрялось, нежели порицалось. Старая карга, что в насмешку судьбы именовалась его матерью, не оставила сыну ни приличного состояния, ни влиятельных связей. Отец Ремара же еще двадцать три года назад, едва услышал весть о том, что на свет скоро появиться его наследник, сделал подметки в неизвестном направлении. Поэтому честолюбивому юноше и пришлось идти туда, где неплохо платят — в дознавательский отдел наушником. Но Ремару хотелось большего. Свободы, отчеканенной, звонкой, с профилем императора — и много. Хотелось общества красивых и в меру скромных фьерр, дорогих костюмов и вкусной еды, и, конечно же, безделья. А вместо этого приходится уже второй месяц терпеть указания этого везунчика, Эрдена. Ех, жаль его начальничка не прихлопнули тогда в трактире шулеры, могла бы выйти прехорошая перспектива на повышение. Не сразу, конечно, на место этого Антера, но все ж не мерз бы сейчас по улицам и подворотням, выглядывая и выпрашивая.

Потому — то и не спешил наушник с докладом к начальству. Авось затянет чуток, где недоскажет... и провалит очередной расследовательский прожект этот любимчик фортуны. А там, глядишь, и выговор получит. Но, чтобы самому не получить на орехи за огрехи от капитана, Ремер все ж явился с докладом, свечи так через три после того, как девица в карете всерадетеля отбыла из монастыря.

— Разрешите доложить, герр Антер? — сама любезность и желание помочь, услужить.

Этот тон, голос, нарочито смиренный взгляд вызывали у Эрдена какой — то необоснованный зуд в районе лопатки, на месте шрама, полученного по юношеской дурости. Он тогда еще только начал службу в отделе и из наушников его перевели в следопыты. Хотел сам задержать домушника, но тот то ли с дури, то ли с перепугу возьми да и пырни шилом. Ладно, удар оказался скользкий. Легкое не задело. Но вот подпись тот вореньш (шельмецу не было и пятнадцати) на плече Эрдена оставил. К слову, чесалось это напоминание былой дурости иногда невероятно. И ладно бы к перемене погоды, как у ревматиков. Ан нет, иногда зудело вот как сейчас, безо всякой видимой на то причины.

— Докладывай. Что там? — голос скучный, спокойный. Рутинка или особое задание — для подчиненных все должно выглядеть одинаково. Незачем лишний раз подчеркивать, какое из дел является приоритетным, а какое ерундовым для начальства. Пусть все поручения подчиненными выполняются с рвением.

— Особа, за которой мне было поручено приглядывать, отбыла из монастыря аккурат перед закатным молебном.

Тут Ремар позволил себе небольшую неточность: вечерняя служба началась свечи через две после отбытия владыки, ну да это ничего, пока — то его начальник соберётся, пока отряд подготовит, разницы уже для девицы особой не будет.

— Что еще?

Интонация Эрдена, да и его вид остались прежними. Только отчего-то вдруг наушнику примерещилось, что на оконном витраже зацвели узоры инея? Хотя нет, просто показалось. Меж тем взгляд Антера стал все больше напоминать репейник: не то чтобы злобный, но неприятный, цепляющийся к мелочам и доставляющий тем самым немалый дискомфорт для докладчика.

Командир же осматривал вошедшего, как придиричивая покупательница на базаре лежалый пучок петрушки, который пройдошистый торговец отдает по бросовой цене. И отметил и начищенные до блеска сапоги, и свежее пятно лакричного соуса на манжете, и накрахмаленный, еще отдающей синевой внешнего снега воротничок. Тот, кто торопиться с докладом, не будет сначала заезжать домой, чтобы переодеться, а потом трапезничать в ресторации (форель под столь приметным соусом холостяку, коим был Ремар, судя по данным досье, навряд ли сподручно готовить каждый день) да потом еще и ждать, покуда чистильщик обуви управится с сапогами.

Внешне Эрден своего недовольства не выказал, но выводы сделал, и бросил:

— На сегодня Вы свободны.

Наушник, поклонившись, пятясь бочком и, наощупь найдя ручку двери, ретировался. Что — то ему подсказывало, что зря он мешкал, и Эрден — таки припасет для него нож в голенище.

Командир же тем временем стремительно поднялся и вцепился в край стола, пытаясь удержать рвущиеся наружу преимущественно матерные чувства. Минимум четыре свечи назад... да за это время целый полк девиц обесчестить можно, не то что одну монашку. Хотя Васса оной и не являлась, но все же. Надо трезво оценивать ситуацию. Она одна против здоровущего мужика, коим был всерадетель, мягко говоря, противник никакой. И пусть эта девушка изворотлива, как веретеница, и жалит словами не хуже годовалой гадюки, но против грубой силы языком много не намелешь, Эрден знал это на собственном опыте.

Решение пришло к мужчине мгновенно. Тратить время на сбор отряда? Ордер? Всенепременно. Но не ему, а его помощнику, штык — юнкеру. Пусть отдувается. А самому не медлить ни клина и мчаться к этому кереметем проклятому особняку всерадетеля и молиться триединому Хогану, чтобы успеть.

Ощущение, что он решительно опоздал, накрыло Эрдена уже при подъезде к дому владыки. Горящие огни не только фасада, даже флигеля, крики челяди и ржание никак не соответствовали мирной, приватной картине вечера. Даже горгульи фронтона и то издевательски скалились над неожиданным визитером, притаившимся в тени раскидистого вяза. Крона дерева, к слову, была убежищем не только для Эрдена, но и стаи галок, пока еще не потревоженных, но по натуре мстительных и весьма метких. Мужчина на себе уже ощутил их склочный нор: метательные снаряды этих траурных птичек то и дело словно небесное благословение падали свыше. Конь был далек от душевных терзаний всадника, потому с большим вниманием, нежели мужчина, относился к столь специфической «небесной» милости и недовольно приплясывал.

— Как же тебе удалось улизнуть, и главное — куда?

В том, что переполох вызван исчезновением одной весьма прыткой особы дознаватель был уверен. В противном случае все было бы до тошнотворности спокойно. Всерадетель заботился о том, чтобы его увлечения оставались маленькой тайной. А если весь двор встал на дыбы — значит, произошло что — то, к чему владыка не был готов. Эрден перевел дух и вытер доселе незамеченный пот на висках. «Все же, слава Хогану, сумела сбежать», — подумалось дознавателю. Теперь главное ее найти раньше остальных.

План, тщательно разработанный совместно с великим инквизиторам, пошел мракобесам под хвост — факт. Согласно задумке, лицедейку должны были ждать, едва только Васса переступит порог особняка владыки. Ей только и нужно было, что усыпить хоганова дланника и впустить агента в дом (а там уж ловкач и двери кабинета вскрыет, и нужные

бумаги отыщет). Да и лошади, чтобы мчать во весь опор после кражи, должны были быть...

Затянулось... ожидали, что Всерадетель заберет девушку не позднее чем через несколько дней после того, как она появится в монастыре, а хоганова десница все что — то медлил. Вот и поставили в соглядатаи только одного. Народу — то в дознавательском управлении хоть и много, но дел — то еще больше, да зачастую не простых, государственных, о ходе которых перед Ваурием тринадцатым главе департамента ответ держать на аудиенциях приходится... а это — почитай личное. «Вот и доэкономился! — сам себя упрекал Антер. — Ищи теперь».

Мужчина осмотрелся, размышляя. Васса могла поехать вон из города, на реку, на восток, там проще всего сбить гончих, или к нижнему, где грязь и вонь канав зачастую тоже способна спутать след. А вот петлять по верхнему, где среди прочих есть и особняк ее отчима — это навряд ли....

И все же, мест куда податься — множество. Эрдену ли не знать. Вот только что стоит решить непременно: в город или из него. Обыскивать тракты или зачуханные кабаки и подворотни города? Придаться поднимать весь отдел и срочно.

Пришпорив коня, он помчался назад, в управление, где расторопный юнкер подготовил уже все и всех. Короткие приказы. Если не найдут в первые несколько свечей — дальше будет сложнее. Время же, тая снежинками на ладони, словно насмеялось над Эрдемом. Мужчина всей кожей чувствовал это, как и то, что нужно в очередной раз наплевать на предписанные штабные правила и не сидеть в своем кабинете. Да, распоряжения розданы. И выполняться будут неукоснительно, но... что — то подсказывало ему, что он сам должен заняться поисками.

***

Ноги девушки заledenели от холодной, набрякшей полсвечи назад от конского пота, а сейчас задубевшей на морозе ткани подола. Руки, которыми она вцепилась в удила, были содраны в кровь. Овчинный тулуп уже не согревал.

Почтовый стан, что был на отшибе нижнего города, в этих обстоятельствах показался Вассе неплохой альтернативной даже райским кушам. Девушка сползла с лошади, впрочем, так и не выпуская из рук честно уворованную стопку писем. Кое — как закрепив узду на коновязи, она, шатаясь, побрела к двери.

«Наверняка похожа на пьянчужку из подворотни», — мелькнула в голове девушки мысль. Впрочем, ее внешний вид волновал Вассу мало, скорее, был наблюдением. Сродни тем, что делает обыватель, идя на работу: лужа, что стала еще шире со вчерашнего дня, да такая, что обойти ее тяжелее, или дворняга, лапастящаяся к ногам. Ну есть и есть. Поэтому приведение себя в порядок у нее ограничилось лишь тем, что она заправила за ухо выбившуюся прядь: та закрывала обзор.

Потянув на себя дверь, лицедейка окунулась в такое жданое тепло. И пусть оно пахло перебродившим пивом напополам с рыбьим клеем, было сумрачным от чадающих дешевых свечей, для изготовления которых плохо очищенную вошину щедро мешают с тальком, и грязным. Зато не было мороза, который, казалось выламывает кости, стилого ветра, что обвивает жадными лентами стужи.

Первые несколько вздохов Васса просто стояла, отогреваясь и чувствуя: вот сейчас зубы пустятся вскачь отбивать чечетку по новой, а в пальцы вернется ушедшая было ломота.

— Девка, чё ныдять? — ямщик, бородастый детина из тех, кому может быть и двадцать,

и сорок, почесывая голое волосатое пузо, проявил к вошедшей умеренный интерес.

Не отвечая вопрошавшему, Васса искала взглядом почтового управителя и, найдя, кое — как скрюченным пальцами нащупала монетку. Кругляш был одним из тех пяти, что ей удалось недодать в свое время настоятельнице. Короткий полет и вот уже золотая денюга с тихим шелестом вращается на ребре, вытанцовывая юлой на стойке служителя.

— Чего изволите? — тон управляющего уже любезный и предупредительный.

— Одежду — теплую. Поесть — горячего. Лошадь, чтобы повыносливее. Все это как можно быстрее.

Как известно лучшим катализатором любой реакции во все времена являются деньги. Впрочем, иногда их эквивалентом могла стать угроза смерти, но последнее было неосуществимо в силу физического состояния вошедшей.

Кружка горячего сбитня и дышащая паром картошка появились практически мгновенно. Как и одежонка. Служитель умудрился даже сапоги где — то найти, причем хорошие, с подковками, и из кожи василиска. Правда, размерчик оных был как у больного плоскостопием медведя, но да это мелочи. Зато носков шерстяных управляющий приволок аж две пары, одна из которых была даже чистая.

Проглотив принесенную еду, порою даваясь и обжигаясь (плевать, язык с небом конечно ценны, но холод и не тем заставит пожертвовать), Васса наконец — то начала отогреваться нутром. Ее немилосердно клонило в сон, но девушка понимала, что нужно отсюда убираться, и желательно подальше и побыстрее. Выяснив, где здесь можно переодеться, девушка отправилась в милостиво предоставленную для этих целей клеть. Не сказать, чтобы там было очень холодно, но и не жарко. Ровно настолько чтобы прогнать дремоту и как можно быстрее влезть в серое мешковатое платье (со служанки, что ли, сняли) к которому доведком предлагался выпачканный в золе передник. В сочетании с овчинным тулупом и сапогами, а так же шалью (последняя была некогда связана из кроличьего пуха, но настолько полиняла со времени, что отчетливо проступало полотно петель), сочетание было дикое.

Натянув на плечи то, что некогда было шкурой барана, ныне раскрытой и пошитой, девушка вышла из клетки, чтобы тут же познакомиться с лезвием ножа, заботливо приставленного к горлу.

— Чё, думала, золотишко есть, можно и честного люда не уважать? — давешний детина, что практиковал в качестве аромата одеколona сивушный перегар оскалился, продемонстрировав внушительное дуло на одном из клыков.

Новоявленный тять принял безмолвие девушки за испуг. Васса же в этот момент решала: орать или нет. Потому как если орать — это привлечет внимание, и может быть (хотя наряд ли), поможет отбиться... а ее ищут, усиленно. С другой стороны — надо что — то делать, а то прирежут ведь. Приняв решение, девушка постаралась вывернуться. Ей это не удалось. Зато детина, полагая, что и без железки управиться со щуплой и запуганной девкой, заткнул нож за пояс.

Молчаливое, но остервенелое сопротивление, результатом которого была прокушена рука у нападавшего и получена звонкая оплеуха (эта уже досталась на долю лицедейки) прервал холодный и язвительный голос:

— Отпустил бы ты служаночку, здоровяк. А то заломашь ее, а она в пылу страсти тебе все твое мужское достоинство и откусит. Не боишься?

Васса подумала, что этот голос ей почудился, и, словно находясь в вязком мареве,

начала медленно поворачиваться к говорящему. Илас. И везет же им на неурочные встречи. Впрочем, этой Васса была несказанно рада. Сообразив, что лучше эта белобрысая и язвящая зараза, чем бородатый бугай то ли с душегубскими, то ли с сеновальными, то ли с грабительскими (а может, и все сразу) намерениями, метнулась за спину к Бертрану.

Детина же, решив, что ему по силам проучить и неожиданного наглеца (а потом можно и девчонкой заняться), достал убранный было нож. Теперь со стороны Вассария по достоинству оценила размер тесака, пусть тот даже на вид знавался с точилом в последний раз — никогда, был весь в зазубринах. Таким проще отпилить, чем зарезать, но покалечить (и знатно) даже в таком состоянии это оружие может.

Илас же, словно не замечая опасности, двинулся к громиле, слегка наклоняясь, чтобы дотянуться до голенища. Амбал не стал дожидаться, пока противник достанет оружие, и ударил наотмашь. Мужчина, словно ожидая этого, поднырнул ему под руку, оказавшись за спиной здоровяка. Тесак же намертво засел в дереве стола. Несостоявшийся насильник, тут же дернув за рукоять, попытался вытащить свое оружие из плена, но начал медленно оседать и с сочным звуком, поцеловав лбом лавку, упал на пол.

Илас, стоявший до того за его спиной, задумчиво рассматривал костяшки пальцев рук, собранных в замок. По-видимому, мужчина хорошо приложил ямщика по темечку, добавив удару своего весу.

— И почему, дорогая сестрица, наши с вами встречи всегда проходят в столь интригующих обстоятельствах?

— Могу спросить то же самое.

Служитель, с невозмутимым видом наблюдавший всю картину потасовки, вклинившись в возникшую паузу, доложил:

— Лошади готовы — и потом, словно спохватившись, добавил, — две.

— Что ж, не могу сказать, что приятно было повидаться... до нескорой, надеюсь, встречи, — сказал, как выплюнул, блондин.

Илас облил индевелым взглядом наряд нечаянной родственницы, скривился, как от паленого первача, и, не говоря больше ни слова, вышел вон. Он был зол. В первую очередь на себя, хотя и на Вассу заодно, для компании. Ему надо торопиться, не терять ни вдоха, а он в потасовку ввязался... из — за гризетки, как думалось вначале. А вон как вышло. И что его бедовая сестричка тут делает, да еще в таком виде? Помнится, две недели назад она представилась замужней фьеррой, да еще и в положении... скандал был знатный. А сейчас — замызганная, в изгвазданном тряпье, да еще с каким — то несуразным узлом, с которым даже при нападении не рассталась... И везет же ему с родственниками.... Мачеха — снежная королева, что вечно в царстве льда и тумана, отец — изрядный стервец, а вот теперь и сестра — ходячее недоразумение.

Знал бы Илас, насколько созвучны в этот момент с его думами мысли Вассы, обязательно споткнулся бы. Девушка костерила свою дурость, по которой ввязалась в авантюру с монастырем. Отбитый зад, стертые ноги и пальцы, по-прежнему сводимые ломотой, были полностью солидарны в этом с хозяйкой. Когда лицедейка взобралась на кобылу, услужливо выведенную под уздцы служителем, и взобралась в седло (не с первой попытки), копыта лошади ее негаданного спасителя уже выбивали гулкую дробь на мостовой вдалеке. Надев рукавицы и еще раз поправив съезжающую постоянно шаль девушка выехала из символических ворот. Оные любая бродячая дворняга могла одолеть не напрягаясь, как перепрыгнув, так и через внушительную дыру в покосившемся плетне. Васса хмыкнула,

глядя на последнюю. У нее создалось стойкое ощущение, что сия дыра была результатом трудов не бессловесной животины (лающей или блеющей — не суть важно), а молодцев, перебравших браги и решивших освоить мастерство телепортации, используя древнейшее заклинание — «напролом», поскольку прогалина в два локтя шириной требует немалых физических затрат, упрямства и вдохновения, присущих только двуногим.

Лошадка, из тех, которых на колбасу пускать еще вроде и рано, а продавать уже поздно (ибо не даст никто за такую клячу хорошую цену), как — то обреченно, совсем по человечески вздохнула, кося на всадницу. Во взгляде пегой как-будто читалось: «И что ж тебе не ймётся в такую холодрыгу?». Впрочем, она все же медленно двинулась в направлении, задаваемом наездницей: вон из города, на юг.

Вассу, издерганную за ночь, не сразу насторожил отдаленный топот, звонко разносившийся в предрассветной глуши и рикошетивший от стен жавшихся друг к другу домов, зачастую похожих на двухэтажные бараки. Запоздало мелькнувшая мысль «Погоня!» вмиг разогнала кровь девушки. Она пришпорила пятками клячу, которая с неожиданной резвостью надала ходу. Тем не менее этого было явно мало. Ворота, которые на ночь уже давно не закрывались (Ваурий, при всех своих недостатках императорствовал бескровно и войн в его правление пока не знали, чего нельзя было сказать о баталиях придворных и подковерных), и караульные, с обеих сторон створок страстно обняв алебарды, дремали. Укутанные, чтобы не замерзнуть, он напоминали два шалаша, из туннука которых вверх поднимались струйки теплого пара.

Не сбавляя ходу, Вассария промчалась мимо стражей. Блюстители порядка опомнились уже после того, как девушка миновала некогда грозный и неприступный барбакан, а ныне живописную груду камней, символизирующих въезд в город. Впрочем, деньги из казны на подновление ворот выделялись раз в пять лет, но каждый раз не доходили до места назначения.

Всаднику, скакавшему за ней, повезло меньше. Вассария отчетливо слышала грозный и сиплый со сна окрик одного из караульных, сочные матюги и даже предупреждение. Смысл последнего (опуская сочные эпитеты любовных утех животных с чьей — то матерью) был: «стой, стрелять буду». Судя по всему, преследователь наплевал на угрозы, ибо хода не сбавил и пронесся следом за девушкой. О том, что все — таки стреляли, Васса узнала по болту, пролетевшему недалеко от нее, и перебившему шильду, которую какой — то ушлый и не шишко грамотный торговец привесил на дорожный столб.

«'Так даже лучше», — не к месту подумалось девушке. И вправду, намалеванная страшная рожа теперь демонстрировала щербатый оскал, и подпись «Цирюльня Урабеха. Красивый волос и здоровый улыбка» теперь гораздо лучше гармонировала с изображением. Впрочем, отстраненные мысли не помешали лицедейке оглянуться через плечо. Завизжать и позорно грохнуться с лошади девушке не позволили природное упрямство, с коим она вцепилась в поводья и дедушкина выучка. На нее несся во весь опор здоровущий ёж верхом на взмыленном жеребце. Во всяком случае, ей так показалось в первый миг.

И все же, драгоценные мгновения были упущены, и всадник приблизился к Вассе.
— Стой, дура, это я.

Второй раз услышать голос ненаглядного братца было выше сил девушки, и она сочно проматерилась, емко и кратко охарактеризовав блондина. И наплевать на то, что благородным фьерринам не то, что слов, интонаций таких знать не положено. Но душа девушки требовала.

Илас лишь удовлетворительно хмыкнул, как будто комплемент получил.

— Погоня сзади. Мне удалось удвоить след. Сейчас они прочесывают городские трущобы.

Васса уже поняла, что не от хорошей жизни встретила белобрысого на почтовой, но вопросы могут и подождать. Шкура важнее. Вон, у братца она уже вся в дырках. И как в седле только держится? О том, за кем погоня, тоже уточнять не стала. Это не так и важно — на нем или за ней. Те, кто идут по следу, не будут долго разбирать — схватят обоих и навряд ли выпустят. Путь даже если и за братцем охотятся. Документов, что у нее на руках, достаточно будет для близкого знакомства с дыбой. А там уж знамо дело. Все поют палачам то, что хотят услышать дознаватели.

А посему следовало убираться. Вдвоем или порознь — не суть, но чем быстрее, тем надежнее. Вместе-то, конечно, лучше, да только судя по числу стрел и болтов, как бы дорогой родственничек в ближайшую свечу не скончался. Хотя, для человека в чьем организме столько свинца и железа, он держался на диво бодро.

Поймав на себе хмурый взгляд девушки, Илас лишь отмахнулся:

— Потом вытащу, сильно не мешают. Сейчас некогда.

Больше не сговариваясь, они поскакали в сторону реки.

Лед еще не стал. Обмелевшая, с лентами песка и гальки с обеих сторон русла и велеречивыми водоворотами, Илреть не прельщала ни одного из беглецов. Хорошо было бы добраться до брода, но там могли ждать. А посему — придется переправляться здесь.

Как и водиться, по закону подлости, крутой берег был на противоположенной стороне. Это значит, что после переправы нужно будет еще найти подъем, по которому смогли бы подняться лошади.

Река. Не широкая, по — женски коварная, взирала на беглецов с умеренным интересом. Куда они денутся? Все равно окажутся в ее объятьях. Рано или поздно. Но лучше все же рано. А уж она постарается. Затянет, закружит, утянет гостей в свои чертоги.

Илас закрыл глаза. Он словно пытался услышать что — то в шепоте реки. Его ноздри подрагивали, улавливая запахи, о которых Васса могла лишь догадываться. Наконец, приняв для себя какое — то решение, с коим Вассу не соизволил ознакомить, блондин коротко бросил:

— Туда.

И, мотнув головой, сам подал пример, направив лошадь вдоль излучины реки. Впрочем, скоро он спешился, и, словно нехотя, через себя, произнес:

— Помоги вытащить.

Васса, к этому моменту тоже оказавшаяся на земле, слегка замешкалась с ответом, и Бертран добавил:

— Пожалуйста.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Цедить слова, словно это были драгоценные жемчужины, которых девушка не достойна, у блондина получалось мастерски. А тут еще и пришлось просить... но куда же деваться, если за спиной погоня.

Девушка не оценила оказанную ей высокую честь и, скептически оглядев Бертрانا, хмыкнула и все же подошла ближе к услужливо повернутой к ней спине. Оба понимали, времени осталось мало, и на препирательства с выяснением отношений лучше его не тратить.

Посмотреть Вассарии было на что. Несколько болтов, одним из которых был 'овод', вошедший чуть ли не по самое оперение. По-видимому, он угодил между ребер. За него — то Васса и ухватилась пальцами. Гусиные перья, что с трех сторон были призваны стабилизировать полет болта, набрякли от крови и соскальзывали, не даваясь.

— Что ты там так долго возишься? — недовольно просипел Илас сквозь сжатые зубы.

Его специфический дар подохнуть от потери крови не давал, но всю непередаваемую гамму ощущений от процесса извлечения инородных тел из его собственного, к сожалению, не блокировал.

Мужчина ругался про себя: умудрился все же схлопотать «подарочки» от караульных в спину. Самому никак не достать, а эта...возиться, еще и провернуть пытается.

Васса в этот момент, плюнув на попытки вытащить «овода» пальцами, решительно вцепилось в окончание древка зубами, и, уперев руки в спину блондина, потянула арбалетный деликатес на себя.

Илас, издав звуки, больше всего напоминающие брачное шипение гадюки, чертыхнулся в тот момент, когда болт, на прощание вырвав — таки кусок мяса за край железного наконечника, распрощался с его спиной.

Васса, не рассчитавшая силы, плюхнулась на пятую почку и начала усиленно отплевываться. Ощущение от роли сестры милосердия были препоганейшие: немытое перо с кровью и щепой во рту. А зубы... — будто их разом пытались выдернуть щипцами, но силенок у цирюльника не хватило.

Мужчина повернулся и зло посмотрел на девушку.

— Надеюсь, остальные ты будешь не выгрызать, а просто потянешь за древко и вытащишь.

«Специфическая у него формулировка для благодарности», — про себя подумала Вассария, поднимаясь и отряхивая руки. Остальные болты таких проблем с извлечением не вызвали. Единственное, что поразило девушку — крови почти не было. Она, конечно, не была специалисткой по ранениям, но ей казалось, что при извлечении стрел живой ртути, что течет по жилам, должно было быть больше. А этот... ведет себя так, словно его не прошили чуть ли не насквозь, как игольницу булавами, а всего-то заноз насажал — неприятно, но терпимо. Впрочем, свои наблюдения она оставила при себе.

Илас же, освободившись от «украшений» на спине, стал быстро раздеваться, стаскивая с себя кожух, зияющий рядом характерных дыр с багряной окантовкой, потом перешел к рубаше и штанам, последними были сняты сапоги. Мужчина, оставшись в одних подштанниках, аккуратно свернул валик из одежды и начал крепить его к луке седла. Спина, когда он отвернулся, оказалась чистой, даже следов сукровицы почти не было. Васса так и застыла с недорасстегнутым тулупом. Блондин же, словно спиной почувствовав взгляд, обернулся и недовольно бросил:

— Потом. Чего застыла? Давай, аллур на три креста.

От этих слов, хлестких, как пощечина, Васса опомнилась и принялась раздеваться с удвоенной быстротой. Хотя нет — нет да и косила на Иласа, который уже по колено был в воде.

Переправляться по такой воде было чистым безумием. Хоть и не стремнина, славящаяся пенными бурунами, но зато околеть можно на раз. Илас уже покрылся гусиной кожей, но все равно упрямо брел уже по пояс в воде. Река, хоть и не широкая, но до дна в плёсе не достанешь. Похоже, под ногами Иласа как раз закончился пережат, потому как мужчина

резко ухнул в воду по шее. Вцепившись одной рукой в лошадиную холку, второй начал активно загребать.

Больше ждать было нечего, разве что дружелюбной погони, что все ближе с каждым вздохом, и Васса решилась. Зайдя в воду она первые мгновения еще чувствовал ступни, но через три шага ноги окончательно онемели, и девушка практически волоком пошла поперек течения. Рука, на которую петлей была накинута уздечка, готова была вывернуться из сустава, потому как лошадь желала побыстрее выбраться на противоположенный берег реки, а вот дурная хозяйка почему — то в самый неподходящий момент решила освоить один из древнейших стилей плавания — топориком.

Илас, выйдя на противоположенный берег, стряхнулся, словно борзая и оглянулся на невольную напарницу. Та уверенно шла ко дну.

«Да что же ты вторишь!» — было единственной цензурной мыслью мужчины.

Вассе было уже все равно, вверх или вниз несет ее течение. Тело, сведенное судорогой, мало что чувствовало. Выбралась лицедейка на другой берег скорее вопреки, нежели благодаря судьбе, и своим спасением была обязана упрямому норову спокойной с виду лошадки, не пожелавшей идти на знакомство к речной хозяйке. Когда кобыла выволокла девушку на прибрежную полосу, Илас подхватил недоутопленницу и сам потянул ее к берегу.

— Я тебя спасать не нанимался. Если хочешь убиться — сделай это один раз и качественно, так, чтобы без шансов на спасение.

На эту душевную речь лицедейка лишь улыбнулась. Она чувствовала себя словно пьяной, и ее так и подмывало рассмеяться. Почему — то взгляд девушки зацепился за полинявшие незабудочки на батистовых подштанниках блондина. Отстраненная мысль: «В таких на свидание к любовницам не ходят — не солидно как — то», — так и рисовала в воображении Бертрана в этих самых подштанниках, удирающим через мезонин от ревнивого мужа очередной пассии.

Худые волосатые ноги тащившего ее спасителя, что виднелись из — под подштанников, повели мысли девушки в другую сторону: «И чего Илас такой тощий, словно щепка? Недокармливали его что ли? Хотя нет — рост — то вон какой вымахал. И жилистый, сильный. Вот как ее легко тащит. А я, хоть на вид и миниатюрная, а все же три с лишним пуда веса есть. Может, он раньше нормальный был, а сейчас сел на модную диетусу? Вот одни ребра и торчат». Придя к единственному и очевидному, как Вассе в ее состоянии казалось, выводу, лицедейка решила помочь Иласу советом:

— Плюнь ты на нее!

Блондин, слегка опешивший от решительного тона спасаемой, выпустил из руки повод лошади, которую вел. Девушка, рачительность которой была против такого пренебрежительного отношения к животине, купленной на кровноукраденный злотый, запротестовала.

— Да я не про лошадь, а про диетусу!

— При чем здесь это? — Илас, хоть и полагал женщин созданиями глупыми, но логику оных постигнуть порою не мог.

— Ну ты же на диете сидишь. Вот я и говорю — плюнь.

Блондин плюнул. Правда не на диету, а на сумасшедшую девицу, которую бил колотун. Как только блондин вместе со своей ношей выбрался на берег, первым делом отвязал тюк с одеждой девушки от седла. Содрал с лицедейки мокрую тряпку, что еще в начале вечера

была платьем, услужливо предоставленным всерадетелем, потом нижней сорочкой под одежду служанки, а теперь просто мокрым комом. Завернув Вассу в тулуп на голое тело, принялся надевать на нее шерстяные носки. И, лишь покончив с этой процедурой, стал одеваться сам.

Лицедейка начала отходить. Мысли уже не так путались, и первой связной была: 'Ненавижу. С сегодняшнего дня ненавижу дознавателей, всерадетелей и инквизиторов. И если удастся выбраться из всего этого, заживу тихой жизнью в каком-нибудь провинциальном городке. Подальше отсюда.'

Вассария понимала, что надо бы встать, нормально одеться и взобраться на лошадь. Но сил уже ни на что не было.

— Ехать сможешь? — требовательный голос. Почти приказ.

Сил, чтобы ответить что-то членораздельное не было и она лишь помотала головой.

— Дура, как есть дура.

С этими словами Илас, уже гарцевавший на лошади, подхватил девушку под мышки и усадил впереди себя на седло. Лошадь Вассы, уже привязанная веревкой к луке седла кобылы Иласа, шла рядом.

— И навязалась ты на мою голову, — сокрушенно пробормотал Бертран, пришпоривая свою вороную.

Тепло, что обнимало девушку, убаюкивало, как и мерная поступь лошади. Дрема пахла вереском, полынью и почему — то морозом. Хотелось просто окунуться в эти запахи целиком и не просыпаться. Васса смежила веки и не проснулась даже тогда, когда они под утро остановились у того, что полсотни лет назад было сторожкой. Сейчас этот стылый, обветшалый домишка даже охотники забросили. Больно уж бурелому много на пути к сомнительному месту отдохновения. Да и гадюки полюбили развалины. По лету или теплой весне у костра переночевать проще. И зимой, под большой разлапистой елью, если найдешь такую, что нижние ветви в снег надежно утопила, тоже можно.

На смену помершему егерю, что был хозяином здесь раньше, новый барин — владелец сих земель, не прислал. Вот и вращал сруб все больше в землю, скрипя ставнями на стылом ветру. Про эту сторожку Иласу рассказывал один из сослуживцев, еще в приграничье. Дескать, есть в Куярском лесу такая... заброшенная. Говорил, делясь своими мечтами (там многие выживали только ими), что когда закончит службу — туда жить поселиться. На вопросы «на кой?», драгун отвечал — надоело все. Кровь, лица лицемерные — начальства, остервенелые — врагов. Тишины хочется, покою. Чтобы вокруг — никого. А там точно не найдут. И угол глухой, дикий, опять же от столицы всего двадцать свечей перегон, если на резвой лошади. Да только места там болотистые, вот ветровалы часто и случаются.

Не дожил тот сослуживец до своей мечты. Насквозь стрела прошла за три дня до отбывки с приграничья. Илас невесело усмехнулся наследству, что оставил драгун. Не думал, что когда-нибудь пригодится.

Глава 6

У удачи короткий спин

Спином называют период вращения шарика в барабане рулетки. Если глаз игрока наметанный, он может угадать сектор, в котором окажется шарик. Впрочем и опытный крупье без проблем попадет в нужную серию...

Хайроллер. Об основах игры в рулетку

Разило мышами. Этот настойчивый душок, что въедается в сон, оседая в сознании, словно чердачная пыль на непокрытых волосах, Васса ненавидела с детства. Против самих погрызух девушка ничего не имела, но вот специфическое амбре лежалых вещей, облюбованных пискухами, вызывали стойкую неприязнь.

Соломенный лежалый тюфяк, что немилосердно колол спину и был не мягче булыжной мостовой. Треск поленьев, недовольных прожорливостью огня. Запах дыма, какой стоит, если давно нетопленную печь начинают использовать вновь. Звон разбившейся посуды.

Последний-то и заставил Вассарию открыть глаза. Девушка сощурилась от яркого света и откинула тулуп, которым была заботливо укрыта. На ее груди словно лежал раскаленный уголек из каменки. Окаتيش такой водой — закипит, заklubится паром, а не остынет. Еще заспанная, Вассария начала на ощупь исследовать: что же это могло быть? Пальцы наткнулись на цепочку с каплевидной подвеской. Жемчужина буквально пылала, обжигая.

— Проснулась? А я уже было порадовался, что ты отправишься к праотцам.

Нарочито — небрежный тон, поджатые губы. Вот только усталый взгляд человека, прошедшего больше суток без сна, выдавал говорившего с головой. Все ж заботился, переживал.

Илас и вправду, почти был уверен, что девчонка не выживет. Слишком хрупкая. Не годна она для таких испытаний. И тащил он ее с собой из одной своей природной упёртости, за кою был не раз бит судьбой. Своих не бросать ни в бою, ни в плену. И не важно, любишь ты того, кого тащишь на плечах или ненавидишь. Он свой. И точка. То, что с кровавыми соплями, с треском костей и рваными ранами было вбито в сознание на приграничье, за один день исчезнуть не может. Впрочем, даже служба не изменила характер Иласа: гордый, язвительный, порою резкий до грубости, надменно-спокойный. Хотя, с появлением этой пигалицы, блондин все чаще ловил себя на том, что сдерживаться стало в разы сложнее.

Еще месяц назад его жизнь, хоть и не размеренная, все — таки имела какой — то свой особый, но порядок. Привычная маска холодного циника, уже настолько сросшаяся с лицом, что давно и прочно забыто: а что же там, под ней. Сейчас она слезала змеиным выползком. Илас привык, что его манера общения сама по себе устанавливает зону отчуждения для тех любопытствующих, которые норовят залезть под кожу, в душу.

Язвительным, холодным и надменным он был для большинства из окружения. Лишь те, с кем поневоле приходилось делить и стрелы и руду, текущую в жилах, там, на приграничье, в другой жизни, в другом мире, там знали его иным. И то немногие.

Здесь, в столице он выбрал для себя роль этакой каменной глыбы, с которой мастерски справлялся. Благо высшее общество не видело в этом ничего странного. Прикрывшись веерами и нюхательными табакерками, оно шептало: дескать, породу не раздавишь, и Иласу есть в кого быть таким. Альяс — Гронт как — никак слыл тем еще презрительно — горделивым мерзавцем. Впрочем, несмотря на данную репутацию среди фьерр и фьеррин, блондин считался «обворожительным сукиным сыном» и имел немалый успех у дамского полу, чем иногда беззастенчиво пользовался.

Мужчина уже давно подметил, что чем неприступнее с виду крепость, тем старательнее ее пытаются осадить настойчивые фьеррины. И дело здесь даже не в красоте и титуле, хотя они выступают приятным довеском: азарт охоты присущ не только мужчинам. Но Илас относил себя к категории тех холостяков, которые семь раз меряют, но так и не женятся...

Сейчас он смотрел на заспанную, растрепанную девушку, крутившую в пальцах кулон и

морщащуюся. Словно это самое украшение было из куска негашёной извести, которая при прикосновении медленно, но верно разъедает кожу.

Вразумительного ответа на вопрос: 'На кой мракобес он вмешался в столь милый диалог сестренки и ямщика?' — он для себя не находил, как и на: «Зачем ее спас и продолжаешь помогать?». Признаться, что побудило его сделать все, случившееся накануне, воспитание и обычное человеческое чувство, именуемое альтруизмом, Иласу даже самому себе не хотелось. Считал, что стремление помогать кому бы то ни было он в себе изжил. И сейчас с раздражением констатировал, что нет, не до конца. Живое доказательство этому сидело перед ним. От этого мужчина злился еще больше.

— Можно воды? Пить очень хочется.

Васса не играла. Это было излишне. Чувствовала она себя так, словно вчера соревновалась со сказочным Дедом Похмелем. И выиграла. Голова, словно фиגляр, балансировала на шее, грозясь от неловкого движения упасть и разбиться вдребезги. Осознание того, что же все — таки произошло, приходило грозowymi разрядами, ослепляя своей масштабностью. А еще в дополнение недовольный прищуренный взгляд 'братика'.

Илас, не говоря ни слова, взял кружку и взвернул ее вверх дном, вытряхивая мусор (Васса искренне надеялась, что это труха и сенная пыль, а не мышиный помет). Посчитав, что теперь посудина абсолютно чистая, мужчина зачерпнул из надтреснутого чугунка. Посудина томилаcь в печной загнетке, куда жар угольев хоть и доходил, но вскипеть воде не давал.

— Пей.

Услужливо (ага, с таким же лицом подают мыло, чтоб веревка шею не натерла) Илас протянул глиняную кружку. Когда — то наспех обожженная, и потому покрытая мелкой паутиной трещин, здоровенная, до краёв наполненная теплой водой посудина весила изрядно.

Сделав пару глотков и закашлявшись с непривычки (горло жутко саднило), Васса почувствовала себя лучше.

— Сколько я тут провалялась?

— Около суток, — соизволил ответить мужчина и словно в издевку добавил: — Смотрю на тебя и думаю: а ты точно графиня? А то воспитание у тебя... вроде уже и не подворотня, но и для приличного общества не дотягиваешь: слишком неправильная.

У Вассы всегда чесался язык ответить какую-нибудь гадость, когда ей указывали на особенности ее происхождения и воспитания. Ну да, старик Хайроллер имел совершенно иные взгляды на то, каким должно было быть образование его внуки. Он считал достаточным, если фьеррина знает пару танцев, за столом умеет пользоваться ножом и вилкой (при этом не важно, для мяса, рыбы или фруктов она предназначена). Из исключительно женских умений он полагал, что девушка должна сносно уметь штопать (вышивка признавалась ворчуном женской глупостью и способом убить время, и в число полезных умений на его взгляд не входила) и готовить так, чтобы не умереть с голоду. А вот грассирование и картавость, так ныне модные у знатных фьеррин (многие дома для приобретения этого умения у своих дочерей и жен нанимали специальных учителей), он почитал несусветной глупостью, впрочем, как и духовную семинарию.

История, география, ботаника и языки, хотя и были отнесены стариком к вещам нужным, но поскольку в данных предметах он сам был не силен, то Васса изучала их самостоятельно, по книгам, и в силу своего прилежания. Зато оперировать числами, порою

весьма большими и неудобными, Хайроллер мог играючи и в считанные секунды. И как бы Вассария ни пыталась убедить деда, что перемножить в уме два трехзначных числа ей не под силу, старик-таки добился через пару лет своего.

Хотя не только игре дед уделял особое внимание. Как человек, много повидавший и поживший немало, он полагал, что главная наука, которая поможет Вассе — это знание природы страстей и слабостей человеческих. Поэтому и не скрывал от внучки некоторых особенностей взаимоотношения герров и фьерр.

Узнай, о чем старик Хайроллер порою разговаривал со своей внучкой, статс — дамы пансионеров для благородных девиц пришли бы в ужас. Кокетство, флирт, мужские слабости и пороки. Аллар Хайроллер учил умело использовать весь немалый женский арсенал, играя на особенностях мужской натуры. Сам, будучи мужчиной, он прекрасно знал, какие именно дамские ухищрения лучше всего действуют на сильный пол и непрестанно повторял: «Тебе даются знания и умения, а как ими воспользоваться — решай сама. Только знай, что если хочешь выиграть в ситуации, то действуй так, как никто от тебя не ожидает. Опережай, обескураживай, и тогда ты будешь контролировать ситуацию».

И сейчас, когда ее в очередной раз упрекнули в отсутствии благородных манер, это разозлило девушку.

— А я всегда считала, что лучше хороший матерящийся человек, чем тихая воспитанная сволочь — произнесла она с невинной улыбкой. И присовокупила — Хотя, я вижу, что вы из когорты тех герров, чьи благородные манеры не позволяют сидеть в присутствии дамы, которая лежит в постели голой.

Илас сразу не нашелся, что ответить и лишь хмыкнул: все ж его сестренка хоть и не по крови, но по духу Бертран — такая же язва, как и он сам.

Вассария зябко поежилась и, накинув на плечи злополучный тулуп, начала вставать. Не сказать, чтобы процесс этот был ей безумно приятен, но проверить, что осталось от украденных бумаг после переправы, все же следовало. Помощи блондина в этом деле можно было не ждать. Вон как гордо филейной частью к ней развернулся.

Доковыляв до лавки, где грудой были сброшены вещи, девушка принялась разбирать завал. Искомая стопка оказалась в самом низу, к счастью для девушки, большинство листов практически не пострадало, хотя края некоторых бумагах были в чернильных разводах. Васса в нерешительности взяла первый документ: стоит ли читать и лезть еще глубже в интриги и тайны всерадетеля? Страх тянул назад, советовал оставить все как есть и не читать ни строчки, любопытство подталкивало вперед, гордость останавливала. И только здравый смысл нервно топтался на месте и ругался матом на свою безголовую хозяйку.

'...И в довершение письма сообщаю: присланный Вами, Ваше преподобие, на перевоспитание отрок, что баловался мракобесьей наукой, магией именуемой, не внял гласу Хоганову, за что был в очередной раз порот розгами. По воле Великого Триединого, раны, что остались на спине у подлетка, загноились и он, спустя седмицу скон...' окончание письма было размыто, но и так можно было догадаться, что произошло.

Васса непроизвольно закусил губу: это как же надо было сечь, чтобы малец летучую лихоманку подцепил? Не иначе до кости грязной розгой? Ведь пороть пороли всех, ибо розги считались лучшей мотивацией к учению, но вот до смерти...

Илас, заинтересованный тишиной за его спиной обернулся, и, увидев мелко подрагивающий листок в руках сестрички, без слов выхватил и вчитался.

— Ну и куда ты влезла?

— Когда только собиралась лезть — знала, куда точно, а сейчас — уже ничего не понимаю.

Илас повертел письмо, всматриваясь в вязь рун и размытый чернильный край.

— Выбраться сухими из всего этого не получится... — задумчиво протянул он

— А самого — то какой Кереметь заставил в бега податься?

Блондин, который ждал этого вопроса или подобного и уже прикинувший, что как не игнорируй «сестричку», а кое — какие пояснения дать все же придется (особенно по поводу своей живучести), соизволил ответить:

— Помнится, кто — то предпочел быть беременной и оскандалившейся, лишь бы в сказке под названием 'замужество' не оказаться?

— В моем случае сказочный принц был таков, что логичнее было выйти замуж за белого коня. В твоём, я смотрю, тоже....

— Да, Мариция — наглядный пример того, что практически невозможно убедить женщину, что ты ее недостоин, если она собирается за тебя замуж.

На это заявление Вассария лишь хмыкнула, вспоминая блеск глаз несостоявшейся невесты Иласа.

— А тебя — то как отец заставил на это пойти? Не наследством явно пригрозил, иначе в бега бы таким голодранцем не подался.

Мужчина выглядел вполне респектабельно... для бандита с не очень большой дороги, даже скорее тропочки: штаны, все в трухе, а местами и в саже. Узковатая, с обмохрившимися обшлагами и рукавами по локоть, явно с чужого плеча, чуга. Из — под последней выглядывала рубашка, пестревшая щедрой россыпью штопки.

Вассария даже догадывалась, кто был столь щедр на такие одеяния — никак почтовый служака за лишнюю монету постарался.

— И в кого ты такая.... — Илас замялся, подбирая точный эпитет

— Умная, — подсказала девушка

— Скорее неудобная.... Слишком неудобные вопросы задаешь — и, вздохнув, мужчина продолжил: — наверняка, когда вытаскивала болты из спины кое — что заметила?

Васса активно закивала головой, отчего та разболелась еще сильнее, но девушка лишь поморщилась.

— У меня с рождения есть особенность...

Блондин постарался как можно более лаконично пояснить, чем отец сумел припереть его к свадебному алтарю, потому как смысла скрывать особо не было, 'сестренка' и так видела больше, чем следовало.

— Поэтому и решил, что лучше сдохнуть свободным, чем отец будет по капле высасывать из меня желание жить.

— А я вот в бегах по собственной дурости, — подытожила лицедейка.

— Ну, с этим я полностью согласен, — и, пропустив возмущенное сопение девушки, (хотя бы ради приличия мог промолчать), задумчиво протянул: — Раз уж ты притащила эту мракобесью кипу бумаг, давай разберем, ради чего так страдали?

Как показали эпистолярные раскопки, всерадетель отличался исключительной скупостью, считая каждую медьку и распекая нерадивых хогановых служителей за растраты. При этом не жалел на поучения ни бумаги, ни чернил. Дотошность некоторых его посланий, черновики которых в изобилии наличествовали, поражала невольных читателей. Зато и отчеты о делах монастырских и не только оных были подробны. Особенно заинтересовал

Вассу один, написанный дерганым, летящим почерком. В нем буквально по вздохам была расписана кампания, имевшая место две седмицы назад. Подробно был описан и заряд, и то, как он попал под карету, и число пассажиров в оной. Указывались даже масти лошадей в запряжке. Seriously подошел всерадетель к устранению конкурента на ниве борьбы с мракобесьем, серьезно.

Вассария подняла взгляд на спутника. Ну да, нашла она доказательство того, что за покушением на великого инквизитора стоит Хоганов помазанник. И что дальше? Попытаться вернуться в город, принеся на блюдечке черное досье на всерадетеля? Скорее ее еще у ворот прирежут доброхоты в рясах.

Кулон, который до этого висел поверх одежды, соскользнул в пройму ворота.

— Ай, мракобесий кикай!

Девушка непроизвольно засунула обожженный палец в рот. Достать — то кулон она достала, а вот удержать....

— Даже не буду спрашивать, откуда тебе известны столь высоко литературные конструкции — глумливо прокомментировал Илас, не сдерживая похабной улыбочки.

— А ты называешь кошку кошкой, даже если наступаешь на нее в темноте и в ответ получаешь располосованную когтями ногу?

— Конечно, — уверенностью Иласа можно было забивать гвозди, но Васса сделала себе пометку: «при возможности — проверить». — И что это у тебя за интересное украшение с эффектом подогрева?

Девушка нехотя полезла за пазуху. Цепочка порвалась, и она завязала обычный узелок. Звенья, радостно обнявшись, не захотели просто так расставаться, поэтому Вассария аккуратно постаралась снять украшение через голову. Не сразу, но ей это удалось.

Каплевидная подвеска, едва только девушка рассталась с ней, охладела, а вот лицедейка начала терять сознание.

***

Спину ломило, зверски хотелось спать, и еще кружку чего-нибудь погорячее, но Эрден упрямо запахнул полы плаща и приказал подчиненному:

— Подробно расспросить. Кто был сегодня ночью, когда и куда уехал.

Один из летучих отрядов, который Антер решил возглавить лично, прочесывал нижний город. Заря, осенняя и потому поздняя, лениво выползала на небо, не спеша откинуть полог облаков. Мужчина вообще не любил это голое, холодное время, когда земля уже жесткая и ветер норовит укусить. Природа еще не одела белый венчальный наряд, а буйные краски золота и багрянца уже опали. И рассветы.... Их и рассветами то в эту пору назвать было нельзя. Ночная синь неба просто окрашивалась в оттенки серой стали, а светило могло за весь день так и вовсе не показаться из — за туч. Волчье время.

Ночь у Эрдена выдалась тяжёлой, с привкусом свинца на языке. Искал эту пигалицу по всему нижнему городу, но она словно в воду канула.

— Капитан, подойдите!

Взволнованный вскрик подчиненного вывел мужчину из раздумий.

— Служитель вот тут говорит, что были этой ночью двое. Девка, странная, встрепанная вся, вроде из благородных, хоть по одежде и не скажешь, и вояка один, белобрысый, спесивый жутко. Лавку покромсал. Да вы сами его расспросите подробнее...

Эрден и спросил. Так, как умел спрашивать только он. Вроде бы и тон

благожелательный, и манеры вежливые, но отчего — то его собеседникам в моменты такого общения становилось жутко. У кого желудок норовил узлом завязаться, у кого пальцы на ногах поджимались, а некоторые, особо впечатлительные, пытались в обморок грохнуться. Так, на всякий случай. Впрочем, от последнего лучше всякого нашатыря помогала лениво брошенная фраза:

— На дыбу.

Она чудодейственным образом воскрешала даже тех, кто хватался за сердце с криком» «докторуса!»).

Почтовый не стал исключением. После того, как Эрден представился по всей форме, упомянув и дознавательский чин и права, предоставляемые оным, служитель с готовностью поведал Антеру даже то, чего свечу назад еще и сам не знал.

Подробно описал и ненормальную в овчинном тулупе, и беявого герра, и то, что разъехались они не вместе и, вроде даже, в разные стороны.

«Не похоже, чтобы договорилась с кем — то в бега податься.... Хотя, всякое может быть. Подумать надо», — мысли мелькали в голове Эрдена со скоростью карт, попавших в шаффл шулера. Меж тем мужчина уже вскочил на лошадь и развернул ее в направлении восточных ворот, куда так услужливо указал почтовый.

Караульные смотрели хмуро. Тот, что был помоложе, недовольно косил глазом (второй у него почему — то заплыл и радовал мир всеми оттенками индиго). Более опытный лишь зло сплевывал через дырку, на месте которой некогда был передний зуб.

— Шо надить? — осведомился он по праву старшего.

— Служба дознавателей его императорского величества.

— Дык были же ваши ужо тут, свечи полторы назад. Девку какую — то искали. Ну мы им знамо дело показали, куда нонеча двое окаянных проскакали, — в доказательство своих слов мужик неопределенно махнул рукой.

Караульный, поняв, что за птицы перед ним, часть злости своей спрятал, лишь глаза выдавали, насколько не под душе ему эти, в серых плащах... Да только не с руки выказывать им свою неприязнь, не того колеру эти люди.

Меж тем услышанное озадачило Антера еще больше. Не иначе всерадетелю настолько важны бумаги, что его приспешники не побоялись играть в открытую, называясь дознавателями? И опять же...двое?

Мужчине жутко хотелось спать, да и большинство из отряда сидели в седлах лишь на одном упряместве. Эрден понимал, что даже если они всей толпой и пустятся по следу девушки, то поймают ли... вполне и спугнуть могут, а если ее уже нашли люди всерадетеля.... Так или иначе, от отряда, который валиться с ног, помощи особо ждать смысла нет.

— На сегодня для вас все, — озвучил решение Антер и подумав, добавил: — Корнет, распорядитесь, чтобы через свечу новые люди были на правом берегу Илрети, у брода.

Сам же мужчина, развернув лошадь, поскакал в направлении, указанном караульным. Что-то ему подсказывало, что Васса не пойдет по очевидному и легкому пути. С каждым пройденным лошадьёю лином усталость все больше уступала место охотничьему азарту. Эрден знал и любил это свое состояние. Жажда, голод, боль, сон — все это было не важно, когда он чувствовал, что идет по следу, и добыча становится все ближе и ближе. Правда, потом он мог неделю валяться с горячкой, харкать кровью или быть абсолютно

обессиленным — это уж как повезет, но пока... Пока его гнала вперед мысль о том, чтобы успеть....

Лошадь загарцевала у кромки. Илреть не прельщала ее. Неспешная, тягучая, тенаровой синью своих вод она затягивала, и кауряя стригла ушами, выражая тем самым свое опасение. Хозяин был глух к этой опасности, что лошади не нравилось в двойне.

Эрдена же терзало иное чувство: страх ошибиться. Как приснопамятный витязь на распутье он решал: идти вверх или вниз по течению. Куда могла сунуться эта девчонка?

Глава 7

Вендетту на зеро шпиль

Зеро шпиль есть самый малый из секторов на рулетке. На него редко ставят новички, но часто им страхуют основную ставку заядлые игроманы.

Старик Хайроллер. О премудростях игры на рулетке

Васса быстро и без предварительной подготовки упала в обморок. Обычно у благородных фьеррин она, эта самая подготовка, заключалась в глубоких вздохах, обмахивании платочком (ну, допустим, последнего у сестрички в нынешних обстоятельствах не было), фразы «мне дурно» и картинно заломленной руки. На худой конец бледности и нервических волнений, предшествовавших падению. А тут безо всякого предварительного сговора с потенциальным ловцом.

Осчастливить половицы, давно не знавшие метлы, не позволила лишь ловкость и реакция Иласа, который практически на рефлексх поймал девушку.

— Эй, не дури.

Шлепки по щекам, как и вода, щедро выплеснутая в лицо, не помогали. Вассарию начало потряхивать и первоначальная бледность сменилась белизной с оттенком сини, что свойственна утопленникам. Вдохи, едва уловимые становились все реже. Мужчина попытался нащупать пульс. Ток руды по телесным жилам практически не прощупывался.

Илас судорожно соображал: что делать? Нюхательные соли, расшнуровка корсета (которого, к слову, на Вассарии и не было) были им отринуты как пресловутые припарки, которые почему — то народная мудрость советовали применять к трупам. Его лихорадочный взгляд, скользивший по столешнице, наткнулся на кулон.

— Ну, если эта цацка тебе поможет...

Мужчина схватил цепочку. Металл ажурного плетением раскалился чуть ли не до бела, а сама подвеска, словно желая вывернуться из руки непрошенного владельца, начала раскачиваться. Рассудив, что не важно, на какую часть тела надето украшение, главное, чтобы был на хозяйке, Илас сдернул шерстяной носок и обмотал цепочку вокруг щиколотки. Поплывший по избе запах паленого не смутил блондина. Главное, чтобы помогло. Пошли томительные вздохи ожидания. Один, второй, третий, четвертый... на девятом Илас решил, что все было сделано напрасно. Ожег, пересекавший его ладонь, медленно затягивался, а вот у девушки начал проступать красный рисунок звеньев на обожженной коже.

Судорожный вздох пловца, нырнувшего на предельную глубину и уже не чаявшего выплыть, был ответом мужчине: старался он не зря. Васса приходила в себя рывками, то открывая глаза и часто дыша, то вновь проваливаясь в небытие, а Илас так и сидел рядом. Положил ее голову к себе на колени и пытаясь напоить водой.

Полсвечи спустя (а может и больше, клепсидры, чтобы точно отмерить время, ни у кого не было) лицедейка окончательно пришла в себя и, пощупав украшение, мирно висящее на ее щиколотке, спросила:

— Что это было?

— Это я у тебя хотел спросить.

— Не знаю, — девушка машинально потерла затылок, подозревая, что обнаружит там шишку. Отсутствие оной ее приятно удивило.

— Хорошо, — взгляд Иласа мог надолго продлить жизнь даже задумавшемуся молоку, выморозив его напрочь. Лицедейка оказалась более устойчивой. — ОТКУДА у тебя эта побрякушка?

— Стащила у всерадетеля.

Говорить правду оказалось легко и даже приятно. Или эйфория, приподнятое настроение и головокружение — это последствия обморока. Вассария пока не разобралась.

— Послал же Хоган сестру: актерка, жулик и воровка в одном лице.

— Ты забыл упомянуть, что я еще и катала, — скромно присовокупила девушка. — А в целом, польщена комплементом.

— Не уходи от темы. Ты знаешь что-нибудь про этот кулон?

— Лишь то, что хоганова десница после расставания с ним сильно постарел.

Вассария постаралась выдать откорректированную версию событий прошедшей ночи. После рассказа Илас мрачно резюмировал:

— Ясно одно: снимать тебе его пока нельзя ни при каких обстоятельствах.

Диагноз, что поставил мужчина, Вассарии не шибко понравился: следы ожога явственно виднелись на коже, хотя сейчас цепочка имела вид самый обыкновенный, а подвеска, хоть и была горячей, но уже не обжигала.

От всего пережитого голова лицедейки шла кругом. Но тут живот, который хозяйка долгое время обделяла должным вниманием, выдал такую сольную партию, что девушка смутилась.

— И все — таки манер в тебе ни на медьку.

Илас был сама галантность, впрочем, шпильку мужчины лицедейка оставила без внимания, уделив оное полностью дорожной сумке блондина. Из нее хозяин споро доставал и ставил на стол нехитрую снедь: ковригу хлеба, вяленое мясо, которое хорошо вываривать в воде, а лучше в молоке, впрочем, и в таком виде весьма вкусное, кусок сыра и две луковицы.

При бегстве сама Васса о провизии не озаботилась — опыта быстро уносить ноги было пока маловато. Поэтому сейчас девушка взидала на блондина, используя весь свой актерский талант и пытаясь разжалобить. То ли настроение у «ледяной язвы», как мысленно Вассария окрестила родственничка, улучшилось, то ли еще по непонятно — какой причине, но Илас, отрезав изрядный ломоть хлеба и кусок сыра, протянул девушке.

— На, поешь.

Лицедейка с радостью взяла протянутое и впилась зубами, нимало не заботясь о манерах. Мужчина лишь покачал головой и, подкинув в воздухе, а затем ловко поймав за рукоять, глянул на кинжал, чей клинок имел двустороннюю заточку. Старинный, неброский, но своей нарочитой простотой говоривший об истинной стоимости оружия, он служил верой и правдой не одному поколению Бертран. В боях, на дуэлях чести... а теперь вот последний потомок режет им ситный хлеб в скособоченной от времени сторожке. Достойная участь для верного соратника. Обтерев лезвие, Илас аккуратно убрал его в ножны, а затем и вовсе — в

голенище сапога.

Дотрапезничать им не дал крик, донесшийся снаружи:

— Выходи, погань, я знаю, что ты здесь!

***

Ломающийся голос звенел перетянутой струной, которая того и гляди лопнет, оставив после себя лишь эхо. Стоять было зябко, но желание отомстить — превыше. Отомстить за отца, погибшего по вине лицемерного ублюдка, которому кланяется толпа, а дуры подносят еще и истошно орущих младенцев, чтобы Хоганов всерадетель осенил их благословением. Вендетта (хотя такого слова паренек и не знал) заставила его сейчас стоять на улице перед обветшалым домишкой и упрямо сжимать побелевшие на морозе пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в рукоять клинка.

Леш ненавидел предзимье и зиму, в основном за то, что одеваться приходилось как капуста, выглядеть при этом как корова на льду и все равно мерзнуть. Впрочем, этот стужень был иным. Хотя бы потому, что вместо привычного полушубка, который пришлось заложить барахольщику в обмен на сорок медек (вот жмот, пользуется тем, что единственный в округе, и дает сущие гроши за хорошие вещи), кутаться приходилось в старый сюртук, доставшийся от отца, изрядно поношенный и легкий не по погоде. Шаль, концы которой, продетые под мышками, завязывались узлом на спине, согревала, не давая озябнуть окончательно. Не ахти, зато так теплее.

— Выходи, погань, я знаю, что ты здесь!

Амулет, сделанный отцом несколько лет назад, Леш отчетливо чувствовал. Во владельце же подвески — капельки сомневаться мальцу не приходилось. Он сморгнул, пытаясь хоть так избавиться от воспоминаний.

Перед глазами парня как сейчас была картина: хогановы служители в рясах, заламывающие руки отцу, стоящему в доме на коленях. И он, Леш, успевший спрятаться в подпечнике, затаившись между поленьев. По центру светелки рослый, дородный всерадетель, по отечески вещающий:

— В последний раз, мракобесье отродье, тебя спрашиваю: сделаешь, как велю? Если выполнишь все как надо, так и быть, отпущу тебя с миром, живи, но больше не попадайся. Нет — пеняй на себя, костры у нас в империи горят исправно и хвороста, я распоряжусь, чтобы для тебя не пожалели, как и для твоей семьи.

Мимолетный взгляд отца на подпечник, где в темноте и саже притаился Леш, и обреченное:

— Все сделаю, как Вам угодно будет.

— То — то же.

Хоганов помазанник развернулся на каблуках и вышел вон, а следом за ним и служители.

И отец, оставшийся в опустевшей избе изломанной куклой.

Леш помнил, как потом его родитель, не смыкая глаз, две седмицы не вылезал из своей мастерской. В округе его знали как лучшего оружейника и ювелира, почтенного обывателя, посещавшего каждый пяток храм и раз в году участвовавшего в пращуровской требне, подобно всякому порядочному прихожанину. А то, что металл слышал мастера, что в камни, которые гранил, укладывал в ободки, кармезиновые окантовки или крепил иштифтами, он мог вложить душу и СЛОВО... Леш знал, но не считал это проявлением

мракобесных сил. Что плохого в том, чтобы владелец украшения был чуть удачливее? Что заказавший меч приобрел себе не просто оружие, а верного друга, что согнется, но не сломается, отведет удар, выдержит, скользнет сам в руку в нужный момент?

Как оказалось, всерадетель думал иначе. И обвинил отца Леша в ведовстве, но вместе с того, чтобы передать инквизиции, выставил условие: свобода в обмен на амулет, что мгновенно исцеляет.

Отец Леша знал, что просто так исцелить не может даже плащаница самого Хогана, для этого нужны либо чьи — то силы, либо отнятые годы жизни. И не соглашался. Но всерадетель умел убеждать. И тогда мастер пошел на хитрость: замкнул амулет на хозяина. Пока тот его носит, он здоров и полон сил. Даже если выпьет яду — не умрет, смертельная рана — зарастет, болезни обойдут стороной. Но эти чудодейственные исцеления забирают непрожитые годы у владельца. И чем чаще используется амулет, тем в итоге короче жизнь хозяина.

Мастер выполнил работу и в день, когда слуги пришли забирать заказ, отец едва мог переставлять ноги — изготовление амулета отняло у него все силы, он надорвался. И Леш, чувствовавший пробуждение дара, такого же, как у отца, не умом, сердцем понимал — не доживет родитель до следующей осени.

Но Хогановы служители не оставили мастеру и этого срока — прирезали в его же доме. Тело нашла мать, вернувшаяся с рынка.

Потом говорили, что, дескать, лихие люди ограбили дом, и погребальный костер, который собирали всем миром, хоганов служитель осенил куром. Но Леш знал всю правду и вырывался из рук матери, крепко вцепившихся ему в плечи.

А потом матушка начала слышать голоса, чураться света.... В доме скорби сказали, что она не сумела вынести душевных тягот и там, среди таких же, ей будет лучше. Леш остался — вроде и не один, есть родная душа на белом свете, живая, но не услышит.

Сегодня ночью заговоренный металл позвал его. Пацан поначалу не смог поверить, что это отцовское творение впервые за столь долгое время запело. Хотя нет, не запело, засипело, надорвано, давясь звуками.

***

— Выходи, я знаю, что ты здесь!

Илас осторожно выглянул в щель скособоченного ставня. Он ожидал увидеть кого и что угодно, только не тощего, патлатого, нескладного подростка. Парнишка был одет по последней моде, бытующей среди огородных пугал, и цеплялся за рукоять меча с отчаянием оголодавшего стервятника. Уделив должное внимание оружию предполагаемого противника, мужчина был оскорблен. Столь явного неуважения к врагу он давно не встречал. Тупой клинок был настолько иззубрен, что его было проще использовать вместо пилы, а не пытаться зарубить супостата. Но то ли пацану нечего было больше терять, то ли он отчаянно верил в свои силы, правдоборец потоптавшись на месте, заголосил снова:

— Выходи!

Васса, затихшая, как мышь под веником, лишь сверкала глазами, затаившись в углу. Немой вопрос: 'Ну что там?' был написан аршинными рунами на чумазом лице девушки.

— Судя по всему, твой поклонник пожаловал. Пойдешь привечать?

Любопытство взяло верх, и лицедейка тоже приникла одним глазом к щели.

— А, может, ты сходишь? — передернула плечами девушка.

Сквозняк, словно желая вступить в диалог, пробежался по ногам, заставив Вассу поежиться. Почесав пяткой щиколотку (шерстяные носки кололись так сильно, что могли смело соперничать с веригами по нежности), девушка призналась:

— А я еще ни разу не получала меча вместо букета, и как — то не хочется начинать...

— А придется, — ехидно заметил Илас, но, увидев глаза, в которых, казалось, была собрана вся скорбь ерейского народа (а каждому в империи известно, что это наипервейшие хитрецы и скупердяи), мужчина горестно возвел глаза к потолку. Тенято и паутина сочувственно молчали в ответ.

— Ладно, — протянул он нехотя. — Выйду. Но не вмешивайся.

Вассария согласно кивнула, впрочем, для надежности не убирая с лица выражения попрошайки, которому нечаянный прохожий кинул в шляпу с медяками горсть золотых.

Илас, оценивший мастерство лицедейки, лишь хмыкнул. Он ни на вздох не сомневался, что как только выйдет за порог, трагически заломленные брови и печальный взгляд исчезнут с лица девушки внешними ручьями.

Накинув на плечи кожух (хоть здоровье и покрепче железа, а мерзнуть удовольствие все же сомнительное), мужчина открыл двери. Парнишка, так отчаянно взывавший к поединку, на миг стушевался. Но потом выкрикнул, словно черпая храбрость в собственных словах:

— А что, хозяин твой сам выйти побоялся?

— Я сам себе хозяин! И никто надо мной не властен. — Мужчина сказал это с какой — то внутренней яростью. Так произносят девиз рода. Так шепчут имя заклятого врага.

Леш непроизвольно сделал шаг назад. Кем бы ни был стоящий перед ним, амулета отца он не имел. Парень это чувствовал. Как и угрозу, исходящую от беловолосого. Хруст обледенелой ветки под ногой в звенящей тишине, воцарившейся после слов блондина, был подобен набату. Этот звук и заставил пацана вынырнуть из омута страха. Леш, осознав, что он непроизвольно начал отступать, поддавшись словам незнакомца, возненавидел себя за эти мгновения слабости. Больше не думая ни мига, он очертя голову с пронзительным криком кинулся на противника.

Поэтому немалым удивлением для парня была встреча с косяком. Основательная. Душевная. Голова после этого свидания загудела так, словно ее со всей дури поцеловала оглобля. Встряхнувшись, будто мокрый пес, Леш огляделся. Белобрысый стоял чуть в стороне, под покосившимся ставнем и с немалым интересом рассматривал свои ногти, не обращая на противника ровным счетом никакого внимания.

Леш взбеленился и пошел на второй заход, помогая себе для верности криком. Взревев не хуже, чем тур в период гона, на этот раз пацан протаранил пленницу. Его же противник вновь неуловимым для парня образом переместился, оказавшись на этот раз у угла сторожки.

— Когда нападаешь на врага, лучше смотреть на него, а не опускать голову вниз, словно пытаешься его еще и забодать, — наставительно прокомментировал Илас.

Впрочем, его дельный в данном случае совет остался без должного внимания. Леш, вновь выставив клинок перед собой и зажмурившись для верности (страшно же: первый раз решился на убийство, пусть и мстя за отца), пошел на третий заход.

Илас, мысленно похваливший себя за предусмотрительность (кожух, несмотря на дыры, оставленные болтами, согревал), развлекался тем, что уклонялся от того, что и ударом-то стыдно назвать. Наконец, когда этакое времяпрепровождение мужчине надоело, он в очередной раз не стал уходить с траектории разбега мальчика, а просто поставил подножку. Леш, не ожидавший от врага такого коварства, растянулся на стылой земле, выпустив из рук

свое грозное оружие.

Меч обиженно звякнул, словно жалуясь на неуклюжего хозяина. Наклонившись, Илас поднял орудие устрашения супостатов. Вблизи засечек на лезвии оказалось еще больше. Компанию им составляли и пятна ржавчины, прочно квартировавшие в основании крестовины.

Уперев острие в основание ключиц неудачливого вояки, Илас с прохладцей поинтересовался:

— А теперь еще раз. Кого ты здесь искал?

Леш старался быть храбрым, старался быть смелым, как те герои из легенд, которых восхваляют менестрели на ярмарочных площадях, услаждая интерес зевак. В балладах всего-то нужно быть смелым и отважным, и ты одержишь победу, кося драконов и иродов полчищами. Но почему — то сказители никогда не упоминали, что те герои были хорошо экипированы, имели немалый боевой опыт и группу поддержки в виде небольшого, но надежного войска. Это как минимум. К сожалению, реалии были далеки от сказаний. Парнишка осознал это сейчас, ощущая спиной холод, идущий от земли. Умирать не хотелось.

— Всеррадетеляя. У него амулет есть, — выдавил Леш, сам себя презирая за сказанное. Голос его дрожал, а в душе боролись два чувства: желание отомстить за отца и здравый смысл, подсказывающий, что для осуществления некоторых планов стоит найти противника помалахольнее.

Мужчину же заинтересовали последние слова недоросля, и он решил уточнить:

— А что это за амулет?

Леш сглотнул, про себя решив, что не произнесет больше ни звука. Капли крови, выступившие из — под лезвия, стали весомым аргументом в пользу диалога.

— Владыка сам попросил сделать амулет, способный излечить любые раны и болезни, специально для него, — парнишка замолчал, переводя дух.

— И ты сделал? — квинтессенция сомнения в голосе мужчины была почти материальна.

— Не я, мой отец, он... с даром был. Сделал. Хозяин амулета никогда не будет болеть, его невозможно будет убить или отравить.

Илас изогнул бровь и поинтересовался:

— А что будет, если снять амулет?

Леш, которому порядком поднадоело лежать, попытался принять хотя бы более удобную позу для беседы и поерзал. Была затронута его любимая тема: амулеты. Раньше малец мог часами слушать объяснения отца. Но в миру с кем поговоришь о таком? Мигом на костер отправят. А сейчас — терять — то особо нечего, даже жизнь, вон, и то не в руках хозяина. И осмелев, парень пустился в разъяснения.

— Все зависит от того, в каком состоянии был хозяин в тот момент, когда отдавал амулет и сколько раз подвеску приходилось использовать по прямому назначению. Каждый раз, когда амулет активировался, у его носителя отнимались непрожитые годы. И если снять украшение, владелец может вмиг постареть, и вылезут наружу те болячки, от которых амулет излечил.

— А если владел амулетом недолго, а когда его снял, чуть не умер. Тогда это что значит?

Леш попытался пожать плечами и разворошил заиндевевшую листву, что коричневым ковром покрывала все окрест.

— Наверное, это значит, что хозяин сейчас смертельно болен.... — протянул недоросль неуверенно.

Илас еще раз скептически оглядел мальчика и, отведя острие от горла поверженного противника, по-простому сунул меч под мышку.

— Всерадетеля здесь нет, в этом можешь быть уверен. А теперь проваливай, и впредь учись оценивать противника.

Не говоря больше ни слова, мужчина развернулся и зашагал к дверям.

Леш остался сидеть на земле. Ноги его предательски дрожали, а пальцы непроизвольно перебирали жухлую траву, торчащую из кочки. Наконец он поднялся, инстинктивно сжав в кулаке выдернутый травяной пук, и упрямо мотнул головой. Но Илас этого уже не видел.

***

— Зачем ты с ним так?

Вассария, слышавшая весь разговор, внимательно рассматривала братца.

— Пусть лучше ненавидит меня и живет этой ненавистью, чем сложит голову на костре инквизиции, в попытке отомстить за отца всерадетелю.

Девушка ничего не ответила. Илас, на которого напало несвойственное ему красноречие, соизволил продолжить:

— Теперь понятно, почему ты сознание потеряла. Скорее всего, простудилась и, если бы не эта побрякушка, лежала бы сейчас, трясясь в лихоманке. Так что пока ее не снимай, мало ли...

Без перехода мужчина сменил тему:

— Надо собираться. Если этот нашел, то скоро появятся и другие. Место, конечно, тот еще медвежий угол, но до той поры, пока не начнут старательно искать. Судя по тому, сколько и чего ты умыкнула у всерадетеля, искать будут с большим тщанием, и не столько бумаги, сколь одну милую безделушку.

Блондин покосился на лодыжку Вассарии. Лицедейка же, при последних словах, непроизвольно задвинула ногу с подвеской назад, словно пыталась спрятать украшение и так не видимое под носком. Отдавать ставшую жизненно важной покружу она была явно не намерена.

— Теперь, когда все точки над рунами поставлены, стоит поторопиться, — бросил Илас, тем временем деловито скручивая дерюгу.

Больше не мешкая, но и лихорадочно не торопясь, беглецы начали нехитрые сборы. В путь выдвинулись через полторы свечи, основательно поев и прибрав в сторожке за собой. Так, на всякий случай. Пыль на место, конечно, не вернешь, но свести к минимуму следы своего пребывания все же стоило.

Кони, недовольные тем, насколько суматошные им достались наездники, пофыркивали и особого желания идти куда бы то ни было не изъявляли. Солнце, невнятное, сонное, нехотя показало край своего диска из пелены туч. Полуденное время, славившееся летом своей жарой, сегодня явно не стремилось порадовать путников крохами тепла. Ветви молодого осинника, в котором чахлые березки были редкими гостями, так и норовили выколоть глаза. Ледяная корка нет — нет, да и хрустела под копытами лошадей, свидетельствуя, что в более теплое время тут топко. Поэтому продвигались беглецы медленно, не быстрее пешего, сподручного к переходам по болотам.

— Нет, каков наглец, — пробубнил Илас, причудливо сочетая в одной реплике и восхищение и раздражение.

Вассария заозиралась по сторонам, поскольку никого, кто бы подходил на роль наглеца, кроме самого Иласа, не видела. Замешательство девушки заставило блондина пояснить:

— Да этот... тащится за нами от самой сторожки, упорный.... Волкодлака на него нет, — и мотнул головой в сторону ивняка, редкого, лысого, но непобедимого в своем стремлении выжить в топкой низине.

Вассария пригляделась внимательнее и заметила нездоровое копошение. К вящему сожалению девушки, увидеть, кто именно был виновником сего действия, лицедейке не удалось, поэтому она целиком положила в данном вопросе на Иласа, здраво рассудив, что болотная выпь или взматеревший бекас такой целеустремленностью в преследовании путников обладать не может.

— И ты ничего не сделаешь? — как поступать в подобном случае, Вассария не очень представляла.

— Нет. Устанет или надоест — сам отстанет. А если ты про что другое — иди, и сама с ним разбирайся.

Сочтя за лучшее промолчать (хотя так и тянуло сказать какую-нибудь колкость), лицедейка зарылась носом в шаль.

Светило изредка ненавязчиво показывалось на небосклоне, напоминая, что время все же таки пока дневное, но сия благодать не бесконечна. Когда облака окрасились первым багрянцем, предвещавшим заморозки, Илас скомандовал привал. Ну как скомандовал.... В своей манере, не говоря ни слова, остановился и повел лошадь под уздцы. Вассарии не оставалось ничего иного, как повторить его маневр. В такие моменты, как этот, девушке хотелось придушить надменного паразита, или хотя бы съязвить, но здравый смысл вовремя успевал остановить рвавшиеся с языка слова.

Конь недовольно стриг ушами, не разделяя энтузиазма хозяина в отношении вывороченной ветровалом осины. Разломленный надвое ствол этого дерева (которое в народе звалось еще трясункой за листья, что вечно словно дрожат на ветру) казался шире в обхвате, чем большинство уцелевших. И, наверняка, осина эта, ныне поваленная на землю, была выше остальных. За что и поплатилась, ибо если ты чуть лучше и выше товаров, то и сила ветра на твою долю будет больше.

Иласа, впрочем, подобные мысли не волновали. Он выбрал место посуше, так, чтобы с одной стороны от ветра защищали вывороченные корни дерева, а с другой накинуд на ствол дерюгу, вынутую из чересседельной сумки. Еще раз убедившись, что льда под предполагаемым местом ночлега нет (а кому захочется поутру проснуться в талой бочажине), мужчина начал с энтузиазмом кладоискателя рыться в поклаже.

Ости багульника, в летнее время украшенные белыми шапками цветов, сейчас напоминали ссохшихся от времени старух, извечных, как сама паперть. Так же тянули свои ветви — руки, желая если не ухватить, то самим прицепиться к проходящим мимо. Так же тихо ворчали, когда особенно резкий порыв ветра играл с ними, раскачивая из стороны в сторону. Вечерние сумерки сгущались, и небо одним своим цветом уже заставляло ежиться от холода. А тут еще усиленное копошение в жухлой осоке.

«Похоже, настырный правдоборец опять шуршит», — мелькнула у Вассарии мысль. О том, что это может быть болотный жмырь, охочий до теплой кровушки (хотя в периоды вынужденной диеты сея тварюшка не брезговала и пиявочек с лягушатиной откусать), девушка старалась не думать. Пусть уж лучше будет знакомый недоросль, чем познавательный практикум по бестиологии.

Словно угадав мысли Вассы, мужчина недовольно проворчал:

— Чего застыла? Давай ужинать и спать. Этот упертый все равно всю ночь будет круги нарезать.

— А как стемнеет он не попробует нас еще раз... того? — выразительный жест ребром ладони заставил Иласа лишь усмехнуться.

— Нет, этот хоть и босяк, но духом благородный.

Поев оставшейся луковицей и ковригой, Васса мысленно вздохнула: погреть бок у костра этой ночью не удастся. Дым даже от малого огня будет виден далеко по такой погоде. Маякнуть же преследователям подобным образом о своем местоположении было бы верхом глупости.

Лицедейка приуныла и, поплотнее запахнув тулуп и выбрав более — менее ровное местечко, постаралась устроиться поудобнее. Но, то ли земля была стылой, то ли мысли, бродившие в голове, отпугивали робкую Молиту — сновидицу, что щедрой дланью рассыпает по вечерам на головы пыль дремы, но уснуть девушке никак не удавалось. Наконец, решив, что во всем виноват морозец, который с приходом ночи начал крепчать, Вассария не выдержала и решительно встала.

Илас, видя маневр девушки (а еще вздох назад казался мирно спящим) приоткрыл один глаз и ехидно изрек:

— Что, любимое творение Хогана спать не дает?

Любопытство — изначальная черта сути всех женщин — взяло верх над желанием послать этого ехидну куда подальше, и Васса — таки с подозрением поинтересовалась:

— Ты имеешь в виду человека? Конкретного, упертого, который сейчас обходит нас дозором по кругу?

— Нет. Я имею в виду совесть. Потому как любимое творение Хогана — не человек, а его совесть, — назидательно изрек блондин. — Ей позволено всё: она может есть, спать, теряться, заключать сделки, ни за что при этом не отвечая, но иногда, бывает, что сея зараза выкобенистая любит полуношничать.

Повернувшись на бок так, чтобы получше видеть девушку, приподнялся, подпер рукой голову и добавил:

— А ты как — никак самого десницу божья обворовала. Вот и думаю: а вдруг тебе стыдно теперь?

— Знаешь, когда я жила в Тивоне, считала, что мир если не черно — белый, то хотя бы у добра не багряно — кровавый оттенок задубелой лжи. А сейчас... мне кажется, что руки всерадетеля замараны почище, чем у всего отдела инквизиторов и дознавателей вместе взятых. За воровство у такого Хоган, может, мне наоборот, пару грехов и спишет.

Илас пожал плечами. В полулежачем положении это получилось забавно, а грязные после купания в Илрети волосы, что встали дыбом, когда ворот на мгновение закрыл уши, так и остались приподнятыми у корней. Мужчина растерянно попытался пригладить пятерней шевелюру. Рука основательно застряла, словно блондин сдуру сунул ее в ведро с живицей. Васса поневоле улыбнулась, видя безрезультатные попытки мужчины привести хоть к какому — то порядку колтун на голове.

Растрепанный, уставший, с кругами синевы под глазами, сейчас лицедейке мужчина показался таким обычным и привычным... как друг, которого знаешь уже много лет. Душе с ним уютно. Это — то обстоятельство и примиряет с чудачествами такого побратима, на которые порою и не обращаешь внимания.

Похоже, во взгляде девушки блондин уловил что — то, потому как вместо очередной колкости махнул свободной рукой и произнес:

— Иди сюда, вместе теплее.

Благородная фьеррина на такое приглашение сказала бы гордое «Фи!», неблагородная уточнила бы: «А приставать не будете?», но Вассарии сейчас было глубоко плевать на все. Поэтому она просто кивнула и легла рядом с мужчиной. Блондин же, непонятно чему улыбнувшись, обнял девушку и, прижав ее правой рукой, закрыл глаза.

Под утро мороз нехотя, но начал отступать под натиском тяжелых, словно груженных горестями, а не рыхлым снегом туч. Они собрались на небосклоне еще затемно и будто старые сплетницы, сцепившиеся языками, сомкнулись непроницаемым покровом и наконец — таки разродились снегом. Сначала небольшим, легким и невесомым, словно на пробу. А потом небесные хляби вошли во вкус, и на землю опустилась плотная завеса из рыхлого, пушистого снега, укрывшая заботливым покрывалом и сонных Вассу с Иласом, и Леша, стоя задремавшего в осоке. Малец всю ночь кружил вокруг беглецов, взбадриваясь то приседаниями, то остервенело размахивая руками, словно пытался таким образом отпугнуть Молиту — сновидицу, но под утро сомлел и он.

Ржание заставило Леша встрепенуться и очумело, еще невидящими спросонья глазами, заозираться вокруг. Голова еще была в тумане, толком не соображая ничего, а ноги уже куда — то несли своего хозяина. В голове билась, словно в силках пойманная птица — мысль: «Только бы не опоздать, не упустить, не потерять след».

Его тревога была напрасной. Беглецы еще только проснулись. Припорошенные снегом, они напоминали двух синиц, что еще не озябли от холода, но загодя нахохлились, заботливо сберегая тепло в рыхлом оперении. Завидев издали Леша, блондин даже помахал ему, как старому знакомцу.

В ответ на этот издевательский жест, пацан разве что не сплюнул, мысленно посулив этакому стервецу всех бед, что есть на свете, и для верности подкрепил пожелание характерной фигурой из трех пальцев, правда, свернутой в кармане. Так, на всякий случай. В ходе выполнения этих нехитрых, но весьма эмоциональных действий, Леш не заметил кочки под ногами и растянулся во весь рост, с чувством пропахав мерзлый мох носом.

Видя результаты своего приветствия, Илас приободрился и прокомментировал:

— Ничто так не бодрит с утра, как незамеченная болотная кочка

Вассария лишь покачала головой на это. Хороши, что один, что второй. Стряхнув снег с шали, она озвучила давно мучавший ее вопрос:

— Что будем делать? Долго таким образом по лесам скитаться не получится, не сезон. Надо к людям выбираться... — и вздохнув, присовокупила очевидное: — Но нас там наверняка ждут с распростертыми ножами. Есть идеи на сей счет?

Илас задумчиво посмотрел на небо, потом на копошащегося в зоне видимости Леша и невесело подытожил:

— Выбираться надо, как не крути. Лучше всего выйти на восточный тракт, а по нему добраться в Армикополь.

Васса про себя согласилась с таким раскладом. Армикополь — город шумный, торговый, вольный. В таком легче будет затеряться... Да и избавиться от «довеска» в виде настойчивого парня, выполнявшего роль их эскорта, ловко свернув в подворотню, проще-простого. Вот только входить в городские ворота вдвоем нельзя. Стражу уже наверняка предупредили. Пристать к торговому каравану? Возьмут ли попутчиков в дне пути от града?

И не заложат ли потом первому же стражнику... но выбора особо — то нет. Аналогичные мысли, похоже, посетили и Иласа, ибо мужчина решительно свернул дерюгу, за ночь успевшую нацеплять на себя снега чуть ли не в палец толщиной, и стать от того и вовсе непродуваемой и непомерно — тяжелой.

Не сговариваясь беглецы молча оседлали лошадей и двинулись в направлении лихоставского пути, как в народе называли восточный тракт, по причине недоброй славы, что змеиным хвостом тянулась из лесной чащи, по которой проходила дорога.

Шуршание остей рогоза и жухлой осоки, причиною которой был Леш, стало своеобразным аккомпанементом на протяжении всего дневного перехода. Данное обстоятельство неимоверно нервировало Вассу, Илас же забавлялся, а лошади флегматично пофыркивали, не видя угрозы в копошащемся неподалеку провожатом. К излому по-зимнему холодного дня путники выбрались из болотистой низины, но пришпорить коней, пуская в галоп, чтобы оторваться от пацана, им не удалось.

Тракт вынырнул перед наездниками неожиданно, словно грабитель из подворотни в полуночном нижнем городе. Застывшая грязь напополам с первым снегом в колеях делала дорогу настолько ухабистой, что нужно было иметь немало смелости (считай дурости), проехать по такому пути на телеге: оси, ободы, да даже шлея с чресседельным подбрюшником редко выдерживают издевательства стольких колдобин.

Однако смельчаки, а может, просто отчаявшиеся, кому нечего терять или же наоборот, жадные до призрачной наживы, находились. О чем свидетельствовали следы от колес, что пьяными змеями тянулись вдоль всей дороги.

— Проезжали восемь повозок. По заре. Шесть изрядно груженных, две кибитки, налегке. Обе в сторону Армикополя с разницей в свечу от силы.

— Откуда знаешь? — Иласу тоже казалось, что ехало не больше десяти телег и недавно, но именно казалось. Васса же утверждала о данном обстоятельстве с непоколебимой уверенностью затока. — Опять чудеса дедукции?

— Дедукция, бабукция... нет поступка, который не оставил бы следа. Просто доверять нужно не только глазам.

— Да уж, жаль, Вассария, что ты не родилась мужчиной, хороший бы дознаватель из тебя вышел..., — нарочито — печально посетовал мужчина.

— А мне — то как жаль...

— И все же, откуда такая уверенность? Глядя на след, единственное, что я могу сказать уверенно, так это то, что проезжали здесь не столь давно: след не запорошило. Про то, были груженные или нет, тоже понять можно по глубине колеи, а вот в остальном...

Вместо ответа лицедейка, в отместку блондину молча тронула поводья, понукая коня. Не ему же одному играть роль Измира, взятого, но непокоренного? Спустя пару клинов, когда мужчина уже и не надеялся получить ответа, девушка снизошла до объяснения:

— В какую сторону ехали, можно догадаться по тому, с какой стороны следов сапог больше. Недалеко от того места, где мы вышли, телега увязала, ее толкали. Если бы обоз шел из Армикополя, следы сапог были бы перед тем местом, где колеса увязли, а лошадиные — позади. А поскольку наоборот, то можно сделать вывод, что толкали в направлении города, а не от него. С кибитками же проще — увидев, что перед ними кто — то днищем уже причесал тракт, возница взял ближе к обочине. А объезжают обычно по правую руку.

Про разницу в свечу Васса просвещать мужчину уже не стала. После того, как девушка убедилась, что сказанное ею пришло в согласие с мировоззрением мужчины, она ехидно

добавила:

— Но о том, куда двигался обоз, можно было узнать и намного проще.

Илас с интересом уставился на спутницу:

— По отпечаткам подков. Дуга всегда указывает на направление движения.

— Ну ты и...

— Язва? Так это у нас семейное, дорогой братик.

Илас гордо проигнорировал эту реплику. То ли счел выше своего уязвленного достоинства отвечать, то ли просто не придумал колкой реплики.

Пришпорив коней, беглецы двинулись за обозами. Они уже не слышали остервенелого шуршания кустов. Выскочивший на дорогу Лещ, собравший на себя целый ворох колючек гравилата, в отчаянии закусил губу и упрямо припустил следом.

Глава 8

Долли решает все

Специальный маркер-статуэтка, используемый для обозначения выигрышного номера на рулетке, принято называть долли. Особое умение — подставить фишку, после того, как долли уже выставлена на поле, и выигрышный номер выпал.

Из заметок старика Хайроллера

По летней поре это время дня было благодатным: солнце не в зените, а вечерняя мошкара еще затаилась. Сейчас же, хоть клин был и тот же, но сумерки уже медленно и верно вступали в свои права, приглушая краски, превращая обыденное в загадочное.

Обозники готовились к ночевке, выстроив телеги кругом и разжигая костры. Негоже в сумерках добираться до города. Еще увязнешь в темноте по такой паскудной дороге: сверху замерзшая грязь, лишь припорошенная снегом. Лошадь по такой пройдет не споткнувшись. А вот груженная телега нет — нет, да и вспорот колесами мерзлую корку, под которой еще осталась склизкая глина, размытая дождями. Потому и не торопился Хрик, бывалый караванщик, не раз водивший обозы и по стуже, и по зною, и в распутицу. Сидел у костра, посасывал чубук и виртуозно выдыхал кольцами дым. От целого дня, проведенного в седле, у него ломило поясницу, да и затекшие ноги давали о себе знать. Надо бы было встать, пройтись. Но мужчине, разменявшему пятый десяток весен, было лень вставать с теплого насиженного места, и он позволил себе еще чуть посидеть, глядя на языки пламени, что в исступлении обнимали сухие поленья.

В том месте, где они остановились, ночевали многие караванщики. Облюбованное для стоянок, оно было по-своему ухоженным: огороженные камнями места для кострищ, сухая береста и лучины для розжига в небольшой поленице. То, что нужно, чтобы побыстрее согреться. А истратил запас, будь добр подготовь новый — для других путников. Таков закон дорог и не след честным обозникам его нарушать.

Впрочем, на стоянке расположился не только обоз Хрика. Цыгане, вечные бродяги, примостились тут же. Из двух небольших кибиток, как только они стали, вывалилась пестрая, шумная толпа. Обозник недовольно поморщился, глянув в сторону соседских костров. Молодые цыганки были хороши собой: смуглявые, верткие, со звенящими монистами. Но любоваться такими кралями лучше издалека. Хрик знал на собственном опыте: эти подойдут, зубы заговорят, а под шумок утянут с телег что поценнее. И не важно, что это что — то чуть ли не гвоздями к днищу приколочено. Умыкнут. Про то же, что в

цыганских юбках мало гуся, борова годовалого иногда утаскивали, историй ходило немерено.

Вот и бдел Хрик за добром, да и за молодыми обозниками заодно, нет — нет, да и косящими в сторону гитарных перезвонов.

— Достопочтенный герр Хривроник! К Вам с разговором путники.

Парнишка в добротной меховой безрукавке коротко поклонился и, дождавшись одобрителного кивка караванщика, споро шагнул из освещенного костром круга, впрочем, не оставив хозяина наедине с незнакомцами — мало ли что — а остался приглядеть, для пущей важности положив руку на оголовье запряженного за пояс топора.

На смену отроку пришел высокий худошавый блондин. Одет мужчина был откровенно — бедняцки, но высокомерия во взгляде хватило бы и на дюжину казнокрадов. Затянувшаяся пауза грозила и вовсе перейти в неприлично — немую сцену: караванщик, как человек, которого собирались просить (а с чем еще мог пожаловать знатный оборванец?), не собирався облегчать задачи пришлому, и начинать разговор первым. Илас же, как не привыкший гнуть спину в поклонах и одалживаться, подбирал слова, не идущие в разрез с его гордостью.

— Не откажите, досточтимый герр Хривроник, выслушать просьбу двух путников — наконец — таки промолвил блондин.

— И в чем же эта самая просьба будет? — хитро прищурился Хрик. В клубах дыма его лицо, и без того обманчиво — добродушное, и вовсе расплывалось, вызывая у Вассы ассоциации с блинами, что пекли накануне сжигания чучела Ульраны — зимы.

— Разреши нам присоединится к твоему каравану, — сказал, как в Илреть нырнул, Илас.

Обозник причмокнул, выпуская очередной клуб едкого дыма, покрутил трубку в руках и задумчиво произнес:

— Нет.

О причинах отказа Илас спрашивать не стал — не было привычки у него просить, а уж выпрашивать милости и подавно. Да и Васса понимала: не такой перед ними был человек, чтобы менять свое решение.

Выйдя за обозный круг, двое переглянулись. В голове каждого из них был вопрос: «Стоит ли пытаться счастья у цыган?» И если Вассария склонялась к тому, что стоит, то Илас — пробовать незачем. Однако, озвучить свою позицию мужчина не успел. Девушка поддержала юбки и решительно направилась туда, где так красиво плакала о потерянном гитара.

— Эйрла, ромалы! — голос звонкий, озорной, будто и не провела целый день в седле, а только что выпила хмельного вина и готова станцевать. — Заботливой ночи и легких дорог!

Мысленно Васса себя похвалила. Так и надо. Дед как — то рассказывал о цыганах, вернее, об одном из кочевого братства, который и научил его многим шулерским приемам. О той босяцкой поре старик Хайроллер вспоминал редко. И сейчас эти — то воспоминания девушка старательно воскрешала в памяти. Что и как стоит сказать, как посмотреть, чего дожидаться.

— Ай — ней, ты глянь, Земар, какую красавицу к нам занесло, — смуглая женщина сверкала монистами и тремя парами серег в ушах. Про такую язык не повернется сказать «толстая», точнее всего будет — «хозяйка». Хозяйка себе, своей дороге и своей жизни.

Хитрая? Скорее мудрая, она за одно мгновение оценила пришедших.

Если про мужчину, что стоял чуть поодаль, ей было все ясно, то девушка оказалась клубком, в котором перемешалась пряжа разных цветов. И не разобрать, какая же из нитей основная, а какие накручены заботливой хозяйкой-судьбой поверх основного мотка.

Земар, степенный мужчина с курчавой бородой, в которой основательно поселилась седина, перебирал струны, искоса поглядывая на пришлых. Эка невидаль, чужаки? А вот то, что девка говорит, как своя, таборная, насторожило. Жила среди цыган? Иль ушла следом за кем в табор? То, что не рожденная в кибитке — это видно.

— Красавицу не по глазам привечать надо, и не по лицу. Женская красота, она в танце видна. Сможешь сплясать так, чтобы душа наизнанку вывернулась?

Необычный диалог. Притихли и остальные, гревшиеся у костра. Стало интересно. Земар — конокрад редко чужаков привечает, чаще наоборот. Если какие залетные драгуны придут послушать песен, да посмотреть на молодых красавиц табора, то лишь зыркнет. И всем понятно: ублажить, напоить, заговорить... а там уж вояки сами все деньги отдадут. На тех, что погадать приходили, цыган и вовсе не смотрел. Мало ли дурех и дураков по свету ходит? Наплести им о том, что было и чего не было, любая дочь дорог может. С теми же, кто коней покупал и серьезные дела заказывал, Земар говорил особо и сразу отдельно, не при таборе. Эти же — вроде и чужие, но...

Лицедейка сумела поймать это ощущение. Недоверие, подкрепленное интересом. Так собаки, впервые встретившиеся, принюхиваются к родичу, решают, то ли сцепиться сварой, то ли побежать бок о бок. Она поняла, что от того, сумеет ли станцевать так, как ожидает ромал, сидящий с гитарой, зависит, примут ли их или даже не стоит рот открывать с просьбой.

О том, что вести себя здесь стоит как — то по-другому, нежели с обычными обозниками, Илас подозревал, но вот как это «по-другому» не представлял даже в общих чертах. Поэтому, не понимавший ничего в происходящем, счел за лучшее вообще не открывать рта.

Девушка меж тем в полном молчании обошла костер по кругу. «Танцевать с душой наизнанку? Это как? Не паркетный это танец и не народный, какой тогда?» — мысли суетливо сновали в голове Вассы стаей вострапанного воронья. Наконец она плюнула, решив: «Будь что будет».

Не дожидаясь первого гитарного аккорда, девушка топнула ногой, не как капризная фьеррина, привлекающая внимание, а с силой. Звук резкий, глухой, отчетливый, как удар молотка, забивающего гвоздь в крышку гроба. Вассария будто признавалась в затаенной душевной боли. Поднеся ладони к левому уху, хлопнула несколько раз до звона, пронзительного в вязкой тишине.

Гитара ворвалась стремительно, рваным ритмом, словно откликаясь на хлопки. Земар прищурил глаза, выводя первые аккорды, и внимательно посмотрел на девушку. Он про себя одобрительно кивнул. Начала правильно. Это только для стороннего зрителя цыганский танец шумен, пестр и смешлив. У костра, меж своими, песни другие. О родине, которой больше нет, о том, что свобода лучше оброчной лямки, о бедах и горестях кочевых, о том, что рвет душу.

Вассу понесло: подобрав юбку так, чтобы были видны ноги до середины икры, она дробила музыку на стук каблуков. И не важно, что каблуки эти были в полпальца толщиной, истертые. Да и обувь велика. Прямая спина. Взгляд гордый, не сломленный. Такой бывает у

человека, за спиной которого все мосты сожжены.

Убыстряющийся ритм и резкий поворот верхней частью корпуса, так, что концы шали, разматавшиеся, летят вороньими крыльями в стороны, выпуская на свободу водопад волос девушки. Резкое, надсадное, не пение, крик:

— Иль лямаар! — голос со старческой хрипотцой, надтреснутый. Так кричит летящий с обрыва. Это вступила в диалог третья, та самая цыганка, что приветила Вассу.

И больше не произнося ни звука «хозяйка» начала выстукивать замысловатый ритм ладонями по коленям. Его подхватили и остальные, сидящие у костра.

Для Вассарии же уже не было никого и ничего. Только эта странная, выворачивающая музыка, рваный ритм которой был как сам стук человеческого сердца, то замирающего, то пускающегося в неудержимый пляс.

Последний аккорд, срезанный на самом пике, подкосил, сломал, и Васса упала на землю, распластав руки. Ни звука. Ни шороха. Сколько времени прошло, миг, клин, свеча, вечность?

— Не ведаю, под какой из лун ты родилась девочка, и что за пути привели тебя сюда, но я хочу это узнать.

Земар отложил гитару и хлопнул по подстилке рядом с собой.

— И твой спутник пусть тоже садится. В ногах правды мало.

После того, как Илас и Васса сели, каждому из них дали по пиале с горячим травяным отваром.

— Рассказывай!

Обращался цыган исключительно к Вассе, словно признав в ней свою. Девушка постаралась как можно более коротко выразить просьбу: пройти вместе с табором через городские ворота. Цыган сощурился, прекрасно понимая, что добрым путникам незачем теряться среди пестрой толпы, и изрек:

— От того, что сядете вы в наши кибитки, проку мало. Лица у вас те же останутся. Ты мне понравилась и помогу я вам, но это завтра. — Земар по — особому хитро глянул на блондина. — А пока... есть у нас в таборе вещунья. Не из тех, что по руке угадают, где эти самые руки всю жизнь трудились. Настоящая, но под настроение гадает, токмо без карт.

Цыган без перехода, протянул гитару молодой еще девушке, с сотней, не меньше, косичек, которые поначалу показались лицедейке распущенными волосами, добавил:

— Эй — лай, Берита, нагадай счастья молодым!

Девушка приняла гитару, стрельнула взглядом в Иласа и начала ворожить струны, перебирая их чуткими пальцами. Мелодия то лилась водопадом, то переходила чуть ли не в марш, а цыганка все никак не вступала. Ее глаза постепенно затуманивала поволока, и Вассария уже грешным делом подумала, что девушка так и не запоеет, когда почти речитативом прозвучало:

*Три мгновенья до боя
Верь в жизнь и смерть
Ремесло не простое
Ему со сталью петь*

*А ей выпала карта
Да не в масть легла*

*Не вчера и не завтра
Лишь сейчас — игра*

*Семь шагов до цели
Но не видно не зги
Только слово в металле
В жилах сила кипит*

*Тайны тонут в пучине
Из трагедий и бед
Отступились все Боги —
Дознаватель взял след*

Последние слова совпали с резким ударом по струнам и дымка начала исчезать из взгляда певуны.

Земар провел ладонью по лицу, и продолжил движение, словно собирая бороду в кулак, выдохнул:

— Да... лучше бы вы прошли мимо. Обычно, если Берита поет двоим молодым, парню с девушкой, то о любви. Ну, если кручину любовь та несет, то о разлуке. А у вас...

Цыган досадливо махнул рукой.

— Но после этой песни помочь я вам обязан. Хочу или нет. Потому как великие дела будете вы творить. И там, — Земар ткнул пальцем в непроглядную черноту неба, которую не отважилась осветить ни одна из лун этой ночью, — похоже, решили, что путь дел ваших должен пройти через наш табор. Я не просто дам вам место в кибитке. Сделаю так, что мимо отца родного пройдет — вас не узнает.

После этих слов цыган хитро улыбнулся и протянул еще одну чару. Иласу.

***

Бешеный ритм погони хорош, когда только берешь след. Но плох, если преследование длится больше нескольких свечей. Эрден уже больше суток не вылезал из седла. Скакал. И с каждым выдохом как будто выплевывал легкие. Илреть, подарив ледяные поцелуи, взяла свою плату за переправу: судорогой сведя ноги, завязав тугой узел из боли, которой отзывались старые шрамы.

Холод, замешанный на усталости. Противовесом ему были упрямство и страх. Эрден думал, что давно уже похоронил это чувство, глубоко внутри, пережил его, как и предательство, которому минуло уж больше десятка лет.

Тогда он, еще молодой, влюбленный до беспамятства безусый юнец, сочинял серенады и ловил томные вздохи своей единственной, как ему тогда казалось. Многообещающие взгляды, поощряющие недомолвки... Раяна не была светской красавицей высшего ранга (для представительниц стервозной элиты двора молодой шептун был тогда еще не интересен). Нет, его любовь была чуть проще. Из знатного, но ничем, кроме своей знатности, не примечательного рода, девушка имела весьма изящную внешность и приятные мужскому глазу формы, чем успешно пользовалась. И вот, после того, как Эрден, пережив немалый сердечный трепет, попросил руки Раяны у ее отца, и тот ответил согласием (еще бы! упустить столь богатого влюбленного в дочурку дурака — ни в жизнь), он был на седьмом

небе от счастья.

Полет из Хогановых куш вниз оказался стремителен. Эрден ощутил себя тем дураком, который сначала увидел в дорогой лавке красивую вещь, копил деньги и, наконец, купил ее. А потом узнал, что это дешевая подделка и на любом рынке она стоит три медьки. То же самое чувство, когда осознаешь себя преданным тем, кого любил. Ведь суть измены сходна: оказывается, что была уплачена слишком высокая цена за отношения с человеком, который является товаром широкого потребления.

Сцена, что произвела столь отрезвляющее действие на юного влюбленного, была банальна до пошлости. Раяна иступленно отвечала на поцелуи, не стесняясь своей наготы, в расшнурованном корсете и кружевных панталончиках в тон. Как позже из жизненного опыта узнал Антер, фьеррины, специально готовясь к жарким рандеву, подбирают такие комплекты. Единственное, он так и не взял в толк зачем они это делают? Мужчины в порыве страсти на этакие мелочи внимания не обращают.

Тем временем более решительный, чем Эрден, кавалер одаривал свою партнершу все более нескромными ласками. Ракурс, в котором любовники предстали перед будущим дознавателем, правда, не позволял увидеть всего — мешала поднятая крышка клавиесина, на клавишах которого сидела Раяна, широко расставив ноги. Но Антер, несмотря на свою влюблённость, дураком не был и домыслил скрытое.

Увлеченные слиянием тел (о слиянии душ уже экс — невесты Эрдена и его хорошего знакомого, почти друга, говорить навряд ли приходилось), они даже не заметили пришедшего на свечу раньше влюбленного.

К чести Эрдена, сцен он закатывать не стал, а, тихо прикрыв дверь, вышел. И так же тихо, без скандала потребовал расторжения помолвки, весьма витиевато выразив причину оной в письме.

Спустя годы дознаватель не мог не признать, что юношеское увлечение, окончившееся столь болезненно для него, пошло только на пользу. С головой уйдя в работу, в оной он достиг немалых высот, да и в отношении к условно слабому полу у него прибавилось прагматизма и циничности. Качеств, весьма ценных не только для дознавателя, но и для каждого мужчины, дорожающего своей свободой от брачной подвески.

Поэтому — то сейчас Эрден и был удивлен: почему, пускаясь в погоню, он беспокоился не о компрометирующих письмах, которые должна была добыть Васса. Все его мысли были о самой девушке. Что с ней? Как она? Не схвачена ли людьми всерадетеля?

Понукая лошадь, мужчина корил себя за то, что втянул ее во всю эту авантюру, которая не нравилась ему с самого начала. Конь, чьи бока были уже в мыле, споткнулся, но сумел в последний момент выровняться. Это — то и послужило сигналом для наездника, отрезвляя от пьянящего желания поскорее нагнать беглянку. Эрден ослабил поводья, пуская коня рысью вместо изнуряющего галопа.

Проехав так пару лин, мужчина внутренне подобрался. Странное чувство, почти нереальное, заставило его еще сбавить ход. Хотя дорога была той же, что и пару клинов назад. Ощущение, что след, по которому шел, уходит прочь с тракта, все нарастало. Мужчина готов был поклясться, что еще шаг, и оно закрипит на зубах, начнет стягивать жилы, не позволяя двинуться и на волос дальше в неверном направлении. Такое с Эрденем уже бывало, и все же, каждый раз — как первый.

Он просто закрыл глаза, не давая уставшему коню самовольно выбирать направление, более подходящее для верховых прогулок, и упрямо развернулся в сторону непроходимого,

на первый взгляд, бурелома.

«Глаз ведь точно выколю, или конь в бочажине ногу свернет, а я, наворачнувшись с него — шею», — мысль, терпеливым стрелком, засевшим в засаде, преследовала Эрдена на протяжении всего пути. Но он так и не открыл глаза, боясь потерять то хрупкое ощущение размотанной нити, которую ему удалось поймать. Спустя изрядное количество времени и сил мужчина остановился. То, что он пришел, было очевидно.

Сторожка напомнила ему тещу, встречающую припозднившегося зятя. Руки — ставни обманчиво плотно скрещённые — запертые, но в любой момент могут распахнуться и приветить по затылку. Да и сам домишко, перекошенный, как лицо родственницы от радости лицемерия пришедшего, наводил на размышления не об вечном, бытовом.

Зайдя внутрь, дознаватель отметил: были двое, недолго, аккуратно. После себя следы если не замели, то свели к минимуму. Сторонний и не заметит, что тут кто — то хозяйничал. Но две кружки, поставленные аккуратно на то же место, в кружочек пыли, но чище своих товаров по полке. Сметенный у каменки мышиный помет, в то время как в других местах он явственно наличествовал. Чурбак, который, судя по всему, с силой проволокли, и он оставил короткий, но пока светлый след на полу, и, конечно же, печь. Хотя уголья в ней совсем уже остыли, но были свежими, не покрытыми налетом времени.

Выйдя обратно на улицу, Эрден заметил еще кое — что интересное. Кочку, об которую так старательно запнулись, что аж выворотили половину. Чуть дальше было тоже кое-что интересное. Отпечатки подков. Очевидно, коней было несколько, и лишь один всадник спешился. Судя по следам, он-то и заходил в сторожку, и после его посещения, как и после Эрдена, в доме следов не осталось.

'Опережают, хогановы засранцы, опережают!' — мужчина матерился сквозь зубы. В том, что это отряд, посланный всерадетелем, дознаватель не сомневался. Вернувшись к дому, Эрден отвязал коня, и, вскочив в седло, направился на восток.

***

Пробуждение для Иласа было не просто тяжелым. Оно было для него неподъемной ношей, которую он — таки взгромоздил себе на плечи и, шатаясь, понес на самую вершину неприступного водораздельного хребта. Воспоминания о минувшем вечере были сродни огненным шарам, что так любят запускать осадники из катапульта. Яркие, но короткие и потому бестолковые. Чье — то лицо, круглое, как монета и такое же продажное, в клубках дыма, цыган с курчавой бородой, Васса. Почему — то простоволосая, в выразительном изгибе, грозящем сломать ее пополам. Гитара. То, что гитара по — особому важна, мужчина помнил, но вот почему, хоть топи, понять не мог.

Заспанный, он не вышел, вывалился из повозки, лишь машинально удивившись, почему ему так неудобно и тяжело дышать. Мгновение тишины и следующий за ним смех дюжины глоток заставили Иласа внимательнее осмотреть себя. И не зря.

За ночь мужчина неожиданно для себя обзавелся весьма внушительным бюстом, платьем, делающим честь многим горожанкам и, судя по ощущениям, еще и корсетом. Руки, которые неосознанно ощупывали голову, нашли на оной локоны весьма завидной длины. Взяв одну из прядей, Илас поднес ее поближе к глазам. Насыщенно — рыжий цвет и кокетливый завиток на конце послужили последней каплей.

Переведя взгляд, который больше бы подошел профессиональному маньяку, нежели только что отошедшему ото сна благородному герру, мужчина схватил за грудки первого

попавшегося цыганенка и гадюкой прошипел:

— Где та, что пришла со мной. Где эта зараза Вассария?

Пойманный пацаненок счел за лучшее не прикидываться пеньком и резво ткнул в сторону костра, где старуха — цыганка накладывала в миски черпаком похлебку всем проснувшимся.

Размашистой мужской походкой, при которой особенно остро чувствовалась чужеродность юбок их носителю, Илас двинулся в указанную сторону.

Васса с безмятежным видом уписывала варево, своим спокойствием напоминая ужа, прикинувшегосядохлым, дабы от него отстали.

«Да чтоб тебя, зараза!» — пронеслось в голове Иласа. Конечно, его мыслительный процесс на этом эпитете лицедейки не остановился, но из остального печатными были одни запятые.

Несколько раз вдохнув и выдохнув, чтобы успокоиться (руки чесались схватить шею наглой мерзавки и сдавить как следует), Илас сделал над собой нечеловеческое усилие и почти спокойным голосом осведомился:

— Может, объяснишь?

Девушка с видом лектора, которому нерадивый студиязус задал наиглупейший вопрос, склонила голову набок и, орудуя ложкой, как указкой, назидательно произнесла:

— Ну нам же нужно попасть в Армикополь? Так это лучшая из маскировок.

— Маскировок? Да я... я себя уважать перестану в этих бабских... — Илас замолчал, подбирая формулировку и сжимая кулаки.

Васса, не меняя выражения на лице, все же сочла за разумное слегка отодвинуться от нависавшего над ней снежной тучей мужчины.

— Ну да, городскую стражу наверняка предупредили о том, кого надо ловить и наши портреты скорее всего уже украшают не только все позорные столбы окрест. А вот изрядно переспелую девицу со старухой — горбуньей в компаньонках не ищет никто.

В словах девушки был резон, но просто так Илас успокаиваться не собирался:

— А как все это вяжется с табором?

— Никак, но Земару проще уговорить стражников закрыть глаза на парочку безобидных женщин, чем на сильно похожего на описания блондина в компании с беглой оборванкой.

Мужчина выдохнул, как племенной бык в период гона, которому довелось сразиться за приглянувшуюся буренку и проиграть.

— Допустим. Скажи мне тогда последнее: кого мне благодарить за столь 'гениальный' план?

Несмотря на всю серьезность тона мужчины, в глазах Вассарии мракобесы отплясывали джигу:

— Ты о идее или ее реализации? Придумал, конечно, Земар, а вот переодевала тебя спящего чуть ли не половина табора.

Вассария не стала уточнять, что половина была преимущественно мужская, ибо переворачивать хоть и тощего, но тяжелого мужика задача не из легких. Напоили же Иласа малиновой сновидицей от души. Старый цыган быстро понял, что этакого гордеца, что пришел к кострищу в рванине, но не склоняя головы, будет проще поставить перед фактом, чем уговаривать примерить женскую личину.

— Некоторые цыганки до сих пор под впечатлением, — решила утешить мужское самолюбие лицедейка.

В подтверждение ее слов за спиной блондина раздались провокационно — соблазнительные смешки. Монеты на монистах вторили этим звукам.

Крылья носа у Иласа раздувались, вызывая ассоциацию с мокрыми простынями, готовыми того и гляди улететь с веревки под порывом ветра. Скулы побелели, а кулаки сжались так, что жилы на запястьях выступили, напоминая крученые тетивы луков. Блондин наклонился к лицу лицедейки так, что их носы практически соприкоснулись, и выдохнул ей в лицо:

— Ладно, пока за нами погоня... но учти, в следующий раз решишь выкинуть такое — придушу.

Холодный блеск в глазах, резкий пронизывающий взгляд с одной стороны, и спокойный, словно проникающий в глубину души, — с другой. Незримый поединок, длящийся то ли мгновение, то ли вечность.

Илас отвернулся первым, но ушел, лишь от души ударив кулаком по колоде, рядом с тем местом, на котором сидела Васса. Девушка, внутренне сжавшаяся, постаралась внешне не выдать своего трепета. Лишь намертво схваченный черенок ложки знал об истинном состоянии лицедейки.

Бревно же, словно отдав дань выдержке мужчины, после его отхода подумало — подумало, да и дало внушительную трещину аккурат в месте, на котором выместил весь свой гнев Илас. Васса же, пребывавшая в состоянии, которое у жителей нижнего города зовётся «отходняк», а докторусы величают «кататония» сразу не среагировала на запоздалый саботаж того, что заменяло ей стул. В чем и поплатилась, душевно поздоровавшись копчиком с мерзлой землей. Причиной ее падения послужила та самая трещина, запоздало появившаяся, но в миг разросшаяся до внушительных размеров и расщепившая колоду на два чурбака. Падая, девушка умудрилась еще и окатить себя остатками похлебки, являя миру картину 'расплата за коварство'.

Если цыганки похихикивали, привлекая внимание Иласа, то над девушкой смеялись от души, и не только молодые красавицы. Цыганята, ромалы заливались, даже Земар не прятал улыбки в курчавой бороде.

— Остынет, не переживай, — старый цыган хитро прищурился.

— Да я и не переживаю по этому поводу. Скорее уж думаю, как мне пережить, чтобы не прибил ненароком, пока остывает.

— Ладно, давай, приводи себя в порядок, и пойдем в кибитку. Будем на тебя наряд примерять.

Васса, вспомнив, какой «наряд» ожидает ее, взгрустнула еще больше. Первоначально, когда Земар предложил лицедейке переодевание такого толка, она удивилась: зачем именно Иласа наряжать фьеррой, не проще ли ее, девушку. На знатную даму обращают же больше внимания, чем на ее компаньонку. А вдруг блондин с ролью не справится? Да и наряжать его...

На доводы Вассарии цыган справедливо заметил: раз благородному герру примерять женские тряпки, то не все ли равно, какие: корсет знатной фьерры или киртл, так любимый простыми горожанками. Роль околористократичной старой девы Иласу даже больше к лицу. С этим девушка вынуждена была согласиться. Кланяться и прислуживать блондин уж точно не привык, и, если скрепя сердце и челюсти, изобразить девицу он сможет, то даму — компаньонку — для него будет непосильной задачей.

Страхнув с себя ошмётки похлебки и умыв руки пригоршней снега, что так и не растаял

за ночь, девушка двинулась за Земаром.

Спустя полсвечи примерок и переодеваний Васса убедилась, что монашеская ряса нравилась ей гораздо больше нового наряда. Горб весил изрядно и пригибал девушку к земле так, что невольно хотелось наклониться еще ниже. Походка ее от этого стала шаркающей, а голова опускалась. Довершало образ балахонистое платье, подпоясанное тесьмой. Земар довольно улыбался, скаля не по годам белые зубы.

— Хорошо! Осталось пепла в волосы побольше пустить, да грязь развести.

На это заявление лицедейка лишь печально вздохнула. Становиться сестрой хавроньи как — то не очень хотелось, но сесть и покрываться морщинами по — настоящему Вассарии не хотелось еще больше. 'Ладно, перетерплю' — решила для себя девушка.

Цыган же, увидев ее лицо и точно истолковав мимику, как опытная гадалка линии руки, прокомментировал:

— Женская жизнь тем грязнее и порочнее, чем красивее. Утешься тем, что ты сейчас, несмотря на всю сажу и глину на твоём лице становишься чище, пускай хоть только и душой.

— Да уж, утешение... — ответила Васса, лишь для того, чтобы ответить, меж тем старательно посыпая линию роста волос на лбу пеплом.

Прикасаться к белой глине, разведенной напополам с толокном и щепотью сажки, ей не хотелось. Но часто мы делаем не то, что хочется, а то, что должно, ради того, чтобы жизнь наша оставалась жизнью, а не существованием.

***

Стражнику, заглянувшему в кибитку, предстала идеалистическая картина: милая, чуть крупноватая в кости, но жилистая фьеррина, явно засидевшаяся в девичестве, мирно вышивала на пальцах. Ее рыжие локоны, уложенные в замысловатую причёску, ниспадали каскадом на плечи и неестественно — прямую спину. Лицо, набеленное и нарумяненное в меру, подведенные сурьмой глаза. Единственное, что портило впечатление — взгляд. Так обычно рачительная хозяйка смотрит на таракана, невесть откуда взявшегося на кухне, размышляя, как бы поаккуратнее снять с ноги тапок, чтобы успеть пришибить усатую заразу, пока та не удрала.

Другая, сидевшая в кибитке, ничем не привлекла внимания служивого. Разве что горб, слегка перекошенный и оттого еще более безобразный. А так — серая, блеклая старуха с морщинистым лицом. На ее фоне рыженькая казалась вдвое краше.

Вдоволь налюбоваться фьерриной охраннику не дали. Помимо двух дам в кибитке было еще полдюжины цыганок всех возрастов. Эти для бравого блюстителя порядка были все почти на одно лицо. Чернявые, бойкие. Различались лишь возрастом: кто с подписью времени в висках или молодые зубоскалки, а двое даже еще в рубашках и портах — не доросли еще до юбок. Они враз заголосили на жуткой смеси языков и интонаций.

Стражник напоследок еще раз окинул взглядом рыжеволосую. Он знал, что брать взятки — грех, но не брать — искушение. Причем в данном случае весьма сильное, и побороть оное ему будет невозможно, а потому протянул незаметно руку, в ладонь которой Земар вложил злотый.

Старый цыган помнил, что говорил ему как — то один бургомистр (позднее, кстати, сосланный за мздоимство на каторгу): «Большие, и маленькие взятки брать страшно, но маленькие ещё и противно». Потому на подмазку и не поскупился. «С меня не убудет, в городе наворуем — нагадаем в сотню больше. А вот сделать так, чтобы эти двое прошли —

надобно кровь из носу», — решил для себя ромал.

Меж тем блюстителю порядка запахнул полы кибитки и дал знак своему напарнику, чтобы тот пропустил табор в город. Колеса закрипели, вторя заунывному пению ветра. За стенами Армикополя их стон влился в городской шум, смешался с гомонящей толпой, прибил к базарному говору, растворился в трескотне зазывал.

— А почему на улицах так людно? — любопытный нос Вассарии выглянул из — за полы кибитки.

— Эй — ней, дак это же город, который никогда не спит, иль не слыхала? — хитро усмехнулась цыганка. А сейчас еще и время Мирма — праздника воев и сильных мужей.

Что — то в голосе старой плясуны дорог насторожило девушку, но что именно, она понять не смогла. Наконец кибитка остановилась и Земар, заглянувший внутрь, скомандовал:

— Приехали, красавицы.

Илас, по старой памяти решивший спрыгнуть, задрал юбку так, что мужчинам, шедшим неподалеку, грозила скоропалительная смерть по причине вывернутых шей: так они крутили головами в попытке рассмотреть стройные ножки рыжеволосой фьеррины. Исполнить акробатический этюд «полет благородной госпожи» Иласу не дала лицедейка, ухватив его за рукав. С причитанием:

— Убьешься ведь, деточка! — Васса с реакцией борзой вцепилась мужчине в локоть. И уже шепотом присовокупила: — Сдурел? Ты де — вуш — ка!

А потом сама, спиной вперед и кряхтя на каждом вздохе, начала спускаться. Получилось весьма жизненно. Во всяком случае, Илас постарался взять на вооружение: «держат лицо», даже если чужаки лишь вдалеке.

Неправдоподобно охая и благодаря писклявым голосом Земара, решившего помочь «фьеррине», Илас наконец выбрался из кибитки, в которой давилась от смеха цыганская братия.

— Ну все. На этом наши пути расходятся, — Земар внимательно посмотрел в глаза лицедейке. — Держи на память. Мне кажется, ты на нее чем — то похожа.

Маленький цилиндр с мизинец толщиной, зауженный посередине. Не драгоценный, но значимый. Долли... Васса задумчиво вертела фигурку в пальцах. Без нее не принимают ставки. Ее положение на поле определяет, кто выиграл, а кто zero. «Что хотел сказать Земар?» Спросить девушка уже не успела. Ромал, повернувшись к ней спиной, зашагал прочь, давая понять, что прощание окончено.

— Пошли уж..., Урсула, — придуманное для лицедейки имя Илас протянул нараспев и насмешливо.

— Да, госпожа Энгриберда, — лицедейка словно смаковала сказанное, — а тебе идет, может, оставишь?

Сузившиеся глаза «фьеррины» были красноречивее слов, но девушка храбро подошла поближе и примирительно сказала:

— Постараюсь исправиться, но прости, так и тянет... — и, не выдержав, все ж — таки добавила: — ты в этом наряде такая милашка...

За что и схлопотала тычок локтем. Весьма чувствительный. Коней решили оставить в таборе: в городе с ними больше мороки. Рыжеволосая фьеррина и ее старуха — компаньонка пешком двинулись к центру города. О том, почему так хитро улыбалась в кибитке цыганка, стало понятно по числу праздных гуляк.

— Как мог...ла, — поправился Илас в последний миг, — забыть. На Мирм проводят кулачные и не только бои. Влипли.

— Почему? — Васса, которая слышала об этом празднике, но в Тивоне оный не отмечался, не понимала причины удрученного взгляда спутника.

— Мужиков полно. Напьются и начнут цепляться.

— Откуда знаешь? Может, не будут? — поинтересовалась девушка.

— Будут — будут. Я — то знаю.

— Потому что сам такой? — ехидство, словно охочая до сплетен кумушка, почуявшая скандал (и как бы ее не выпроваживали, находившая предлоги, чтобы остаться), никак не желало покидать лицедейку.

— Нееет! Потому что голова на плечах есть. И я ей думаю, а не как некоторые..., — он скосил глаза на фьеррину весьма завлекательного вида, аккуратно шедшую навстречу, и смягчил окончание резкого ответа: — которые используют ее только для прически.

Васса, сочтя за благо промолчать и искренне сожалея, что под рукой нет самого эффективного регулятора межличностных отношений — лома, больше не говоря ни слова, похромала рядом.

Сперва девушка опасалась, что Илас не сможет изобразить фьеррину благородных кровей. Но блондин так правдоподобно морщился, с надменностью взирал на уличную суету, брезгливо подбирал юбки. Не из чистоплотности — просто мешали они его размашистому шагу, невольно сковывая, но проходим то было неведомо, и обливал презрением с интересом косящих на рыжеволосую прелестницу герров, что Васса успокоилась. Зря.

Глава 9

Комплит из апперкотов

Комплитами принято называть ставки на рулетке, при которых все части номера заставлены по максимуму.

Пояснение Хайроллера при обучении игре на рулетке

Маришеку было хорошо. Да что там хорошо, здорово и привольно ему было. Теща, вместе с жинкой и спиногрызами аккуратно накануне Мирма, оставив муженька без пригляду, отбыли, чтобы приложиться к мощам Акуна — пророка. Их привезли седмицу назад в Армикопольский храм.

Маришек и воспользовался оказией. Прямиком с работы он заглянул в кабачок «Сітно и храпно» (что означает данное название, знал точно лишь хозяин заведения, и когда его спрашивали, лишь загадочно улыбался, демонстрируя отсутствие парочки зубов и обломанные левые клыки). Впрочем, на качество местного пива имя кабачка не влияло. Маришеку пенное тут нравилось: забористое, ароматное, да с бесплатными пузатыми семками, плошка которых полагалась любому посетителю после двух заказанных кружек.

Единственное, что мешало завсегдатаю сего места окончательно расслабиться — это рабочая форма, которую Маришек поленился переодеть по дороге с работы. Его хозяин, владелец суконной лавки, считал, что негоже рабочим, пусть и ворочающим тюки и рулоны с тканями, ходить в рванине и пошил всем из дешевого серого полотна кафтаны и штаны. По жаре в них прели, по холоду мерзли, но носили, терпя причуды старика, платившего изрядно. Удручало рабочих еще и то, что в этакой амуниции издали их принимали за

шептунов, а то и вовсе дознавателей мелкого рангу.

Кружка пустела. Семечки, лежащие в плошке, которую последний раз не мыли никогда, а потому с ее краев можно было грязь ногтем соскребать, тоже заканчивались. Маришкеку становилось все грустнее. Но тут двери распахнулись, явив мужчине двух его «коллег». Они были уже принявши и веселые, а потому, завидев третьего, присели за маришеков стол.

Если собираются трое, грешно упускать вечер. Выпив по первой, работяг потянуло спеть, но порыв души грубо оборвал кулаком кто — то с соседнего стола. Поскольку кулак и его обладатель габаритов были внушительных, троица сочла за лучшее еще раз выпить, а не ввязываться в драку. Поле второй Маришек захотел станцевать гутарную, но сопивники уговорили его обождать малёк и выпить по третьей.

После третьей Маришек благополучно забыл о танцах. Ему захотелось другого... дамского и непременно возвышенно — благородного. Поскольку принимали на грудь все трое одинаково, то и кондиция была у всех сходной. Стремление к прекрасному было одобрено и поддержано, а посему троица зигзагами направилась вон из кабачка на поиски главной из мужских слабостей.

Рыжеволосую фьеррину первым увидел Маришек. Понравилась ему чертовка. Высокая с внушительными достоинствами. В лицо он не всматривался. Да и зачем? Наверняка красавица — с такими — то прелестями. Кабацкие товарищи оценили вкус Маришека, одобрительно заулюлюкав. Решив, что ни в кои веки не отпустит даму, столь быстро и безоговорочно взявшую его сердце в плен (жена, дети и теща были забыты, будто их и вовсе на свете не было), он решительно начал ухаживания. О том, что оные идут в разрез с общепринятыми, мужчина не задумывался.

Язык Маришека редко подводил даже во хмелю, а потому зычный крик получился на удивление ясным. Будто и не вусмерть пьяный кричит, а заядлый трезвенник, чтящий все Хогановы заветы, в том числе и 'не усердствуй в возлиянии'.

***

Свист, улюлюканье, шум и крик: «Лови их!» — заставили и лицедейку, и Иласа внутренне вздрогнуть.

«Думай, Васса, думай! Наверяд ли это по твою душу...», — лихорадочно размышляла девушка. Тем временем, распахивая толпу, в их направлении активно продвигались несколько человек в безлико — серой форме.

Мысли Иласа отличались нецензурным обилием и разнообразием, но сводились к одному: «Не попасться дознавателям!» В том, что это именно они, блондин был уверен. К тому же предполагаемого воришки, который несся бы в авангарде, и кому могли бы быть адресованы эти крики, не наблюдалось.

Блондин решил, что даже если эти крики не про них, лучше перестраховаться. Знамо: береженого Хоган бережет, а не береженого конвой стережет. Поэтому, схватив свою 'компаньонку' под мышки (благо разница в росте это позволяла: горб согнул Вассу чуть ли не в двое) толкнул в ближайшие обманчиво — гостеприимные двери.

Накурено в зале было так, что запахи чеснока с селедкой казались изысканными ароматами. Впрочем, мужчин, здесь собравшихся, это ничуть не смущало. Толчея, крик, потные, разгоряченные хмельным и азартом болельщики, которым неведома усталость. Еще бы, гроши же на кону! Выиграешь — можно аж неделю не работать (о том, что в случае проигрыша нужно будет эту же неделю пахать за двоих — собравшиеся в основной своей

массе не думали).

Илас сцепил зубы и начал активно работать локтями, пробираясь к противоположенному выходу. По тому, насколько активно и целеустремленно двигался мужчина, Васса решила, что обстановка для него не внове и не удержалась от неуместного вопроса:

— Что здесь такое?

— Бои. Почти без правил. — отмахнулся блондин от лицедейки, как от надоедливой зазывалы, что тянет заглянуть в лавку «с самыми лучшими товарами в империи».

Но любопытство было превыше осторожности, и девушка задала следующий вопрос:

— Почему почти?

Решив, что проще ответить (эта пока не выпросит все, не успокоится), Илас пояснил:

— Правило одно. Не смог встать или умер — значит, проиграл.

— И ты делал здесь ставки?

— Нет. Я дрался, — мужчина особенно сильно дернул лицедейку за руку, не то побуждая двигаться проворнее, не то вымещая злость.

Приграничье. Из развлечений там были выпивка, драки, дурман. Женщин мало. И либс они при ком — то, либо настолько ничьи, что Илас не искал их общества. Над ним сначала (пока не стал на проклятых мракобесами землях своим) за эту странность втихаря посмеивались, считая глупцом и евнухом, чурающимся дам, пользующихся широкой популярностью среди мужчин. А ему просто было противно оказаться трехзначным порядковым номером в списке таких вот фьеррин. Кому — то это не нравилось, задирали, подначивали: «голубая кровь, ставит себя выше остальных»...

Драки вспыхивали часто. Сходились в рукопашную меж собой и солдаты, и офицеры. Командиры не разнимали свары, считая, пусть лучшие подчиненные спустят пар сейчас, чем злость будет застить им глаза в бою. А так — разобьют друг другу носы, потом же, за кружкой ядреного самогона, что горит синевой, и помирятся, не будут таить за пазухой невысказанное. На боях этих, которые не разнимали, остальные тут же об заклад и бились. Ставили кто деньги, кто смены в дозоре.

Первое время Иласу часто доводилось стоять в кругу. Сам бил, был и бит. Но всегда поднимался. А потом, после нескольких вылазок, как — то незаметно стал своим, несмотря на заносчивый нрав. Большие не подначивали, но теперь он сам нарывался, стараясь таким образом выплеснуть злость, отчаяние, безысходность, что словно витали в воздухе приграничья. Этого дикого, сурового в своей неприглядной варварской серой простоте края.

Вернувшись в столицу, где царствовали лоск, шик и положение, воспоминания, как фантомы прошлого, иногда брали его в плен. Тогда он искал забытья. Не у продажных женщин, не в вине и картах, а вот в таких боях. В такие моменты ему было плевать, кто за кругом. Главное, что есть противник. Живой, осязаемый, пытающийся если не убить, то покалечить. Все было просто и ясно. И воспоминания отступали.

Сейчас же Илас трезво понимал, что им срочно нужно выбираться, иначе... Иначе наступило гораздо раньше, чем предполагал мужчина, и имело весьма внушительный вид.

— Э нет, цыпа, так просто от меня не уйдешь... — это прохрипел здоровенный детина из тех, что способны подменить и коня на поле в плуге и быка — осеменителя, если на горизонте замаячит женская юбка.

Илас, схваченный им поперек тонкой талии (наличие оной — заслуга корсета), не раздумывая, задрал юбки так, что самым любопытным можно было увидеть все и даже больше, ударил любителя условно слабого пола по коленной чашечке. Звука в азартной толчее слышно не было, но требуемого блондин добился: загребушая лапища его отпустила.

Судьба, похоже, сегодня решила развлечься за счет рыжеволосой фьеррины, ибо она оказалась в буквальном смысле нарасхват. Вместо одного здоровяка к ней тут же пристали еще двое, уцепив ее под локотки с обеих сторон и оттеснив престарелую компаньонку.

Илас, обернувшись к лицедейке, одними губами прошептал:

— Беги! — И больше не заботясь о судьбе девушки, перешел к решительным действиям по освобождению себя, любимого.

Вывернув правую руку из примитивного хвата одного ухажера, ей же он заехал по носу второму и, ловко уйдя ему же за спину, попытался ускользнуть. Не тут — то было: атакованный ранее здоровяк почувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах. Схватив рыжую за плечи, он хотел как следует встряхнуть мерзавку, а затем показать, что со строптивцами должен делать настоящий мужчина, но красotka оказалась с характером. Со вздохом уточнив: «Сам знаю, это больно», — она наплевала на все приличия и что есть мочи ударила здоровяка в пах. Громила не удержался и, вместо того, чтобы, как и полагается приличному мужику, прикрыть от повторной атаки самое дорогое, покачнулся и, не выпуская Иласа, рухнул, протаранив кольцо зрителей.

Блондин вместе со своим оппонентом оказались в кругу, где шел бой между жилистым как ремень и вертким, не хуже чем волчок, белоколым и рыжим, таким же сухопарым бойцом, к тому же слепым на один глаз. Последний как раз апперкотом свалил своего противника с ног. Упавший сделал попытку подняться, но, покачнувшись, завалился на землю уже самостоятельно.

После фееричного появления Иласа в обнимку с 'кавалером' раздался одобрителный зрительский свист и крики, смысл которых сводился к тому, что бой между белоколым и рыжим хорош, но уже закончен, а появившаяся парочка куда интереснее. Посему кольцо сомкнулось, отрезая блондину путь к отступлению.

Послав к мракобесам маскировку, Илас засучил рукава и, подоткнув за пояс юбки так, что ноги оголились чуть ли не до бедер (это вызвало еще одну волну одобрителного гула) не мешкая, перешел на близкий контакт. Здоровяк, до конца не сознавший изменения своей диспозиции и потому не ожидавший такой решительной атаки со стороны рыжеволосой красотки, пропустил джек. А за ним и прямой кросс (при таком ударе главное не сила, а скорость, с которой боец его наносит). Бугай пошатнулся, оступившись на шаг. Один миг было ощущение, что он упадет, но нет.

Просто так громила сдаваться не привык, и, стряхнувшись, словно пес, вылезший из воды, попытался достать рыжуху, которая была теперь для него только противником, врагом, а таких не щадят.

Илас блокировал удар, при этом намечая серию своих: сначала в щеку, чтобы окончательно дезориентировать, затем в шею. Не в район солнечного сплетения, куда метят глупые новички, наслушавшиеся рассказов о «болевых точках», а в адамово яблоко. Потому как в бою, чтобы добраться до солнечного сплетения противника, нужно пробить пресс, а он у тренированных воинов крепкий. Гораздо эффективнее точным ударом сломать хрящи гортани. Убить не убьет, но покалечит. После такого в себя оппонент приходить будет пол свечи точно. А говорить и вовсе до конца дней ему придется фальцетом.

Во время драки время для Иласа привычно замедлилось. Мужчина готов был поклясться, что иногда в такие моменты мог разглядеть каждый взмах крыльев мухи, решившее пролететь рядом. Для окружающих бой длился от силы два вдоха, и, когда бугай рухнул на земляной пол, повисла немая сцена.

Илас, оглядев честное собрание, невозмутимо одернул юбки и рукава. Прядь, выбившуюся из прически и наглым образом квартировавшую на лбу, он попытался сдуть, резко дыхнув вверх. Но локон взмыв на мгновение ввысь снова возвратился на исходную, загораживая обзор. В тишине отчетливо прозвучал голос:

— И эту милую фьеррину Вы, уважаемая, призывали спасти? По-моему, она в состоянии сама о себе позаботиться.

Васса закрипела зубами. Она в сумасшедшей круговерти пыталась найти выход из ситуации... выбежала на улицу и, заметив респектабельного герра, который мог бы вмешаться в свару, при этом не раскрыв личины Иласа, разыграла перед ним целый спектакль. Исполнение роли отчаявшейся компаньонки, чью госпожу того и гляди снасильничают, было настолько пронзительно — гениальным и шокирующе — коротким, что многие аферистки удавились бы от зависти.

Герр проникся состраданием не столько к старухе — компаньонке и ее подопечной, сколько к размеру приданого, о коем не упустила упомянуть Васса. Новоявленный герой ринулся на помощь попавшей в затруднительное положение девице, аки легендарный Эрлан-драконобрец (во всяком случае мотив наживы у них с рыцарем из баллад был одинаков). Проникнув же в центр толчеи спаситель, право слово, не сразу понял, кто из двоих нуждается в его помощи больше: лежащий навзничь здоровяк, имевший знакомство со щелоком и мочалкой последний раз в грудничковом возрасте или расхристанного вида красотка, поправляющая подол.

Его комментарий ситуации, вырвавшийся непроизвольно, заставил Вассу действовать и думать с утроенной изворотливостью.

— Что Вы, милейший. Моей малышке просто чудом повезло! Что может противопоставить хрупкая невинная девушка этому? — лицедейка ткнула в лежащего пальцем, вовремя скрюченным в характерный старушечий жест. — Пощечину, да и только! А то, что он споткнулся и сам, упавши, ударился — не иначе как Хоганово провидение.

Пылающий праведным гневом взгляд ссутулившейся старухи, ее речь, переполненная материнских интонаций родительницы, переживающей за свое дитяtko, заставили многих любителей быстрой халявы, находящихся в подпитии, усомниться в увиденном.

Единственное: призванный спаситель был трезв и его слова Вассы не убедили. Герр мог поклясться на Хогановой плащанице, что видел профессиональный блок, вроде еще и джек был...

Меж тем лицедейка, видя колебания мужчины, начала с достоинством герром свой бой без правил. В оном победили женские слезы. Капли влаги сумели достигнуть цели: надавить на качество, коим должен обладать (или хотя бы быть в курсе, что оно существует) каждый герр: стремлением помочь фьерре в сохранении репутации в затруднительной ситуации.

— Я так рада, — запричитала лицедейка, промокая абсолютно сухие глаза (дабы сомнений не было — старушка рыдает от счастья), — что Вы решились спасти мою дорогую Урсулу, вызволив ее из этого гнезда похоти и разврата... — и заглянув снизу вверх так, чтобы поймать взгляд новоявленного героя, проникновенно произнесла: — Вы ведь не

позволите свершиться надругательству, не позволяйте, чтобы невинная, знатная и благородная фьеррина пожертвовала честью, не сумев отбиться от приставаний...

В подтверждение ее слов двери еще раз распахнулись, явив на этот раз честному (и не очень) собранию троицу в серых кафтанах. Маришек, узрев наконец — то рыжеволосую бестию, ставшую причиной его внезапно нахлынувших чувств, заорал на весь зал:

— Моя дааарагая! А вот я тебя и поймал! — и с этими словами ринулся в сторону Иласа.

Блондин, увидев вблизи, что это не дознаватели, а всего-навсего пьянь, от которой и убежать — то было в принципе незачем, сжал кулаки. Нехорошо прищурившись, глянул на лицедейку. Васса и сама, донельзя злая на этих выпивох, готова была их придушить. Но, если игра начата, негоже 'менять лицо' посередине партии, а посему, не выходя из роли, она со старушечьим ворчанием в голосе произнесла:

— Герр, ну сделайте же уже что-нибудь! Они сейчас всем скопом надругаются над моей крошкой.

Спаситель, видя, что «скоп» едва стоит на ногах и опасности (в отличие от нокаутированного здоровяка) не представляет, решил-таки геройски вызволить фьеррину из щекотливой ситуации.

Толпа, которая была охоча до зрелища боев, но уже слегка пресытившаяся традиционными поединками в кругу, где лишь двое мужиков мутузят друг друга за деньги, с энтузиазмом приняла новый вариант расклада: один благородный против троих из рабочего квартала. В отличие от единоборства Иласа со здоровяком, прошедшего в считанные вздохи, на этих 'бойцов' ушлые букмекеры ставки собрать успели. Кто — то из зрителей считал, что трое пьяных это больше, чем один трезвый, кто — то, что хороший хук вырубает лучше кружки самогона. Мнения разделились практически поровну.

Спаситель, в отличие от прелестной фьеррины Урсулы, богатым боевым опытом не обладал, а потому уклонившись от одного, схлопотал по уху от второго.

Илас, заинтересованно глядя на сие действо, произнес:

— Раньше не понимал, что в этом такого. А сейчас... в этом что — то есть... когда за твою честь дерутся мужчины...

Васса, которая в последнее время приобрела обширный опыт в вопросе: «когда пора делать ноги», тихонько, пока никто не заметил, начала оттягивать Иласа к выходу. Новая драка была в разы интереснее, поэтому на этот раз препятствий они на пути не встретили.

Покинув столь познавательное и милое заведение, лицедейка отряхнулась, по-хозяйски повернув Иласа к себе спиной, поправила на нем платье со шнуровкой, и выдохнула:

— Слышал выражение: 'Бегу, значит, живу!' Поэтому, чтобы выжить, нам сейчас с тобой надо убежать!

— Куда? — Илас озибался по сторонам.

— У меня есть вариант, — произнес знакомый Вассе голос, как и его обладатель, цепко схвативший лицедейку за руку.

***

Стоянка, где залитые угли двух кострищ уже не шипели, но еще и не подернулись поземкой. Здесь путеводная нить вертелась сбитым мотком. Словно заяц, что зимой петляет по поляне, запутывая след: то сдвигая его, то вновь разделяя. Дознаватель не раз разгадывал подобные головоломки, безошибочно вновь беря верное направление, но в этот раз

холоднокровие и выдержка дали сбой. Сердце отбивало бешенный ритм, словно задалось целью отдробить самую звонкую и быструю чечетку. Тревога вкупе с усталостью. Опасение потерять...

Эрден и сам не мог понять: чем так зацепила его эта девчонка? Она не относилась ни к одной из двух, любимых мужчинами всех времен, категорий: ни тихая скромница (таких предпочитают брать в жены — они удобны), ни смелая блудница (а с этими интересно, феерично, посему чаще им достается роль любовниц).

Вассария не была красавицей в классическом понимании, да и манеры порою оставляли желать лучшего. Да и примером послушной добродетели, что так старательно на каждой проповеди восхваляли хогановы служители, она явно не была. К манящим своей порочностью, обещающим ласки, и тем привлекательным для мужчин, фьеррам лицедейка тоже не относилась.

Хитра, изворотлива, практична, и не пытается скрыть того — вот это да. Порою смела до безрассудства, порывиста, если действует сердцем, не головой.

Эрден усмехнулся. Таких, как эта девушка, он, пожалуй, в своей жизни еще не встречал. Она была настоящей. От макушки до пят. Даже там, в трактире, когда обжуливала коренного. Играла. Но эта игра — без пустоты и шуршащей обертки фальши. Она жила, дышала, тем, кем была в тот момент.

Дознаватель на следующий день, прокрутив в мыслях пару раз сцену первого их нечаянного знакомства понял: как бы не везло в карты разбитной девице, а чтобы обыграть катал, нужно самому быть шулером. И, следовательно, спектакль, разыгранный Вассой как по нотам — не что иное, как попытка спасти незадачливого драгуна, проигравшегося до портков и родовой подвески. Смелый, безрассудный в свой искренности порыв — редкость. Этой своей 'настоящейстью', отсутствием лжи, даже когда врала, она и покорила Эрдена. Потому и не стал он отбрыкиваться от супружеского ярлыка, когда на приеме у герра Бертрана Вассарии понадобилась помощь.

Сейчас мужчина корил себя за то, что поддался доводам отца: дескать, с девушкой не случится ничего дурного за стенами монастыря. А как только ее вывезут из ворот обители Баяны — карету тут же перехватят свои люди... 'Перехватили, догнали и еще раз перехватили, чтоб их!' — в сердцах думал Эрден.

Наконец, запутанный узор следов стал складываться во вразумительную картину. Сначала Васса и какой — то мужчина подошли к одному костру, стояли, потом почему — то к другому. То, что стояли рядом два разных обоза было очевидно, как и наличие двух лун на ночном небе. А вот у второго костра было что — то странное и, хотя следы сплелись клубком влюбленных змей, их узор был по — своему красив.

Поплутав еще немного, мужчина — таки определил, что второй обоз, к которому присоединилась лицедейка, двинулся в Армикополь. Пришпорив коня, дознаватель помчался в том же направлении, надеясь обогнать Хогановых приспешников и найти беглянку быстрее. Стражника, охранявшего ворота, он даже не удостоил взглядом, лишь махнул дознавательской бляхой, обогнав очередной обоз, коих сегодня было немерено, и помчался дальше. Служивый лишь сплюнул досадливо... Дознаватель, что с него взять... мракобес бы такого побрал!

Еще несколько клинов погони, и Эрден возблагодарил небеса. След беглянки стал почти осязаем и, хотя на улицах попадались в основном зеваки от сорванцов до сморчков (исключительно мужского полу и многие изрядно навеселе), это ничуть не заботило

мужчину. Он чувал, что Вассария где — то рядом, и когда распахнулись двери одного примечательного заведения и голос по — старушечьи проворчал:

— Слышал выражение: 'Бегу, значит, живу!' Поэтому, чтобы выжить нам сейчас с тобой надо убежать!

Эрден с облегчением выдохнул. Однако его радость не разделила рыжеволосая фьерра, составлявшая компанию той, за кем он так усердно гнался. Рослая девица, зло выплюнув: «Еще один!», — без обиняков двинула локтем дознавателю под ребра и собиралась уже добить ударом в челюсть, когда Васса повисла у нее на руке, гаркнув так, что дрессировщики собак пришли бы в экстаз:

— Фу! Свой!

Эрден, видевший всю гамму чувств, промелькнувших при этом коротком «Фу» на лице фьеррины, мог только теряться в догадках. Что же ту больше оскорбило: обращение к ней, как к собаке, то, что ей не дали завершить задуманное или то, что ей командуют.

Хриплое мужское:

— Какой свой? — из уст рыжухи расставило все точки над рунами для Эрдена.

— Илас, а тебе идет! — первое, что он смог выдать после того, как его ребра ощутили все прелести ближнего знакомства с локтем Бертрана.

И за данный комментарий чуть не схлопотал повторно. Васса же при этом не смогла сдержать улыбки, словно была соавтором комментария.

— Давайте не здесь и не сейчас. Нужно убираться, и побыстрее, — Эрден вмиг стал собранным,

— Предлагаю зайти в ближайший трактир и там уже все обсудить, без лишних глаз и ушей, — и кивнул на вывеску, маячившую через пяток домов от того места, где они стояли.

Молчаливые кивки. Васса и Илас ускорили шаг в указанном Эрденем направлении. Дознаватель, видя такое рвение, лишь покачал головой. В пару шагов нагнав «дам» и улыбаясь с видом светского повесы, произнес, склонившись к рыжеволосой фьеррине с той интонацией, с которой принято расточать сахарные комплементы:

— И куда понеслись? Мы честные и добропорядочные степенные граждане, гуляем вот в праздник, а не пытаемся удрать.

Илас, заскрипев зубами, совету внял. Замедлил шаг, выпрямил спину так, что ее можно было использовать вместо линейки. Васса, которая краем уха тоже слышала замечание Эрдена, сгорбилась и засеменила, с удвоенным усердием отыгрывая роль компаньонки.

Дойдя до означенного трактира, Эрден недовольно скривился, с видом покупателя, которому ушлая торговка навязывает по дешевке явно тухлое мясо, обозрел вход и вынес вердикт:

— Не этот, пойдем дальше.

Васса начала закипать: «Еще один благородный на ее голову. Мало ей Иласа!». Но вслух ничего не сказала. Помянутый Илас тоже не выказал восторга от такого решения незваного спутника, лишь сжал кулаки покрепче. Отойдя чуть дальше, дознаватель все же счел должным пояснить:

— Слишком пьяно там сегодня, нарвемся, едва войдем.

О том, что компаньонка с фьерриной сегодня уже пару раз «нарвались», ни Васса ни Илас упоминать не стали.

— О, а вот это то, что надо! — воскликнул воодушевленный Эрден, указывая на вывеску. Небольшую, некогда розовую, а ныне приятного оттенка свиньи, искупавшейся в

луже, с кучею завитушек и рунами, гласящими: «Затейница Зи — Зи».

Илас, увидев ее, хмыкнул и растянул рот в чисто мужской ухмылке. Васса, подозревавшая о назначении сего заведения, обеспокоенно произнесла, характерно охая:

— А благородный герр уверен, что это подходящее заведение для моей крошки Урсулы? Она как-никак ДЕВИЦА.

Последнее замечание заставило сползти ухмылку с лица Иласа, ибо представшие перед ними апартаменты были увеселительными номерами, которые герры (и не только они) снимали для встреч определённого рода, и делового в тех встречах было мало.

— Абсолютно!

— Тогда поставлю вопрос по — другому: а старуха — компаньонка на этих встречах не покажется для стороннего наблюдателя третьей лишней?

Эрден, ничтоже сумняшеся, выдал:

— А будем считать, что я — герр с богатой, затейливой и слегка извращенной фантазией и люблю опытных фьерр, а компаньонка... — при этом дознаватель в упор посмотрел на рыжую, чтобы не было вопросов, кого и чьей компаньонкой он в данном контексте считает. — Может, я предпочитаю и удовлетворять свои потребности при свидетелях.

Илас оценил степень затейливости и скривился.

Эрден же, проигнорировав такую оценку, распахнул перед Урсулой и ее компаньонкой дверь и широким жестом пригласил войти внутрь.

Женщина с лицом, под которым за слоем румян и пудры невозможно было разглядеть возраст (лишь определить примерные его границы: от двадцати до пятидесяти), профессионально — приветливо улыбнулась вошедшим. Чепец, как символ семейной добродетели замужних фьерр, дико смотрелся в компании смелого декольте и ярко — алой помады. Надо полагать — это и была та самая затейница Зи — Зи.

— Мне и дамам номер до завтра, — без лишних предисловий произнес Эрден и пустил в полет золотой.

Монета была ловко поймана и отквартирована в декольте. Взамен дознавателю был вручен ключ и устная инструкция, как найти дверь, которую оный отпирает. Кивок головой и Эрден, взяв под ручки обеих дам, поднялся на второй этаж.

Оказавшись в номере, дознаватель первым делом выглянул в окно, словно уже разрабатывал план экстренной эвакуации из комнаты. Удовлетворенно кивнув, он повернулся к спутникам, на угрюмых лицах которых читался очевидный вопрос.

— Просто это последнее место, где Вас будут искать храмовники.

Вассу подобное объяснение вполне устроило, и она с усталым вздохом опустилась на кровать. К слову, данный предмет интерьера больше напоминал по размерам пуховую лужайку, чем пристанище Молиты — сновидицы.

Кряхтя (на этот раз взаправду), девушка расстегнула под заинтересованным взглядом Эрдена несколько пуговиц на своем платье и начала отстегивать горб. Илас же с видом оскобленной добродетели стоял в центре комнаты, не спеша что — либо предпринимать. Видя, что блондин решил поработать соляным столбом, Эрден негромко, так чтобы слышали только присутствующие в комнате, обратился к нему:

— Располагайся! И Вам, и мне нужно не только многое обсудить, но и элементарно отдохнуть.

Видя, что Илас все еще медлит, дознаватель подначил его:

— Или ты настолько вошел в роль девицы, что стесняешься? А может, мешает то обстоятельство, что у тебя нет сменного платья?

Плотину прорвало. Блондин молча стремительно приблизился к дознавателю с намерением поработать цирюльником и выбить наgleцу парочку зубов. Его и так до жути раздражал этот женский наряд, который он и терпел — то по одной жизненно важной необходимости, но когда этот зараза стал еще над ним и насмехаться....

Эрден был готов к такой реакции на свою провокацию, поэтому быстро, откинувшись на кровать, на краю которой сидел, перекувыркнулся через голову и оказался на другом конце пуховой лужайки.

— Какая же ты страстная красотка, моя рыжеволосая бестия! — меж тем продолжал подначивать Эрден уже на тон выше.

Он правильно предположил, что за дверью стоит одна любопытная вдовушка. Подсмотреть ей мешал ключ, так и не вынутый из замочной скважины с другой стороны, но звуки — то остались... Весьма интригующее восклицание Эрдена, а затем и последовавшая за ним возня, аккомпанементом к которой выступало активное пыхтение, распалили воображение охочей до пикантных сцен фьерры Зи — Зи. О том, что столь интригующие звуки имели совсем иную природу, она и не подозревала.

На заходе вокруг кровати Илас все же нагнал дознавателя и сейчас пытался его придушить, найдя в мужчине достойного противника. Эрден удушению не поддавался и активно сопротивлялся. Васса, только сейчас осознавшая, насколько же она в действительности устала, с отрешенным видом наблюдала за происходящим. Её буднично — спокойное: «Я вам не мешаю?», заставило и удушителя и удушаемого на мгновение отвлечься. Первым откликнулся Эрден, оптимистично бодро уверив:

— Нисколько, уважаемая, можете присоединяться...

За дверью с энтузиазмом засопели, да так, что Илас, у которого пропал уже первый запал, начал сползать с Эрдена и тихонько красться к двери.

Лицедейка, заинтересованная его бесшумными маневрами, молча кивнула Эрдену, словно спрашивая: «Чего это он?». Дознаватель, прислонив ладонь к уху в жесте, который характерен для тугоухих, пояснил девушке — слушают. Тогда Васса, решительным шарканьем оборвавшая весь рекогносцировочный маневр блондина, направилась к двери, по старушечьи приговаривая:

— Нет уж, увольте меня от ваших забав, я, пожалуй, пойду...

Лицедейка настолько нарочито медленно продвигалась к двери, что фьерра Зи — Зи аккуратно успела скрыться за угол. Для верности открыв дверь и высунув нос в коридор (благо «грим» был еще не снят, в отличие от горба), девушка сварливо прокомментировала:

— Хотя нет, останусь, а то без пригляду вы тут потеряете все: ум, честь, совесть... корсет с панталонами, — удовлетворенно хмыкнув, девушка закрыла двери.

— Ну вот! Теперь можно и поговорить нормально. — Эрден встал, отряхиваясь от сора и перьев как ни в чем небывало.

— Знал и молчал? — Илас вопросительно посмотрел на дознавателя.

— Догадывался, что эта любопытная фьерра попытается подслушать. У нее на лице аршинными рунами написано, что любит она, кхм... наблюдать.

Васса, покачала головой:

— А предупредить?

— Тогда этот, — дознаватель кивнул на блондина, пытающегося вытащить шпильки из

парика, — сопел бы неправдоподобно.

Илас аж застыл от такого заявления. Дознаватель устало махнул ему рукой в приглашающем жесте:

— Ладно, давай помогу.

Борьбы уязвленной гордости за неверие в способности его, Иласа, к звуковой инсинуации и желание избавиться от маскарада не было. Блондин моментально сдался и сел на кровать, подставив Эрдену затылок. Дознаватель с ловкостью фокусника начал вытаскивать из рыжей копны шпильки.

«Чувствуется большой опыт, — про себя отметила Васса, — Интересно, это он на любовницах тренировался или самому приходилось примерять личину фьерры?». Меж тем, дойдя до рукомоynика девушка с наслаждением смыла с лица грим.

Вытерев капли влаги полотенцем, она опустилась на стул с намерением пустить там корни, потому как вставать сил не было. Илас с Эрденom, спopo покончившие с париком, перешли к расшнуровке платья и корсета. После того, как последний был расслаблен, блондин испуcтил такой вздох облегчения, что подслушивай их в этот момент фьерра Зи — Зи, она была бы вознаграждена за прострел в пояснице, дающий о себе знать при каждом ее сеансе «повышенной бдительности к постояльцам».

— А ты еще сомневался, сумею ли я доставить тебе удовольствие, — ввернул шпильку Эрден.

Илас простил ему подколку, поскольку его настроение, по причине избавления от всего женского (мужчина остался лишь в панталонах), заметно улучшилось. Растянувшись на когда — то нарядном, а теперь грязноватом, с сомнительными пятнами покрывале (онье были проигнорированы Иласом с поистине царским величием), мужчина блаженно потянулся. Эрден, устроившись с другой стороны кровати, вторя блондину, сладко зевнул и, похлопав по свободной середине, обратился к Вассе:

— Давай, ложись.

Девушка лениво приоткрыла один глаз.

— Давай, сначала надо хотя бы передохнуть, свечи две, пока есть такая возможность. Путного мы сейчас все равно не надумаем, а обмен информацией лучше проводить на свежую голову.

Мужская логика дознавателя, до этого момента вынуждавшая Вассу полагаться исключительно на ее женскую интуицию, была железной. Но усталость была сильнее как логики, так и интуиции, а посему лицедейка приняла приглашение и, дойдя до кровати, рухнула между мужчинам.

И Илас, и Эрден отключились мгновенно: одного измотало чувство погони, другой не спал трое суток, проводя их безвылазно в седле, распутывая следы. Васса же, не привыкшая к подобным соседям по сну, поворочалась, но все — же, удобно угнездившись под боком Антера, смежила веки и мгновенно перешла в вотчину Молиты — сновидицы.

Глава 10

Дама, валет король и туз — все они заряжены в шуз

Шуз — это короб, в который складывают перемешанные колоды, числом обычно около шести. Предназначен он для раздачи карт при игре в тот же Джек, который в просторечии именуется «Очко».

Леш упорно бежал по дороге, сбивая пятки в кровь сапогами, что были велики ему чуть ли не вдвое. Не спасали даже шерстяные носки, надетые поверх портянок. Надсадное дыхание, тигельным жаром опаляющее грудь, резь в боку, сгибающая пополам, жажда — все это словно шептало над ухом втихаря: «Страдаешь ты, а может зря? Ведь жизнь в спокойствии дороже...». Но упрямство у пацана было тоже. Оно — то, подкрепленное жаждой мщения во имя памяти отца, так и гнало мальчика вперед. Правда, было еще одно желание, которое парень старательно задвигал, как мысль, недостойную славного героя, коим он себя считал: покарать белобрысого наглеца, ушедшего от честного боя там, у лесной сторожки.

Леш, как и всякий мальчишка его возраста, мечтающий о подвигах и славе, не мог забыть обиды поражения, которую нанес ему Илас. А потому, дабы не упасть в собственных глазах, сознание парня наделило противника чертами, ему, противнику, изначально не присущими: коварством, жестокостью и, конечно же, пособничеством мракобесам и всерадетелю (последние двое в лешевом представлении были едины). А потому что? Правильно, блондин подлежал каре небесной, осуществляемой рукою Леша посредством меча, стрелы, копья, ножа, пращи или иного другого оружия. Хотя в воображении парня мечу все — таки было отдано предпочтение — как — никак это оружие героев. Та же праща выглядела не так победоносно...

Осознание того, что Илас достоин мучительной смерти, как поборник зла, пришло к парню в тот самый момент, когда двое путников (девушку он разглядел лишь издали, но был уверен, что она тоже мерзопакостная, если не колдовка, то уж точно Хоганом не осененная), выехав на тракт, пришпорили коней. Их силуэты вдали были словно насмешкой над парнем. Другой бы на его месте отчаялся, опустил руки...

Парнишка же, загребая горсть снега, ел ее — очень уж хотелось пить — и перешел на шаг. Впереди маячили ворота Армикополя.

Металл амулета, словно убаюканный, уже не сипел, не рвал душу надсадным криком, лишь тихо всхлипывал, задавая верное направление. То, что хозяйка подвески теперь та девица, Леш уже понял. Загадкой для него осталось то, как всерадетель отдал столь большую драгоценность какой — то... Наверняка, эта девка ему дорога. Кто она: незаконная дочь? Любовница? При этой мысли и так покрасневшие щеки парня приобрели оттенок закатного багрянца, перешедшего даже на уши — очень уж волнительную сцену нарисовало вдруг расшалившееся воображение молодому человеку. Родственница? Парень терялся в догадках.

На исходе дня довольный стражник, коему в обязанности вменялась охрана городских ворот, заметил оборванца, одиноко (наконец — то праздничный поток закончился) бредущего в сторону города. Настроение у служивого было хорошее: золотой, оставленный цыганским бароном на откуп, приятно грел карман и душу, рабочий день близился к концу, а там... Сегодня народ гуляет: можно на боевище пойти, душу отвести, благо есть на что покутить. Воспоминания о залетном дознавателе, правда, слегка портили радужную картину вечерних прожектов, но да ничего.

Когда малец почти поравнялся со стражником, алебарда едва не щелкнула его по носу.

— Поворачивай! Попрошайек в город пущать не велено!

Леш ни слова не сказал, набычившись и вперив взгляд в служаку.

Ему нужно было во что бы то ни стало в город, и не важно, какой ценой. Юность вообще часто не приемлет границ, не думает о последствиях, ее лозунг: «Все или ничего!», для нее нет полумер и градаций оттенков серого, а если еще в жилах закипает сила...

Леш разозлился и в этот момент почувствовал все железо вокруг: недовольство старой алебарды, которую нерадивый хозяин редко точил и оттого лезвие ее иззубрилось, перешептывания кольчужных звеньев, судачащих не хуже старых сплетниц, и даже ржавый гвоздик, не чаявший дожить свой век, в сапожной подметке. Вдохнул эти ощущения полной грудью, мысленно произнес лишь ОДНО СЛОВО, осязаемое им до дрожи в пальцах. «Жги!» — крик Леша, слышимый лишь им одним в вязком кисельном воздухе. На него откликнулся металл. Подчинилось даже кичливое золото. Монета начала нагреваться, прожигая дыру в кармане мздоимца.

Крик несправедливо полученной боли огласил округу на несколько лин окрест. Напарник незадачливого охранника, аккуратно отлучившийся по естественной нужде, застал страшную картину: стражник сдирал с себя дымящуюся кольчугу обожженными пальцами. В воздухе стоял запах горелого мяса и волос. Скинув доспех, бедолага начал кататься по грязи, которую еще с утра покрывал снег, а ныне, сбитая обозными ободами, корка была коричневыми месивом. Наконец он затих, лишь жалобно скуля. Его колотило, словно он подцепил болотную лихоманку. Зубы клацали так, что язык чудом остался цел.

Напарник тряхнул его за плечи:

— Что? Что с тобой?

Обгорелец лишь трясся. Тогда, не долго думая, счастливый опоздавший вклеил душевную оплеуху — лучшее средство в подобной ситуации. Несчастный, словно окаченный ушатом холодной воды, заозирался вокруг, а потом выдавил из себя, словно сидел в пыточной, примеряя ирманский сапожок:

— Мр а — а-ак — ккоббесье отттродддье! Ппприишшшел... я ему... ннне... пппусскаааю, ааа онн сссукккиннн ссынн... ппподддjeeегг ммменя иии дддеррру ввв гггорроодд....

Рассказ был спутан, но главное стражник понял: в городе колдун, а значит тревога, и надобно доложить в инквизицию. Срочно. Поэтому он, накинув на несчастного плащ, поспешил за подмогой.

Леш же тем временем неся по улицам Армикополя, не всегда ловко лавируя в толпе. Кровь стучала в висках, руки тряслись, словно он целый день крутил колодезный ворот с пудовым ведром на цепи, но страх, пришедший вместе с осознанием содеянного, подстегивал не хуже вожжей.

Подвеска была рядом, он это чувствовал, и в первый раз пролетев под вывеской «Затейница Зи — Зи» сначала даже не понял, почему зов стал слабее. Вернулся. Вперил взгляд в стену, а потом сообразил, что стоит посмотреть выше. Над головой пацана как раз было окно, правда наглухо закрытое, но да это дело поправимое, главное, чтобы под рукой был камень поувесистее. Все же для начала парень решил опробовать более традиционный способ проникновения в помещения — через дверь.

Из оной как раз выходил респектабельного вида герр (самым солидным в мужчине было брюшко, вольготно свешивавшееся над ремнем). Под ручку с представительным толстячком со ступенек спускалась миловидная девица в весьма смелом наряде, открывавшем всем желающим округлые прелести красавицы. Леш засмотрелся на нее. Уж больно она была хороша, и не заметил, как запнулся об булыжник, возвышавшийся среди своих собратьев.

Растянувшийся во весь рост, пацан удостоился недовольного ворчания герра, проходившего со своею дамою мимо, и смеха над его неуклюжестью от его спутницы. Парень смутился и резво вскочил, отряхиваясь. Фьерра Зи — Зи, что была свидетельницей приключившейся сцены, хитро улыбнулась и покачала головой. Может, она и не разбиралась в тонкостях морской навигации, политесах, рысаках и прочей мужской чепухе, но такие юношеские взоры, обращенные на красавиц, были ей весьма знакомы. Их значение она всегда верно угадывала. А если чего и недопонимала, то домысливала в силу своего разума и житейского опыта. Ее воображение живо нарисовало юношу, безответно влюбленного в ветреную красавицу, что предпочла чувству звон золотых, и несчастного влюбленного, который непременно следил за своей зазнобой до самого дома фьерры Зи — Зи, а сейчас увидел, на кого она его променяла.

Натура фьерры Зи — Зи была таковой, что без милых женскому сердцу сплетен и придуманных переживаний жизнь ей казалась какой — то неполной, постылой и серой. А потому, чувствуя эмоциональную поживу (было в парнишке что — то, ее чутье подсказывало: оборванец этот движим какой — то высшей целью, а более высокой цели, нежели любовь, женщина не представляла), она ласково произнесла:

— Я вижу, Вы устали, молодой человек, не желаете ли немного отдохнуть и выпить чашку ароматного чая?

Леш, к которому первый раз обратились на «Вы», да еще со столь своевременным предложением, в первый момент растерялся, а потом быстро кивнул. Словно переспелая фьерра могла забрать свое приглашение обратно, промедли он хотя бы еще один миг.

Пройдя в услужливо распахнутую дверь, юноша оказался в скромном, но уютном холле. Лестница, ведущая наверх, манила его не хуже, чем сокровища дракона, но хозяйка сих апартаментов трещала канарейкой, не давая своему собеседнику вставить ни слова. Наконец она замолкла. Леш вопросительно посмотрел на фьерру. Она не менее озадаченно на него, а потом произнесла:

— Я спрашиваю: вы будете чай или, может быть, взвар? Нынче у нас чудесный взвар из дикой вишни.

— Взвар, — выдавил Леш, лишь бы только дама от него отвязалась.

Фьерра Зи — Зи приняла же сказанное за руководство к действию и, направившись, по — видимому, на кухню, бросила из — за спины:

— Одно мгновение. Я сейчас, только принесу графин и чашки.

Леш же, как только женщина скрылась, припустил по лестнице, перескакивая через две ступеньки. У дверей одной из комнат он застыл. Та самая. Лишь толщина доски и пара шагов отделяли его от подвески.

Он решил для себя, что вызовет этого белобрысого на бой. Еще раз. Здесь и сейчас. И выиграет. Обязан победить. Тогда, у сторожки, ему просто не повезло, запнулся, но сейчас... Сила вновь забурилась, заплескалась, норовя выйти внешней рекой из берегов.

Ключ в замке нехотя провернул пол-оборота, застыл, но потом, покорный воле и силе человека, продолжил ход. Леш не замечал, что рубиновые капли текут у него из носа. Всего себя он вкладывал сейчас в то, чтобы заставить медь, повидавшую многое и многих, находящуюся в этой замочной скважине, привести пазы в нужное положение. Получилось.

Толкнув дверь, парень зашел в комнату. Что он ожидал там увидеть? Леш особо не задумывался над этим вопросом. Ясное дело, блондина и девку, что была сейчас хозяйкой подвески. Неокрепшую юношескую психику ждало еще одно потрясение. Блондин был...

голый (как показалось Лешу, абсолютно — покрывало скрывало то, что находилось ниже торса), он спал на кровати, во сне обнимая другого мужчину (второй — относительно одет). Брюнет, судя по позе, был не против, а даже весьма за, запустив руку в волосы белобрысого.

Но добились парня три пары ног, торчавшие из — под покрывала и составлявшие диссонанс с двумя мужскими головами: светлой и темной.

Глава 11

Андерлей сплетниц

Невыгодная ставка, выплата за которую меньше, чем вероятность исхода события, именуется андерлей. В просторечии она еще зовется дуралеем и характеризует умственные способности игрока.

Из поучения Хайроллера новичкам

Сон манил, сон ласкал, сон обещал... В общем, сон был настолько хорош, что отпустить не хотел, как и одна особа, бывшая его главной героиней... Но все — таки чутье дознавателя подсказывало хозяину, что проснуться стоит. Эрден ему доверял, а потому осторожно приоткрыл один глаз, обозревая комнату. С сожалением покосился на беловолосую шевелюру — во сне волосы имели другой цвет и принадлежали отнюдь не мужчине. «Жаль, что это всего лишь баловство Молиты — сновидицы», — разочарованно подумал мужчина, и, печально вздохнув, убрал руку с затылка еще спящего Иласа.

Перевел взгляд на мальчика, что стоял у двери в несуразной одежде (какую иной босяк и не наденет) и неверяще таращился на него, Эрдена. Дознаватель потянулся и, подмигнув парнишке, заговорщицки предложил:

— Присоединяйся.

Правый глаз Леша нервно задергался, и парень уперся спиной в косяк. Так, на всякий случай. Меж тем и остальные действующие лица начали просыпаться. Илас сонно сощурился и, сфокусировав взгляд на юноше, буднично, как надоевшему, но верному камердинеру, который несколько лет подряд будит господина по утрам, буркнул:

— А... это ты..., — и, широко зевнув, добавил: — Опять справедливости ищешь?

Леш, осмысливший услышанное, но не сумевший подобрать достойного ответа, лишь произнес:

— Да.

Илас же, скептически окинув юношу, вынес вердикт:

— Это ты зря.

— Почему? — почти детская обида в голосе пацана заставила блондина продолжить:

— Потому что справедливость на всех одна. А нас много, поэтому ее на всех никак не хватит.

Васса в момент мудрой иласовой речи закопошилась под одеялом и, спросонья не определив, где она и как оказалось в одеяльном коконе, начала сдавать назад. В результате с противоположенной от изголовья стороны кровати сначала показались лодыжки, затем стройные ножки с весьма фривольно задраным подыюбником, попа, спина и наконец лохматая голова. Панталончики, не закрепленные на коленях завязками, собрались гармошкой, обнажая бедра, и Леш успел рассмотреть появление Вассы с весьма примечательного ракурса. И покраснел.

— Умеешь ты произвести впечатление..., — то ли восхищенно, то ли обреченно вынес вердикт Эрден.

Девушка же, подслеповато заозиравшись вокруг, оценила ситуацию и, быстро оправив юбку, начала в поддержку Лешу заливаться румянцем. Лицедейка поймала себя на мысли, что, когда Илас выносил ее из Илрети, продрогшую до костей, ей было абсолютно наплевать на то, как она выглядит, а сейчас... Впрочем, решила девушка, время и силы на самоанализ лучше тратить тогда, когда твоя жизнь хотя бы не висит на волоске, а в спину не дышит погоня. Посему, взяв себя в руки, она светским тоном осведомилась, обращаясь к Лешу:

— Чему обязаны?

— Ты бы еще книксен сделала, — прокомментировал увиденное Илас.

Пацан же, шок которого переходил в стадию галлюцинации, икнул, нащупал рукой стул, стоявший рядом с косяком, и, опустившись на него, жалобно произнес:

— Отдайте подвеску, пожаааалуйста! — то, что честного боя с этими ненормальными ждать бесполезно, начало доходить до сознания мальчика. Красть же ему не позволяла совесть. Осталось последнее — попытаться договориться. Как бы унижительно для Леша это не было.

Фьерра Зи — Зи же, прибывшая из кухни с графином взвара и не обнаружившая там гостя, вскинулась и, быстро осмотрев первый этаж на предмет кражи, ринулась на лестницу. Раскрытая дверь комнаты, которую вчера пожелал снять герр весьма импозантной наружности для себя, своей дамы и ее компаньонки, манила женщину непреодолимо. Она на цыпочках подкрадывалась к проему, когда слышала «Пожааалуйста!». Желая узнать больше, она приблизилась еще, но тут подвела половица, запевшая сольную партию. Фьерре пришлось раскрыть свое присутствие и, нарочито громко топая, дойти до распахнутой двери со словами:

— Хотела осведомиться, герр не желает....

Чего герр не желает, так и осталось тайной, потому как картина из двух мужчин в одной постели заставила фьерру Зи — Зи поперхнуться словами. Девушка (не рыжая и не старуха) стояла к вошедшей спиной. «Неужели этот добропорядочный с виду герр провел еще кого — то у меня под носом?» — была первая мысль Зи-Зи от увиденного. Потом фьерра перевела взгляд на лицо Леша, которое находилось от нее в двух локтях.

Опережая вопрос, который уже была готова озвучить хозяйка, Эрден произнес:

— Спасибо за беспокойство, досточтимая фьерра, нам пока ничего не нужно... А этот молодой человек, — он кивнул в сторону Леша, — наш хороший друг, который решил к нам присоединиться. Пожалуйста, покиньте нас.

После этих слов дознавателя все мироздание фьерры Зи — Зи рухнуло. До этого момента женщина, конечно, слышала о мужеложестве. Но чтобы посреди бела дня, в её заведении? Спасла женщину от душевной разрухи любовь. Любовь к сплетням. Былс практически слышно, как шестеренки в ее мозгу закрутились, смакуя новость. Удаляясь, фьерра думала, под каким пикантным соусом можно подать подругам с рынка увиденное.

Как только дверь закрылась, с Эрдена шутливый настрой съехал горной лавиной. Не вылезая из кровати, он задумчиво и по — новому рассматривал посетителя, отмечая и коричневую грязь на подметках, которая была характерна для трактов (в городе грязи тоже хватало, но она была иного рода), и одежду, великоватую, но одинаково великоватую, словно доставшуюся от кого — то одного по наследству, и жадный взгляд парня, обращенный к лодыжкам Вассы.

— А теперь по порядку. Что за подвеска, чья она и почему тебе так нужна?

Эрден умел не только задавать вопросы, но и получать на них ответы. У Леша не возникло никакого желания сопротивляться этому, с виду расслабленному, мужчине. Ему захотелось просто рассказать, поделиться накопившимся, выговориться.

Парень как под гипнозом начал свой рассказ, не путано, перескакивая с места на место, а с самого начала, когда храмовники заявили в дом отца. После его истории в комнате повисла пауза.

— Я правильно понял, сейчас эта подвеска у тебя на ноге? — не вопрос, скорее утверждение, обращенное к Вассе.

Лицедейка в ответ лишь кивнула головой.

— Тогда следующий вопрос: как к тебе попала эта безделушка?

Эрден не хотел давить на девушку, применять приемы, которыми он пользовался при допросах (один из них, именуемый среди своих «исповедник» только что успешно показал себя с Лешем: когда чувствуешь, что преступник готов все рассказать, лишь бы в одиночку не нести бремя знаний, главное — вовремя задать нужные и точные вопросы). Васса кокетливо улыбнулась, словно примеряя новую личину, вознесла глаза к потолку, засиженному мухами и голосом, полным кротости, начала:

— Его духовное всерадетельство само воплощение хогановых добродетелей на земле и имеет лишь один недостаток, — а потом, резко сменив тон, припечатала, — сукин сын он! Мало того, что (тут девушка осеклась, взглянув на Леша, и в последний момент подобрала слова поприличнее) прелюбодействует, так еще и всех, в том числе и маленьких детей, кто имеет какие — либо особенности, не передает инквизиции, а использует для собственных нужд, отправляя в монастырь.

Вассу прорвало. Ее короткий монолог, где эмоции мешались с фактами (с десятков писем, украденных у хогановой десницы, бережно хранились девушкой в ее личном тайнике на груди), был весьма убедителен. Эпистолярные доказательства сказанного, предъявленные Эрдену, показались дознавателю весьма любопытными. После подробного их прочтения брюнет обернулся к Иласу:

— Ну, а ты что скажешь? Кстати, думаю, после ночи в одной постели позволишь мне обращаться на «ты»?

— Не позволю. — Илас оцетинился колкостями, готовыми слететь с языка, не хуже, чем еж колючками.

— А он тоже с даром, — сдал блондина Леш, у которого любви к белобрысому с последней их встречи не прибавилось.

Мужчина, не ожидавший такого коварства, заскрежетал зубами, напрочь проигнорировав заинтересованный взгляд Эрдена. Но дознаватель не был бы дознавателем, если бы не умел составлять картину из деталей.

— Позволь я сам предположу. Насколько помнится, многоуважаемый герр Бертран был на службе несколько лет в приграничье. И какое — то время даже в разведывательном летучем отряде. Думается на стрелы и ножи приходилось не раз напарываться, однако следа хоть одного шрама, которыми так любят гордиться военные, я у него не заметил, — говоривший выразительно оглядел голый торс Иласа.

— К тому же ваша некоторая, я бы сказал, холодность и щепетильность в отношении дамского полу: Вы никогда не заводили серьезных отношений, а со всеми вашими, кхм..., возлюбленными держали дистанцию. Даже в постели.

Илас рассвирепел:

— Какое тебе дело до моей личной жизни и всего остального?

— Отвечу по порядку: по роду своей деятельности я обязан знать все о более — менее влиятельных людях империи. Тебя, кстати, в этом списке не было, не обольщайся, пришлось сделать запрос в департаменте. Собрали информацию быстро, — Эрден невесело усмехнулся, — врагов и наущников, желающих полить тебя грязью, нашлось предостаточно. А по поводу своей догадки: судя по твоей реакции, ты действительно тот, о ком я думаю.

— И кто же? — прищуренные глаза метали молнии.

— Регенерат. Явление редкое, но все же имеет место быть. В нашей империи приравнивается к мракобесью дару, но в соседней Бирмии, наоборот, ребенка с такими способностями с малых лет воспитывают как воина и телохранителя.

— Спасибо, знаю, куда теперь стоит отправиться.

— А вот это ты зря, — утверждение, вроде бы обращенное к одному Иласу, но все, находящиеся в комнате поняли, говорил брюнэт о каждом.

— Судя по тому, что вы рассказали, и тому, что удалось узнать, всерадетель задумал нечто грандиозное по размаху.

— Переворот? — Васса ляпнула первое, что пришло в этой ситуации на ум.

Эрден покачал головой.

— Он не настолько глуп и понимает, что любая внешняя рокировка власти ослабит страну, и соседи незамедлительно этим воспользуются. Полагаю, он поступит гораздо хитрее. Как вы думаете, у кого в руках будет сосредоточена истинная сила, а, следовательно, и власть в империи, где магия под запретом? Правильно, тот, кто соберет кагал этих самых магов, воспитает их в нужном ключе, сделает преданными.

***

Улица, ведущая к базарной площади, была недлинная, но бестолковая. Любой мчащий мимо экипаж норовил изгваздать прохожих с головы до пят грязной жижей. Выпавший накануне, снег в полях лежал белым саваном, а вот в Армикополе, перемешанный ногами, колесами и копытами, оставлял серые потеки на боках невысоких старых зданий.

Фьерра Зи — Зи передвигалась всполошенным пунктиром среди уличной толчеи. Ее влекла неутолимая жажда сплетен, которая распирала натуру женщины, как вода распирает плотину в весенний паводок, норовя того и гляди проломить дамбу терпения. Голову почтенной женщины покрывала кусачая шаль, попеременно съезжающая на затылок. Фьерра ее поправляла и вновь устремлялась к конечной цели своего путешествия.

На самом подходе к площади она сбавила ход и, перейдя на поступь, именуемую в народе не иначе как «гусь лапчатый» (фьерре же казалось, что именно так ходят лебедушки), поплыла — попереваливалась, окунаясь с головой в торговый дух. Подойдя к одному из лотков и напустив на себя значительный и солидный вид, перебирая при этом морковку, лежащую на прилавке, нарочито — наставительно начала:

— Многие говорят о нашем славном городе всякого. Чаще, конечно плохого: дескать нравы современной молодежи здесь гораздо более вольны, чем в столице, и что под подушкой у многих лежат еретические книжки, и что мужчины здесь интересуются не только слабым полом, но и идут против естества, заповеданного Хоганом....

Базарные кумушки, за лин чующие новую сплетню, как мороед добычу, при этих словах Зи — Зи встрепенулись. Лотки, густо заставленные товарами, были заброшены. Остались без присмотра корзины с овощами, соленьями, можжевеловыми вениками и баранками,

платками, самоварами, бутылками с первачом. Даже заморские деликатесы, идущие по серебру за пяток, такие, как соленые красные яблоки (на заграничный манер называемые поме — де — амор), и бонбоньерки с коричневыми сладкими кубиками, тающими на языке (их в основном покупали герры для дам, утверждая, что лучшее осадное оружие для взятия женского сердца именно чёколатте и цветы), больше не были достойны внимания словоохотливых кумушек.

Фьерра Зи — Зи, чувствуя себя заслуженным центром всеобщего внимания местной сплетнической элиты, выдохнула, и, убедившись, что все кумушки окрест ловят каждое ее слово, продолжила:

— Признаться, считала ранее, что все это досужие домыслы, а нет. Сегодня утром мне довелось самой воочию этими вот глазами, — рогулина, которую сама себе показала фьерра, была весьма убедительна, — увидеть двух прелюбодеев, ничуть не стесняющихся своего греха. Они среди бела дня, при честном народе... Да ладно бы вдвоем! Девка голая с ними распутного вида была и мальчонка. Его думаю эти, тьфу... мракобес их подери, силой затащили, а он, бедный, хоть и сопротивлялся, да не совладал с этими.

— А кто хоть такие были эти... прелюбодееи — то?

Толпа жаждала подробностей. Фьерра Зи — Зи была женщиной приличной, и разочаровать сразу стольких было выше ее сил. Поэтому чего она не знала, то домыслила.

— Один чернявый, с седыми висками, солидный и аки мракобес злой. Заправлял всеми. И колдовством балуется наверняка. А как иначе превратил девицу рыжеволосую в белобрысого мужика, да и девку паскудную, языкатую, тоже невесть откуда взятую. Они — то и сманили силой да хитростью втроем к себе парнишку.

На вопрос: где сие интересное действо имело место быть, фьерра ответила весьма размыто, чтобы не позорить имя ее весьма славного и благопристойного заведения. Уже к вечеру рассказ, обросший невероятными подробностями, дошел до ушей главного Армикопольского инквизитора.

Согласно слуху, среди бела дня семеро чернокнижников прелюбодействовали на базарной площади, чаруя при этом молнии, колдуя невинных дев в бородатых мужиков и превращая всех мальчишек окрест в чурбаки (почему в чурбаки, инквизитор так и не понял). А над таким непотребством летала голая ведьма на метле и зело жутко хохотала.

Инквизитор был мужчиной солидным, немало повидавшим, а потому усмехнулся, но понимая, что в каждой сплетне лишь доля сплетни, повелел разобраться во всей этой нелепице.

Подчиненные, не обрадованные начальственным указом, подошли к делу спустя рукава. Но, дабы не получить нагоняя за халтурную работу, решено было всех подозрительных чернявых с седыми висками, встреченных на улице в Армикополе, проверить на предмет причастности к чернокнижию святыми Фарамовыми мощами. Частица оных была заключена в специальной бляхе, имеемой в каждом городе империи аккурат для таких целей.

***

Леш с отрадою в душе наблюдал за мытарствами Иласа, пытавшегося влезть в дамское платье. Корсет на блондине помогал зашнуровывать лично дознаватель, несмотря на явный протест самого обряжаемого. И, хотя Илас сыпал проклятиями и всеми карами небесными и земными, усилиями троицы удалось привести его в более — менее благопристойный для фьеррины вид.

Парик, спутавшийся от небрежного к нему отношения, линялой тряпкой свисал на нос ряженому, придавая тому сходство с чучелом Ульраны — зимы: рыжим и патлатым. На все возражения блондина, что женскую личину он больше не оденет, Эрден безапелляционно заявлял:

— Твои портреты не только углем, но и красками намалеванные, у каждого городского шептуна имеются, а не заметить блондинистую орясину в толпе, да еще и с надменной рожей, тяжело.

Илас скрежетал зубами, но подчинялся. Васса тоже не была в восторге от горбатой перспективы, но своего возмущения не высказывала. Надо, значит, надо, поэтому, как говориться, улыбаемся и пляшем, в смысле, переодеваемся.

На улицу из дома честная и не очень компания выбралась без приключений. Квартет представлял собой идиллическую картину: герр под ручку с фьерриной (правда, слегка помятого вида), компаньонка, бдящая нравственность молодых и служба, несущий узелок с вещами. Вечерняя улица не то чтобы полная народу, но и не безлюдная, расслабляла настраивая на вальяжный променад.

Эрден вышагивал с улыбкой абсолютного и влюбленного идиота и периодически шептал на ухо Иласу: «Не забывай рассеянно улыбаться. Мы влюбленные, прошедшие бурно ночь».

Блондин как — то спросил: «Зачем по — идиотски то улыбаться?». Дознаватель резонно возразил: «Улыбка соответствует образу. У тебя сейчас такой вид, будто ты всю ночь в стогу провел, то есть провела. А постная физиономия портит эту замечательную догадку».

По итогам совещания в нумере фьерры Зи — Зи было решено выбираться из города, осмотрительно запасаясь провизией и дорожной амуницией, а потому все четверо неспешно продвигались к торговым рядам, где можно было разжиться требуемым.

Двоих, в серых коротких плащах с подбоем землистого цвета, одинаково — строгих, сосредоточенных и оттого по — родственному похожих мужчин Эрден заметил не сразу. За что и поплатился. Дознаватель полагал, что искать в первую очередь будут Вассу, на худой конец, Иласа, но никак не его. А потому сконцентрировал все свое внимание на «фьеррине» с компаньонкой. Когда заметил инквизиторов, бежать уже было поздно, оставалось только надеяться, что судьба все же не даст сплестись их жизненным путям в змеиный клубок...но некоторые шутки фортуны можно понять только при отсутствии чувства юмора.

— Герр не уделит нам толику своего ценного внимания? — слегка сипящий голос, словно человек лебезил перед кем — то, настолько противным его душе, что это чувство вырывалось из груди с придыханием.

Эрден внимательно оглядел говорившего: молодой, но уже сутулый (видно усердие в челобитных поклонах и корпенин над молитвенниками по экзорцизму), плащ, сидящий колом, из — под которого торчат до жути худющие длинные ноги, и острый нос, поворачивающийся на манер флюгера, как только обладатель одного начинал вертеть головой по сторонам. Особое внимание дознаватель уделил рукам инквизитора, которые тот держал сцепленными на груди, сжимая бляху. Артефакт пока безмолвствовал, но о том, что сейчас произойдет, мужчина догадывался и шепнул Вассе одними губами: «Если не удастся — дам знак, и ты побежишь не оглядываясь».

Девушка согласно кивнула, а потом быстро глянула в сторону предполагаемой угрозы, но так толком ничего и не поняла. Тощий, с локтями, торчащими в разные стороны,

инквизитор — такого и ударить не нужно, хорошенько дунуть — и сам упадет. Его спутник, правда, кряжистый, с окладистой бородой, как замшелый пенек, его — то вот ушатать тяжеленько будет. Но чтобы с этими не справились двое мужчин, пусть один из них и в дамском платье? Тем не менее, лицедейка загодя напряглась.

— Конечно, чем могу быть полезен хогановым карателям? — вежливо, но с оттенком превосходства протянул дознаватель.

Илас и вовсе не разглядывал этих двоих, потупив глаза, как монашка, которую продают на невольничьем рынке. Леш задвинулся за спину брюнета.

— Попрошу вас прикоснуться к этой вещице, — флюгероносый протянул Эрдену бляху. Дознаватель, не дразня судьбу, побыстрее схватил ее и, подержав буквально миг, протянул инквизитору.

Пока артефакт был в руках Антера — признаков жизни не подавал. Но стоило только тощему взять бляху обратно, она стала наполняться холодным светлым сиянием. Леш непроизвольно дернулся, понимая, что их разоблачили и сейчас схватят. Кряжистый, словно этой реакции и ожидая, метнул руку. С его мясистых пальцев непозволительно ловко сорвался диск. Эрден лишь успел выматериться про себя: «Чакры, мать их!». О том, что простые хогановы каратели не пользуются таким оружием, ему было хорошо известно.

Для Иласа же время замедлилось: кольцо, заточенное по внешнему краю, летело прямо в грудь спутника. Блондин не успевал ничего, кроме как толкнуть мужчину, уводя с траектории полета. Чакра беззвучно рассекла ткань платья, ости корсета и вошла под ребро «фьерры», повалившейся в этот миг на спасенного.

Все произошло в считанные мгновенья, но у сцены оказалось слишком много зрителей: праздные гуляки любят потешиться интересным. Встающая рыжая красавица, у которой из бока торчал диск размером никак не меньше плошки, в окровавленном платье, определенно произвела фурор. А после того, как поморщившись извлекла из раны оружие, еще и удостоилась от какой — то экзальтированной фьерры эпитета:

— Ведьма!

Объяснить кричавшей, что она глубоко ошибается, потому как он, Илас, хотя бы не женщина, а мужчина, и, следовательно, разве что может быть ведьмаком — не успел.

— Хватай их! Это они, мракобесье отродье! На костер! Нечего наших деток ворожить в чурбаки!

Последнее заявление толпы удивило даже инквизиторов, не говоря уже об Эрдене с Иласом.

Васса, для которой все события прошли калейдоскопом, поняла, что — таки «Не удалось!». Девушка осознавала, что поступает бесчестно, бросая спутников, но трезво рассудила: свободной ей будет помочь им легче, чем стоящей рядом и привязанной к столбу.

Сгорбившись еще сильнее, она юлой ввернулась в толпу, прихватив за руку столбом стоявшего Леша. Народ не обратил внимания на сгорбленную старуху, которая вроде была рядом, но как — то почти не при чем, своей безликой серостью сливаясь с мостовой.

— Давай, живо за мной! — лицедейка не церемонилась с мальцом. Парень поначалу еще и уперся, не желая бросать товарищей по несчастью, за что получил подзатыльник и толчок в ребра.

Толпа сосредоточилась на рыжей воскресшей. Оной после ранения полагалось, как всякой благовоспитанной фьерре, отдавать Хогану душу, а не вставать и вытаскивать из ран оружие умерщвления. Не обделили вниманием и спасенного ею герра, приветив его тычками

и пинками. Мужчинам заломили руки, приглашая сразу же прогуляться до кострового столба, и повели бы, не вмешайся инквизиторы.

Приказ, озвученный им, был краток: «Доставить живыми». Уточнения «всех» при этом не прозвучало, поэтому бородач посчитал: пришибешь одного, остальные побоятся связываться. Да не рассчитал народной бестолковости. Шумная толпа позволила затеряться двоим из четверки: старухе и мальчишке. Да и оставшихся, фьеррочку и щеголя этого франтового, того и гляди забьют. Поэтому крепыш зычным голосом пророкотал:

— Ведите — ка этих субчиков к городскому главе инквизиции. Он разберётся. И, выбрав пятерку рьяных поборников Хогановых заветов, отконвоировал Иласа с Эрденем в направлении местного отдела инквизиторского департамента.

Пока мужчин вели по улицам, щедро одаривая тычками и плевками, разговаривать они не могли: связали им не только руки, но и глаза и даже рот. Вязали при этом, хоть и качественно, но чем под руку попало. А попала не только веревка, но и поясной ремень, кушак и даже один мужской чулок, ароматы которого вдыхал сейчас Илас, ибо именно из этого предмета туалета кто — то догадался сделать кляп. Поверие, что если ведьме не связать руки, не завязать глаза и рот, она может наколдовать, сглазить или проклясть, в народе сидело крепко, а потому конвоиры решили себя обезопасить. Эрдену же кляп достался за компанию с «рыжей ведьмой».

Покои, в которых разместили «злокозненную вѣдмучку» и ее «окаянного полюбовника», как успели окрестить Иласа с Эрденем их сопровождавшие, встретили вновь прибывших с радушием и энтузиазмом. Широко распахнули объятия нары из нестроганных досок, каменный пол приветствовал дознавателя братским поцелуем в щеку, рассаднив оную.

Илас с задумчивым видом рассматривал одноместный лежак, прикидывая: дама он все же или нет? Дамой выходило быть выгоднее. Его напарник по несчастью, как благовоспитанный герр, должен был бы уступить девушке место. «Только этот герр, настолько герр, что...кхм... уступит», — мысленно усмехнулся мужчина, озвучив же совершенно иное:

— Похоже, ведьмовцы и колдовки товар редкий, штучный, раз двухместных камер не предусмотрено. Или просто мракобесовы приспешники долго здесь не задерживаются?

Поднявшийся на четвереньки Эрден помотал головой, словно баран, бравший осадным тараном ворота и отскочивший от оных. Собравшись с силами, дознаватель все же встал на ноги и с будничным интересом изрек:

— А кереметь его знает, я с этой стороны решетки как — то еще ни разу не бывал.

И в доказательство своих слов прислонился к прутьям. Надо отдать архитекторам сего славного заведения должное: постарались они на совесть, дабы заключенные точно не сбежали, сделав прутья не только вертикальные, но еще и горизонтальные. Похоже, соблюдали наказ: стабильность власти в империи зиждется на нерушимости тюремных стен.

— А с той? — мужским басом осведомилась «фьеррина», чтобы хоть чем-то занять себя. От нервного ожидания и бездействия у Иласа ладони чесались, и на одном месте словно тертого хрена с перцем насыпали. Последнее раздражало еще больше, чем камерные застенки.

— Приходилось. Сюда же не только чернокнижников привозят. Бывает, по навету

завистника кто попадет, бывают и блаженные, и помешанные, а то и свихнувшиеся фанатики, колдовской силой не обладающие, но верящие, что оной наделены. Был один, компаньона убивший из — за барыша, который специально под одержимого косил.

— Зачем?

— На костер не всегда ведут. Если удастся доказать, что ворожба не имела места, а подсудимый сам стал ее жертвой: опоили его или одурманили, то в монастырь отправляют, чтобы одержимость храмовники отмаливали. Да и сам пострадавший душу свою спасал. Вот тот убийца и надеялся, что виселицу монастырем заменят. Поклоны в серых стенах бить всяко лучше, чем с пеньковой вдовой на шее болтаться.

Илас, сев на нары и поджав под себя ноги (юбки при этом непозволительно задрались, обнажая мужскую худую волосатую голень), недобро сощурился:

— А как же вы такие правильные распознаете: кто сам чаровал, а кого околдовали? Ведь способы доказать причастность к чернокнижию всем известные: дыба, да имарский сапожок. Под пытками вспоминают даже то, чего и помыслить до этого не смели, и сознаются один за дюжину. Небось, и сам знаешь, пытать ведь приходилось?

Эрден внимательно посмотрел на говорившего:

— Хоган миловал, и чаша сея прошла мимо меня. И, опережая твой следующий вопрос: для поиска истины достаточно мозгов. Раскаленные клещи вырывают слова, пряча истину.

— Ты такой правильный, рассудительный, что аж врезать хочется, — едкость в голосе Иласа жгла негашеной известью.

— Ты уже пробова...ла, не получилось.

В этот раз блондин на подначку не повелся.

— Я — не трактирная девка, дважды за один ломаный грош не отдаюсь, — прокомментировал он поддевку.

Личной неприязни к самому Эрдену Илас вроде бы не испытывал (не считая того, что с Вассой этот ушлый котяра вел себя уж слишком по — свойски), а вот к роду деятельности..., и тем паче к родству с великим инквизитором. Тень великого и ужасного довлела над блондином.

— Вижу, с чем — то борешься внутри себя. Может поделишься? Говорят, от этого легче становится.

— Играешь в доброго храмовника, выслушивающего исповеди?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не играю, пытаюсь быть если не другом, то товарищем, готовым подставить плечо.

— Знаю я таких... товарищей, — последнее слово Илас презрительно выплюнул, — золотых мальчиков, любимых родителями, для которых уже припасено готовое место. А если не припасено и отправлены из-за наветов злоязычников такие ненароком в приграничье... предают не задумываясь. Им же можно, у них даже кровь голубее, чем у остальных.

Мужчина говорил, а воспоминания утренним туманом, что словно кисель собирается в лощинах и не видно в таком ни зги, уже окутывали его. Память шептала Иласу об юнце, не золотом даже, бриллиантовом, в результате хитрой и долгой интриги двух приближенных к трону родов попавшем в приграничье. Как тот кичился своей родословной, ни в грош не ставя простых вояк и словно одолжение делал, разговаривая с теми, в чьей фамилии была частица 'дис. А после первой же вражьей атаки на их редут этот сопливыш в ногах у командира валялся, прося спасти его бесценную жизнь. Голосил так, что неприятель и тот

слышал. Командир взял тогда его за грудки да в сторону Иласа кинул со словами:

— Прикрой кутенка!

Юнец затих тогда, жался побитой собакой, верой и дружбой клялся, хогановым знаком божась.

Отбили атаку... а через седмицу куенок вновь нос задирать начал, дескать не по положению ему, герцогу высокородному, в одной казарме с виконтовскими да баронетскими отпрысками хлеб делить.

При следующем налете прошила кутенка стрела насквозь, и никто об этом не жалел. Война дело такое — смерть здесь привычная гостья.

И с тех пор затаилось у Иласа недоверие ко всем обласканным деньгами и славой: только такие получали от жизни все лучшее, причем бесплатно. От образования в престижном академуме до безраздельного внимания первых красавиц. Впрочем, последние не обделяли внимание и блондина, причём именно вниманием, не сильно усердствуя в матримониальном желании, потому как многие знатные фьеррины гулять предпочитали с красивыми, а выходить замуж за богатых.

И сейчас, именно в камере, при словах о дружбе и товариществе вспомнилось Иласу, что перед ним не просто Эрден, а сын великого инквизитора, приближенного к трону едва ли не больше, чем императрица.

Такому наверняка судьба все приносила на рушнике и с поклоном.

— Опыт вещь нужная, но порою бесполезная. Не знаю, кто был тот, кто заставил тебя так думать, но жить богато вовсе не означает — жить хорошо. Я двадцать лет потратил, чтобы выйти из тени отца. Даже в дознаватели в шестнадцать сбежал именно потому, что на этот департамент инквизиция влияния не имеет. Сотрудничает — да, но надавить не может. Когда с самого детства по твоим следам крадется шепот «он сын того самого... жаль, ничемный будет, ну да отец все ему устроит...», противно становится, мучительно на душе. Оттого и начинал с самого низа. А то, что в шрамах весь — не отцова заслуга, как и должность, которую занимаю. Да, не всем везет с родительской любовью, но если сам ее не испытал, винить других не след...

Говоривший выдохся, а Илас, сгорбившись, понуро молчал.

«Еще немного, и уйдет в себя, начнет копать. Зря сорвался... Этот белобрысый хоть и дурак, но дурак честный, правильный, такому скажи, что причина в нем самом — себя же съест изнутри», — подумалось дознавателю.

— Ладно, извини. Сорвался... — протянутая рука, не по — аристократически мозолистая с белой ниточкой — меткой от шрама была лучшим доказательством непростого жизненного пути, пройденного говорившим.

Илас поднял глаза. В его взгляде вальсировала стуженьская выюга.

— И ты извини.

Мужское рукопожатие. Крепкое, но не такое, когда меряются удалью: кто сильнее сожмет. Равный уважает равного.

— И чтобы окончательно все прояснить между нами, — Эрден не разрывал рук и глядел прямо в глаза Иласу, — о Вассе. Не мешайся: пусть пока между нами ничего нет, но, согласно слухам, она моя жена.

Илас хитро усмехнулся:

— А моя сестра. Сводная. И это безо всяких слухов. Так что это ты не мешайся.

Эрден лишь фыркнул на столь самонадеянное заявление блондина.

— Делильщики, чтоб кереметь разорвал. Самих того и гляди на костер поведут, а мы тут о мужских слабостях...

Словно в подтверждение его слов о костре послышались шаги. Несколько человек спускалось по лестнице. Вариантов было немного: либо эти славные люди решили прогуляться с экскурсионной целью по подземелью, либо по их души.

Спустя пару клинов томительного ожидания в поле зрения Эрдена показался силуэт грузного стражника. Спуск и предстоящий подъем явно не входили в число любимейших занятий сего воителя. Издалека была слышна его одышка. Он тяжело ступал, а фонарь (его стражник держал в руке) непозволительно сильно раскачивался. За его спиной маячили еще трое, но их из — за солидной фактуры первопроходца разглядеть практически не удавалось. Добравшись до камеры и переведя дух, стражник повесил фонарь на стенной крюк и, важно поправив ремень на штанах, произнес:

— Ну что, мракобеска, пожалуйти на допрос к его превосходительству инквизитору Армикопольскому.

Илас поднялся. Эрдену же, шагнувшему за ним следом в открывшуюся дверь, был уготован внушительный тычок.

— А ты обожди тут, душегубец.

Дознаватель понимал — их намеренно разделяют и, если дать увести Иласа сейчас... Этот честный и решительный и себя, и его своей правдой погубит. Поэтому мужчина выдал:

— Нельзя ей одной, она на голову того... совсем того... почти блаженная.

Дознаватель попытался дать знак Иласу подыграть.

Блондин, в душе оскорблённый отведенной ему ролью (мало что женщина, еще и сумасшедшая), решил, что за все хорошее скажет Эрдену спасибо потом, оптом. А пока со знанием дела, сморщив в задумчивости лоб, словно при написании диссертации, ковырнул у себя в носу указательным пальцем. Внимательно осмотрев выуженную добычу, икнул и пустил нитку слюны.

Сопровождающие, впечатленные пантомимой, колебались. Эрден жестом, расшифрованным блондином как «повыразительнее», заставил фьерру еще и замычать. Сдался конвоир при попытке рыжухи повиснуть у него на шее со словами:

— Тятя, мне страшно....

— Пёс с вами! — махнул толстяк рукой, — ведем обоих, а там пусть инквизитор разбирается...

Аримикопольский инквизитор — Миртор Хопкинс — мужчина, чтивший умеренность во всем: еде, вине, обществе красивых женщин, по складу характера был правильно — скучен. Его лысоватая голова, прикрытая напудренным париком, как носили согласно этикету прошлых лет, короткий, но острый нос, близко посаженные глаза, окруженные сеткой морщин, вечно угрюмое выражение лица... не шел инквизитор яркому, вечно пестро — веселому Армикополю.

Хопкинс же больше всего любил порядок. И его стол, где, в одном Миртору ведомом строгом соответствии, расположились стопка документов, чернильница и быстрописное перо, папка с делом о «Рыжеволосой бессмертной мракобеске», по левую руку лежало извечное напутствие всех инквизиторов — трактат «Низвергающий ведьм меч». Данное творение обучало магистратов способам обнаружения ведьм и процедурам доказательства их виновности и было проштудировано Хопкинсом вплоть до прямого цитирования избранных

отрывков.

Время — лучший лекарь и отменный патологоанатом, справедливый судья и убойное успокоительное, если не примирило двух противоположностей: Армикополь и Хопкинса, то сделало возможным их сосуществование. Притерпелись. И инквизитор к городу, и город к инквизитору. Один стал позволять себе малые умеренные вольности, другой делать вид, что слушает приказы хоганова карателя. Впрочем, народ армикопольский с охотой посещал забаву, редко, но все же устраиваемую инквизитором, как то — сожжение ведьмовок.

Когда ввели двоих — рыжую, шваброобразную девицу и герра, помятого, с фингалом, начавшим уже заплывать, и рассаженной щекой — инквизитор как раз размышлял, что давно не было на площади огнища. Хопкинс свято веровал, что показательные казни — прививка от еретичества. И если колдовок всех не изведешь, то попавших в руки инквизиции надлежит неукоснительно отправлять по пути, из которого нет возврата. И не важно, кого обвинят в пособничестве мракобесам: знатную богатую горожанку или чухонскую крестьянку. Хотя горожанку, конечно, выгоднее: часть наследства — то на благо инквизиции отойдет.

Окинув взглядом прибывших, Хопкинс спросил:

— Это ты та ведьма, о которой судачит весь город? Будто бы ты вместе со своим полюбовником совращала честных юношей, а сама, аки оборотень переиначивалась мужчиной и творила непотребства?

Эрден лишь поразился богатству людской фантазии и тому, что даже роль главного злодея — и то досталась не ему, а Иласу. Последний же, ограниченный образом имбецилки, лишь промычал нечто нечленораздельное в ответ и хрюкнул.

Дознаватель, изображая «переводчика», пояснил:

— Досточтимый герр инквизитор, видите ли, фьерра Урсула немного... недалекого ума... в детстве ее уронили

«Ага, с колокольни и раз этак двадцать», — мысленно добавил конвоир, наблюдавший недалеко от выхода эту картину.

— И потому она никак не могла исполнить того, что ей вменяют в вину...

— Складно врешь, — выдал инквизитор, — соври тогда еще: как объясните, что бляха с мощами святого Фарама засияла? Или то, что эта фьеррина после смертельной раны встала, как ни в чем не бывало?

— Многоуважаемый герр инквизитор, — Эрден изворачивался ужом на раскаленной сковородке, — стоит сказать, что артефакт засиял не у меня или фьеррины в руках, а в руках того юноши, который заговорил с нами на улице. Следовательно, либо он сам колдун, либо кто — то проходивший в этот момент рядом обладал мракобесным даром. А если учесть, что в службу инквизиции никоим образом поборник тьмы проникнуть не мог.... Что же касается «смертельной раны» — там царапина была небольшая, диск тот метательный в ребре корсета застрял, а девицы почти и не задел.

Здоровущее пятно крови, которое в этот момент бочком пытался прикрыть говоривший, вопило об ином раскладе, но Эрден верил в свою звезду. Или во что там полагается верить утопающему?

— Сладко брешешь, аж заслушаешься, — а потом, повертев в руках быстропишущее перо, вынутое из чернильницы, задумчиво произнёс:

— Дыба, или сразу на костер?

— Позвольте, герр Хопкинс, — Эрден, у которого в судьбоносные моменты шестеренки в голове вертелись с утроенной скоростью, так что он вспомнил имя, лишь единожды им

слышаное, как и характеристику его носителя: «маразматик и фанатик», воскликнул: — а как же закон, который гласит: «Обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное!».

— А ваша вина, как и вина фьерры доказана, — потряс инквизитор увесистой папкой. — Пока вы соизволили почивать в отведенных вам покоях, мои подчиненные опросили очевидцев, составили две дюжины протоколов и свидетельских показаний. Осталось вписать лишь ваше имя и имя фьерры в обвинительный приговор. Итак?

Хопкинс выжидательное уставился на дознавателя. Эрден молчал: «Называть полное имя Иласа? За ним и так объявлена охота. Старик сдержал слово и объявил сына мракобесным отродьем, отрекшись от родства. Обнаружится, что фьерра — младший Бетран — вместо костра будет колесование. Представится самому — поверит ли, что перед ним младший Антер? Если бы был карьеристом — наверняка, если не поверил, то побоялся связываться, а фанатик...».

Хопкинс расценил молчание по — своему:

— Не желаете представиться — тогда сначала в...

— Нет! Еще как желаю. Мое полное имя Эрден дис' Антер. Я сын главы инквизиции Люциануса — Виргилия — Моризрта дис' Антера. Я являюсь урмисским дознавателем и состою в чине тайного советника.

— Ты ври, да не завирайся! Сын он великого инквизитора! — Хопкинс аж покрылся нервическими пятнами и стукнул кулаком по столу, отчего чернильница, подпрыгнув и изобразив акробатический кульбит упала на бок. Ее содержимое растеклось по столешнице, еще сильнее разозлив инквизитора. — Эрден ныне в столице, с молодой беременной красавицей женой. Об этом все имперские ведомости пишут. Незачем ему сейчас в этот город порока и разврата мотаться, да знаться с такими вот фьеррами.

Красноречивый кивок на измочаленную шевелюру рыжухи и последовавшее за ним распоряжение:

— В приговоре так и запишем самозванец и... Эта имя хоть свое назвать может? Или тоже — не иначе дочь его императорского величества Ваурия? Принцессочка?

Илас, которого эта мистификация правосудия достала не меньше, чем инквизитора поклеп на славное имя Антеров выдавил:

— Уряссула — старательно коверкая язык изрек блондин — изя прияболятья...

— Урсула из Приболотья.

Хопкинс был удовлетворен и, обращаясь к конвоиру, приказал:

— Готовьте на центральной площади кострище. Как стемнеет, через пару свечей, будем жечь.

Инквизитор за годы своей службы убедился: чем быстрее будет осуществлено правосудие, тем лучше. Пока толпа пылает праведным гневом, пока народ жаждет крови и отмщения, его — десницу Хогана за верный приговор поддержат, похвалят, одобряют. Затяни — и начнутся сомнения: так ли виновна, да вдруг еще доброхоты подоспеют на вызволение.

Дверь за осужденным закрылась, и хоганов каратель, погруженный в свои мысли, нечаянно вляпался рукою в чернильное пятно. Данное обстоятельство послужило причиной лекции, весьма далекой от литературы, а поскольку bestiарий был лектором хорошо изучен, матюги выходили на редкость сочными и нетривиальными. Но даже это не сильно омрачило радости Хопкинса от того, что правосудие все же восторжествовало и колдовка все же пойдет на костер...

***

Святое право тюремщиков — воспользоваться заключенной. А то, что в камере сегодня двое — так и Эртат не один. Он сегодня заступил на дежурство в полдень, и его смена как раз выпадала на приведение приговора в исполнение. Тюремщик уже слышал рассказы сослуживцев, дескать, «девка — то, колдовка, недурна, хоть и рыжая, в самом соку, хорошо бы такую попользовать», и, подбив на развлечение еще троих, пошел проверять правдивость молвы. Памятуя, что делать можно все, лишь бы лицо не попортить, он открыл дверь камеры:

— Ну шо, красава, развлечемся?

Спутник колдовки был тоже запримечен. А чего добру пропадать? Чернявый, симпатичненький, чистенький, ну да Эртат не на лицо любоваться будет... со спины сподручней...

Илас не сразу сообразил, что надо четверым тюремщикам, пришедшим в камеру, зато Эрден мгновенно свернулся напряженной пружиной, готовой к пуску в любой момент:

— Попробуешь — зубами горло перегрызу, — обещание, обращенное Эрдену к заводиле (Эртат дознавателем был сразу выделен как главный), — напоминало рычание волкодака, загнанного в ловушку.

Фьерра, уже осознавшая, что гости пришли сюда не цветочки нюхать, тоже ошетичилась, совсем не по-женски разминая кулаки. Трое тюремщиков уже подумывали: «А так ли хороши прелести рыжухи?». Но Эртат не внял предупреждению.

Походкой, как тюремщику казалось, хозяина жизни (а кто же он, как не бог для арестантов), приблизился к колдовке и без дальнейших разговоров получил форсинг в челюсть, отлетев на добрую дюжину локтей назад. Вскинутый одним из тюремщиков арбалет избавил Эртата от дальнейшего знакомства с кулаком Иласа.

— Значит, по — хорошему не хотите?

Рыжая сделала шаг вбок, закрывая дознавателя и тем самым убирая его с линии обстрела. Маневр, значения которому не придал никто из стражей. А зря.

— Ну ничего... сейчас, куколка, дернешься, всажу в тебя болт, или в твоего дружка. Так что не кочевряжься, дай попользоваться добрым людям...

— Стреляй, — мужской бас (блондину надоело писклявость по-женски, да и сейчас-то зачем уже) — произвел впечатление на арбалетчика, палец которого на спусковом крючке дрогнул. Болт с чавкающим звуком угодил в правое подреберье, заставив Иласа дернуться и сделать шаг назад.

«Фьерра» недоуменно уставилась на новый элемент своего гардероба, торчавший из груди, вздохнула, а потом, крепко сжав пальцами, начала вытаскивать. Тюремщики сделались даже не бледными, они слились со стенами, серыми и онемевшими. Эртат замер с открытым ртом, и лишь прядь его волос, цвет которой изменялся на глазах от грязно — русого до мелового, свидетельствовала о степени его потрясения. Стражники впервые видели ходячую мертвячку. Ведь только их в байках и легендах не берет железо. Такие всю душу через рот выпивают.

Меж тем Илас достал болт и с презрением кинул его на пол.

— Ну выстрелили в меня, а дальше что?

Дальше был ритуальный танец раков: тюремщики со всей возможной скоростью, пятясь задом так, чтобы не дай, Хоган, не повернуться спиной к мерзопакостной мракобеске (тогда ведь нападет, на закорки сядет и горло выгрызть начнет), ретировались из камеры.

— И арбалетик не забудьте, — крик Иласа, полетевший вслед тюремщикам, придал им ускорения.

Загрохотавший замок оповестил узников, что хоть камера и осталась открытой, но дубовая и основательная дверь коридора надежно заперта. И побег не возможен.

— Жаль, — Эрден, озвучивший общую мысль задумчиво вертел в руках оброненный болт. — А я так надеялся...

Глава 12.

Бывалый всегда боится зеро

Ошибка многих, ставящих на чет или нечет, красное или черное в том, что они забывают о зеро. А оно есть. И выпадает не один раз из 37, а именно тогда, когда его не страхуют.

Из наставлений старика Хайроллера

Толпа пестрая, шумная, бурливая, разноликая кипела, приправленная новостью о казни мерзопакостной колдовки и ее любовника. Все и каждый норовили занять место на площади, чтобы ни в коем разе не пропустить столь интересное событие. Именитые горожане загодя устроились на балкончиках, выходивших аккурат на площадь. Кто — то при этом расположился у себя дома, кто — то под благовидным предлогом заглянул в гости к знакомым, да и остался до урочного часа (ну не толкаться же в галерке с простонародьем наравне, когда есть друзья с местами «в ложе»).

Простонародье с завистью смотрело на счастливицов, лузгало семечки, судача, кто вперед завоюет: сама ведьмовка, али ее супруг (некто уже успел и обженить Эрдена с Иласом, пустив слух, что колодовка с герром не токмо любовники), и ярко ли будут гореть? Сходились на том, что полахать должны будут знатно: вон скока хворосту натащили — не поскупилась инквизиция. И огненной воды во флягах припасли, значит, для розжигу.

Оцепление, стоявшее вокруг столбов, уже с трудом сдерживало натиск народного любопытства и нетерпения, гадая, куда же подевались осужденные.

В это самое время рыжеволосую фьеррину в изрядно потасканном платье общими усилиями заковывали в кандалы. Дама дюже сопротивлялась, но восемь доблестных стражников, навалившихся скопом по начальственному приказу, все же скрутили коварную злодейку. Эрден же, наблюдавший эту картину (он был следующий на очереди по примерке тюремных браслетов), лишь покачал головой. А потом подошел и сам протянул запястья.

Тюремщики, готовившиеся и этот Измаил брать штурмом, были потрясены не меньше, чем Илас, давший бой поработителям. После, когда мужчин выводили из здания, дознаватель на презрительное фьеррино «предатель» ответил лаконично:

— Если тебя начали насиловать, расслабься и получай удовольствие. Процесс так и так логически завершится, хочешь ты того или нет, но при сопротивлении потери будут больше.

Довод дознавателя Иласа не убедил, и он больше не проронил ни слова, гордо игнорируя бывшего сокамерника.

Вели их, кстати, по улицам безлюдным. Такой маршрут был выбран Миртором Хопкинсом не случайно. Армикопольский инквизитор всеми фибрами души жаждал искоренить мракобесие и ересь, покарать отродий тьмы, но будучи человеком, любящим порядок во всем, предпочитал, чтобы умерщвление происходило на месте, для этого

отведенном: в огне. Подстрекаемая же слухами толпа могла порвать осужденных в клочья еще на подходе к кострищу.

Конвой не чеканил шаг. Зачем? Эта показуха хороша только на площади, под барабанную трескотню. Не шел с оголенными мечами. Случись что, стражники успеют достать, а так... иззубренными акинаками, изъятými из ножен, только булыжники уличные скрести. Весит, к слову, сея орясина изрядно, и хоть и не велика, оттягивает руку, клоня оную к земле с неумолимой силой.

Впрочем, конвоиры и не филонили. Они бдили. В меру, конечно. Но этого бдения было достаточно, чтобы и Илас, и Эрден поняли: вырваться из кольца охранников им не удастся, даже если попытаться раскидать конвоиров. Камнем преткновения (а заодно и якорем) о который рушился любой план побега, была цепь: надежная, круглозвенная, выкованная на совесть. Она со страстью любовницы льнула к кандалам узников, связывая их. Концы же ее крепко держали в руках двое стражников, идущих по бокам от конвоируемых.

Илас ощущал себя тем счастливчиком, которого судьба догнала, вцепилась и сейчас тащит к алтарю, причем по залету, а не по велению сердечному. И был в таком же восторге от предстоящей церемонии, что и гипотетический «жених».

Эрден же озирался по сторонам, словно был иностранцем в музее: то привставал на цыпочки, то оглядывался назад, то, в попытке увидеть что-то через затылок впереди идущих, вытягивал шею. По оной в конце-концов и схлопотал, с комментарием:

— Не суетись, ты, окаянный, как вошка на блошке! Доведем до ведьмовского столба, не бойсь, — незлобливо, скорее для порядку проворчал стражник и лихо подкрутил ус.

Эрден, уставившись на сею внушительную растительность, пропустил тот момент (впрочем, как и Илас), когда конвой резко остановился. Причина такой заминки была неожиданная. Нет, на пустой тихой улочке не ждала банда вооруженных татей (у конвоиров тоже оружие было, и отпор бы дали незамедлительно), и даже пятерки грозных колдунов (против козней оных имелся хоганов оберег — достань такой из — за пазухи да предъяви чернокнижнику злопако́стному, аки зеркало — обездвижится враз) не значилось. А был яркий, словно букет полевых цветов, брошенных на инистую серость мостовой, цыганский табор.

Он не шел, скорее катился снежным комом под веселую музыку гитар и скрипок, звеня монистами, играя юбками, смеясь одному ему присущим смехом кочевой жизни. Чернявые красавицы — зубоскалки выводили:

*Доханэ ли ёнэ ман,
Тырэ калэ якхорья,
Савэ гожо ёнэ,
Савэ задорна ёнэ.*

Несмотря на разудалую, вольную пестроту выделялся в таборе один. Бурый, косматый, в наморднике. Ему несподручно, непривычно было стоять на задних лапах. Да и зачем топтыгину, исконному хозяину дубрав и ельников, по владениям лесным на двоих своих ходить? На четырех — то сподручнее, опять же на дерево забраться... Но цыгане, народ отчаянный... украли медвежонка у матери, да и вырастили, научили премудростям, как-то хождение подобно человеку. Когда уговором, когда кнутом, а выдрессировали нужную науку. И сейчас мишка шел, переваливаясь, раскачиваясь из стороны в сторону. Его лапы, в два раза больше, чем у любого из конвоиров, оставляли на мостовой следы, которые,

впрочем, тут же затаптывались сзади идущими

— Гэнчто, ай гэнчто! — седой цыган, пыхая трубкой, обратился к одной молоденькой чернявке, стрельнувшей глазами на заключенных. — Дыхав, сколько мужчин охраняют одну хрупкую девушку и большого удальца.

И когда табор почти приблизился к ошетилившимся акинаками, цыганский барон, сверкнув золотой серьгой в ухе, наклонил голову и, прищурившись, произнес, обращаясь к капитану стражи:

— На дарпэ, не горячись. Дорога одна, ты камень, а я волна. Ты умный человек, по глазам вижу, не дай схлестнуться, дай обтечь кругом.

Капитан насторожился, но все же кивнул, давая опрометчивое согласие на «обтечь». Конвоиры убрали оружие в ножны по знаку командующего. Но, похоже, цыгане вкладывали иной смысл в слово «обтечь», ибо табор заструился весенним ручьем сквозь кольцо охраны. Шумно, круговертно. Длилось это недолго, но когда толпа схлынула, все оказались скованны по рукам и ногам: кто завязанными в узел лезвиями мечей, у кого кольчужные звенья спаялись так, что спеленали хозяина, у некоторых наручни вместе соединились — не отодрать. Но самое главное, вместо двух осужденных на цепной привязи был медведь.

Стражники оторопело смотрели на топтыгина, он на них. Мишка первым сообразил, что его бессовестно кинули на произвол судьбы, и утробно заревел вслед табору, на диво быстро удаляющемуся уже без песен и плясок.

Охрана тоже заголосила, правда в основном на великом матерном, но пуститься в погоню так и не смогла: металл держал, памятуя о СЛОВЕ, которое мальчишка ему повелел.

Илас, в первый момент увидев голосающую цыганскую братию, удивился. Во второй начал лихорадочно искать знакомое женское лицо. Облик некоторых подошел бы, но... именно что подошел, подогнался. Вассы среди идущих впереди не было. Зато Земара узнать не составило труда. То, что сейчас что — то произойдет, блондин почуял сразу. Аромат блефа, игры на грани витал в воздухе, щекоча ноздри, его можно было попробовать на вкус. Эрден тоже подобрался, по одному ему понятным признакам поняв, что намечается побег. И когда закружила по — летнему шумная круговерть, противоестественная для данного времени года, но неискоренимая, как и сам удалой цыганский дух, Илас услышал у самого уха знакомый голос:

— Обнимемся?

Ответить он ничего не успел, смерч из вороха юбок закружил его, обжег запястья, размыкая кандалы, и унес вместе с отхлынувшей волной ромалов.

А дальше — практически бег. Топот ног, крики обманутых стражей и пьянящее чувство свободы! Жив, опять жив!

Эрдену достались не ласковые женские объятья, а висящий на шее мешком Леш. Недоколдун после того, как отпер двое кандалов и зачаровал железо на стражниках, был скорее мертв, чем жив и сейчас исправно отыгрывал роль четырехпудовой гири.

— Помоги уж, напарничек! — бросил дознаватель Иласу.

Сказанное несколько поумерило эйфорию блондина и он, подставив свое плечо и шею, закинул на оную вторую руку Леша. Парень мотался из стороны в сторону, как коромысло, которое взялись нести сразу два дюжих молодца, при этом норовя растянуть его в волос толщиной. Однако озвучить своего протеста парень не мог: не было ни сил, не возможности. Споро улепётывающие мужчины мало заботились об удобстве транспортировки мальчика, упирая в основном на скорость доставки.

Эрден в очередной раз вскинул руку Леша и поймал себя на мысли, что так по-идиотски он ни разу не сбегал (а опыт как ухода от похитителей, так и охраны, дабы подсудимый не утек, у него имелся изрядный).

Краем глаза мужчина заметил, что многочисленная толпа в процессе удаления от места действия редет, словно подворотни и переулки берут дань с пробегающего мимо табора.

Через четыре квартала их кагал состоял ровно из семи человек, включая рыжую фьеррину и ее герра.

— Ну что, красавица, — Земар внимательно взглянул на чернявку, неотличимую от остальных зубоскалок, — я тебе еще раз помог, больше, извини, не смогу — сами сейчас ноги уносить будем, пока кибитки громить не пошли. И помни об обещании, которое мне на крови дала. Услуга за услугу. С этими словами Земар и еще трое цыган развернулись и быстро удалились прочь.

— О каком это он обещании? — Эрден подозрительно посмотрел на Вассу.

— Потом, — девушка махнула рукой и задрала подол одной из двенадцати юбок (эта традиция повелась оттого, что, по закону табора, если муж скажет — уходи, то уйти придется в том, что на тебе надето, вот и носят если не все свое добро, то юбки уж точно на себе — зато зимою тепло), извлекая свертки.

Кинула их в руки оторопелым мужчинам со словами:

— Держи. Ты — монах, — первый куль, полетевший в руки Эрдену, приветствовал нового хозяина облачком пыли и двумя тучными молями, лениво, словно на променаде, вылетевшими, как только дознаватель развернул рясу. Одежда была из грубой шерстяной ткани, местами в характерную дырочку, но замерзнуть не замерзнешь. — А это тебе. Охранником будешь.

Второй свёрток состоял из портков, последний раз не знавших стирки никогда, и рубахи с меховой безрукавкой. Илас придиричливо оглядел «костюмчик».

— А акинака нет? Или хотя бы фальшиона? Тесака на худой конец? Какой же я охранник без оружия?

По мере перечисления оружия блондином Васса медленно закипала.

— Знаешь, на востоке есть такое блюдо, жричёдали называется, — девушка все же сорвалась.

Еще бы: сначала бег с препятствиями сквозь толпу, судорожный поиск табора, борьба с упёртостью Леша, возмнившего себя «великим предателем, который должен искупить свою вину».

План самого вызволения «сладкой парочки» сложился у Вассы в первый клин, как мужчин скрутили. В том, что их выведут от армикопольского инквизитора только для того, чтобы препроводить к кострищу, девушка не сомневалась — чуяла по настрою толпы. Когда народ жаждет зрелища и крови, закон часто бывает слеп и глух к обвиняемым. Потому внутри лицейки словно лучина зажглась, отмеряя ей время для подготовки к спасению друзей: не уложишься в срок — всю оставшуюся жизнь будешь ощущать на губах вкус человеческого пепла.

Успела, смогла, правда цена, которую обещала Земару, была неподъёмной. Тяжестью клонили слова клятвы, что давала на крови. Вот и сорвалась.

Илас же на удивление не ответил очередной колкостью, а без слов, скривившись, стал натягивать на себя одежду. Платье, парик, теплая дамская накидка и корсет валялись уже у ног мужчины бесформенной кучей — мемориалом короткой, но столь событийной жизни

рыжей фьеррины.

Эрден тоже молча ввинчивался в рясу, оказавшуюся ему явно не по размеру. Коротковатая и узкая, зато с колпаком, прикрывающем столь характерные шрам и седину.

Васса же, вспыхнув, и испытывая от проявления гнева некоторое смущение, тоже переодевалась: скинула верхнюю пеструю юбку, под которой оказалась другая, мышинового цвета. Последний куль, извлеченный лицедейкой, оказался женским кафтаном с шалью, весьма скромного рисунка.

Эрден, справившись с невероятной задачей — разместиться в рясе так, чтобы ее несоответствие габаритам хозяина не бросалось в глаза — критически осмотрел компанию и огласил вердикт:

— Так понимаю, ты, Вассария, ныне богобоязненная горожанка, отправившаяся на молебен в обитель святой Баяны, а мы — твоя охрана и, — бросив взгляд на Леша, поправлявшего камзол, в коих щеголяла прислуга, присовокупил: — слуги.

— Наверно так, по легендам ты у нас спец. — А почему опять к Баяне — то?

— А потому, что именно это направление не вызовет ни у кого подозрений. Что храмовники, что инквизиция в последнюю очередь будут искать там. Но прежде, чем выбраться, все же стоит найти лошадей и провизию, и сделать это как можно быстрее.

Все без возражений согласились с дознавателем. Толпа, обманутая в лучших ожиданиях и так и не увидевшая обещанного зажигательного зрелища, пойдет громить лавки. В первую очередь ерейские, а там уж, если раздухарится, то и до остальных торговцев дело дойдет...

Городские улицы были малолюдны — народ собрался на площади и еще не понял, что его обманули. Поэтому благородная фьерра, прибывшая на почтовую станцию в сопровождении охраны и без торга, лишь бы продали, купившая четырех лошадей, не встретила никаких препятствий. В лавке неподалеку были закуплены так же необходимые в дороге мелочи, как-то: котелок, огниво, ножи и веревка. Леш, на правах слуги отпущенный за провизией, приволок котомку с хлебом (не первой и даже не второй свежести, ну да ладно, сейчас не время привередничать), головкой сыра, крупой и вяленным мясом, отдав за это добро целый злотый. Вассина рачительность вопила против такой траты: за эти же деньги на рынке, почти не торгуясь можно было купить провизии на месяц.

Мужчины же даже не обратили на этот неслыханный грабеж ни толики внимания. Взлетели в седла и небыстрой рысью направились в сторону городских ворот — тех, через которые и въехали в этот город.

А за пять кварталов от восточных ворот недовольство армикопольских жителей поднималось сдобной опарой, заботливо оставленной в тепле ожидания зрелища. Честные горожане, так и не дождавшись обещанного развлечения, хлынули рекой по протокам улиц, затекая в арки и подворотни. На пути этого весеннего разлива повстречались и конвоиры, спелёнатые честным булатом.

Вы когда-нибудь пробовали остановить снежную лавину? А табун лошадей, которые понесли? Ни горе — стражник, ни мишка не жаждали обзаводиться оным опытом, но судьба и на этот счет их мнения не спросила.

Народ, обозленный, расстроенный в лучших чувствах не стал разбирать — жертвы перед ними чародейских чар или сами чернокнижники. Какой — то малый, посчитавший себя сильным, смелым, ловким и неотразимым, — причиной столь высокой самооценки была любовно прижимаемая к груди бутылка первача — а самое главное пронизательным, взгромоздился на старую бочку, доживавшую свой век в роли цветочной кадки, и, ткнув

пальцем в Топтыгина, заорал:

— Вот она, колдовка! Решила честных людей обмануть, медведем обернувшись! А мы не дураки, чтобы глотать черепки, знатуги, на что мракобесье отродье способно!

После обличительной речи прокламатор не удержал равновесия и сверзлся с постамента. При этом пропахал носом мерзлую землю в кадке и выкорчевал чахлый куст можжевельника. Несчастливая растительность, по мнению хозяина лавки, её посадившего, должна была привлечь своим видом клиентов, хотя на практике отпугивала — уж слишком облезлая была.

Озвученную пьяную мысль одного дурака с энтузиазмом подхватили относительно умные трезвые головы. Мишка был обвинен в колдовстве, конвоиры — в пособничестве к оному, и подхваченных людским потоком стражников и потапыча понесло к площади.

Хопкинс, прибывший на место казни и ожидавший увидеть уже привязанных и готовых к сожжению обвиненных, был озадачен. Оцепление вокруг кострища было прорвано, стражники сжались в пугливую, аки трепетная лань, кучку, народ споро привязывал мишку и начальника конвоя к столбам.

На вопрос инквизитора: «Что здесь происходит?» — начальник оцепления, призванного оградить кострище от любопытной толпы, ответил не с первого раза: не привыкшего к заиканию человеку тяжело освоиться с новыми особенностями артикуляции.

Пока Миртор раздавал указания и оплеухи (вторые были более эффективны, чем первые, но они всегда могли указать нужный вектор действия), вызывали отряд подкрепления, унимали толпу и выясняли причину случившегося... дрессированный потапыч разгрыз — таки веревку и утек. Как это ему удалось — осталось загадкой. В первую очередь для так и оставшегося стоять привязанным к столбу усатого начальника конвоя. Его, кстати, удалось отвязать не с первого раза — народ в гневе делает все от души и на совесть: хоть защищает родные стены от неприятеля, хоть вяжет узлы на «ведьмовцах». Мишка же припустил по темным проулкам к нижнему городу, а там и к городским окраинам, по одному ему понятным признакам найдя родной табор. В нем он был обласкан Земаром, накормлен медом и вычесан. Его недовольное ворчание было выслушано хозяином с должным вниманием и пониманием.

Глава 13

Анте на победу

Перед тем, как карты будут сданы, необходимо определить сумму, которую ты, как игрок, готов поставить. Анте (ибо именно так называется первичная ставка) не должна быть слишком большой, ибо в большинстве случаев ее нужно будет как минимум удвоить.

Из пояснений старика Хайроллера при игре в карты

Копыта рассекали корку льда, заботливо укрывшую гладь дорожных луж. Четыре всадника скакали молча, подгоняемые свистом ветра, который решил все ж таки затянуть зимнюю сагу. Мелкая поземка кружила в воздухе, пряча в дымке закатное небо. Лихославский тракт, на который друзья вышли, дав крюк вокруг Армикопольских стен, вел дальше, к границе, отмерял лины за спиной, уводя прочь от столицы.

Первым нарушил молчание Илас:

— Пора остановиться на ночлег.

Эрден молчаливо кивнул, соглашаясь. От Вассы с Лешем возражений не последовало.

Но прошло не меньше полутора свечей, прежде чем было выбрано место, устроившее обоих мужчин (лицедейка и малец благоразумно не вмешивались в дело, о коем хоть и имели познания, но не столь обширные, как у этих двоих). Не полянка. Скорее прогалина в густом пихтарнике недалеко от дороги, скрытая пологом пушистых вечнозелёных ветвей. Разведи здесь костерок — с дороги не увидят, а дым по такой погоде, когда по небу плывут беременные и разродившиеся тучи вперемешку, теряется во мгле. Да и разлапистая пихта, раскинувшая ветви шатром — надежное убежище от непогоды.

Эрден отвел коней к соседнему дереву и стреножил, расседлав и заботливо укрыв спины дерюгами: от снега и кусачего ветра. Илас ловко затеплил костерок. Леш, загоя отправленный за хворостом, принес целую охапку, которой хватило не только на розжиг, но и на прокорм жадного пламени. Вассе же мужчины, хитро переглядываясь, торжественно вручили котелок.

Причину их настроя девушка поняла не сразу, а только дав знатный круг около стоянки. Ни родника, ни ручейка, да даже захудалой калаужиной, окромя грязевых луж тракта поблизости не было. Снег, поваливший уже не крупой, а хлопьями, напоминавшими ошметки простокваши, навел лицедейку на мысль.

Когда Васса вернулась к костру с котелком, полным снега (его она стряхнула с пышных ветвей ели и пихты), мужчины были слегка разочарованы.

— Специально, да?

— Зато теперь я знаю, что моя жена хозяйственная и находчивая, — не моргнув глазом, выдал комплемент Эрден в чисто мужской манере. За что чуть не получил потяжелевшим котелком по макушке. Вассу сдержала лишь мысль: проведи она сей маневр, и снег придется собирать по новой.

— А вообще именно этот отрезок восточного пути называют пустынным, — продолжил дознаватель, как ни в чем не бывало, — не потому, что здесь сухо, нет, вода есть, но под слоем белого мха, а ручьев — ключей — бочагов тут нет. Примерно трое суток пути так. Хотя, как ты видишь, деревьям влаги хватает.

— Ты тоже об этом знал? — обличительный перст Вассы уперся в грудь Иласу.

Самодовольная ухмылка, призванная показать превосходство интеллекта над глупым противником, была красноречивее всяких слов. Леш, наблюдавший картину со стороны, плотнее закутался в плащ. Он бы, может, из чувства мужской солидарности тоже посмеялся над бестолковой девкой (хотя о том, что открытой воды на этом участке тракта нет, так же, как Васса, не знал, ну да это мелочи), но его знобило, и было не до зубоскальства. Лицедейка молча (гневное пыхтение на манер ежа не в счет) повесила котелок. Эрден, потянувшись, как рысь перед прыжком сел на брошенное на землю седло.

— Знаю, о чем сейчас думаешь: «Вот и спасай их после этого...», — дознаватель попытался завязать разговор.

— Нет, я сейчас думаю, кашу делать с цианистым калием или без? — проворчала Васса. Первый порыв гнева прошел, но поворчать еще для острастки все же следовало. — А вот насчет спасать... все равно вызволила бы вас, хотя бы для того, чтобы самолично придушить.

Фырчанье Иласа, призванное заменить фразу: «Придушить? Ну — ну, попробуй...», было расценено как полноценная реплика воинственно повернувшейся к мужчине Вассой. В руке у девушки дымилась ложка, и вид лицедейки имела весьма решительный.

Эрден, заразившейся ехидством не иначе как от блондина, прокомментировал:

— Илас, скажу тебе, как женатый человек: не перечь женщине, стоящей у плиты.

Горячая сковородка в ее руках — страшное оружие.

— Это когда же ты успел познать все прелести семейного быта? — ввернул поддевку блондин.

Эрден расплылся в мечтательной улыбке:

— У нас для этого с Вассой было целых три недели....

Испортила все лицедейка, припечатав:

— Которые твоя жена провела в монастыре! Простив-таки тебе кредит по супружескому долгу.

Илас, не удержавшись, захохотал.

— Один — один, дознаватель. Счет равный.

На эту реплику девушка сделала охотничью стойку, но оба мужчины отвели взгляд и как воды в рот набрали.

После того, как ужин был приготовлен, и все поели (Леш скорее размазывал кашу по миске), решено было держать не военный, но все же совет.

Первым озвучил общую мысль Илас:

— Что будем делать?

У Вассы в голове вертелся ответ, но цензурным в нем были одни запятые.

Вообще ругаться лицедейку учил дедушка... лет в тринадцать. Как — то раз, после обеда, когда послеполуденное летнее солнце дарило теплую ленивую негу счастливым, оказавшимся в тени и нещадно варило тех, кому оной не досталось, старик Хайроллер спросил внучку: «А ты ругаться — то умеешь?». Плетеное кресло мерно раскачивалось, убаюкивая вкусный обед в желудке, и дед пребывал в умиротворенном настроении, сидя на открытой задней веранде дома. Ответ Вассы: «Наверное», — его озадачил. «Так не бывает: или «да» или «нет», — вынес тогда он свой вердикт и продолжил: — вот упадет на ногу тебе молоток. Что скажешь?» Вассария задумалась и выдала: «Мракобес, наверное». Дед опечаленно покачал головой. Девушка решила уточнить: «Что, плохо? Так нельзя говорить?»

Старик долго пыхтел трубкой, прежде чем дать ответ. «Плохо, очень плохо. Как для воспитанной фьеррины, так и для каталы. Потому как фьеррина даже таких слов знать не должна — она же блаагороднааая», — вывел с презрением, протяжно, словно руладу, дед. «А вот та, что выросла в подворотне, не мракобеса вспомнит, а минимум кереметя или нахлест какой покрепче, аж заслушаешься. Поэтому с этого дня буду учить тебя ругаться. Правильно и качественно». Обещание дед исполнил. С того дня у Вассы завелся словарь — узкий и длинный — такие обычны для изучающих иностранный язык школяров продают по две медьки за штуку, слова в столбик с одной стороны страницы, с другой — их перевод. Только вот если бы учитель заграничных словес заглянул в книжечку девушки — очень бы удивился, ибо матерные выражения, идиомы и ругательства Вассария записывала старательно, заучивала, а потом сдавала экзамен деду. Причем старик требовал, чтобы знать она их знала, но в повседневной жизни применять не смела — как — никак он растил благовоспитанную фьерриночку.

Сейчас Вассарию прям — таки подмывало нарушить дедов наказ и озвучить свою версию видения событий. Меж тем Илас, прочертив на снегу, еще пугливым, тонким, только начавшем прикрывать землю, линию сапогом, продолжил:

— Ну с тобой — то, дознаватель, понятно — письма, украденные Вассой в зубы и в столицу — припереть к стенке всердетеля за покушения...

Договорить ему Эрден не дал:

— А ты за меня не решай! Не без моего участия вся эта каша заварилась, значит и расхлебывать тоже не без моего будет. А про всерадетеля: ну предъявишь обвинения, сошлют его, камауру с головы снимут, но через пару лет его преемник развернётся и начнется то же самое. Вы, может, главного не поняли: покушения на моего отца — только макушка пихты, — дознаватель указал пальцем на уличенное в пособничестве всерадетелю вечнозеленое дерево, выросшее на противоположенном краю поляны. — Чтобы не путался под ногами. А главное — подмять под себя всех, имеющих толику магической силы, сделать, если хотите, невидимую армию. Не заметили: в последние годы резко возросло число «ведьм» и «колдунов» среди народа. И обвинять стали просто в волшебстве, не разбирая — мор наведен или рана залечена.

— Я что — то не совсем понимаю, — встряла Васса, — вроде же инквизиция ловит всех, кто обладает даром, и — на костер?

Леш, уже почти задремавший, при ее словах приоткрыл один глаз.

— Изначально инквизиция создавалась не для «отлова» людей с даром, а для того, чтобы все, кто творит чернокнижную магию: порчу ли, мор ли насылает, убийство с применением темных сил — были пойманы и понесли наказание. Для магических преступников, в общем.

Эрден перевел дух, оглядел слушателей, притихших и внемлющих ему, и продолжил:

— Но всерадетель убедил императора, что вся магия — есть ересь и преступление. Поэтому сейчас любой, отличный от других — пособник мракобесов. Это вдалбливалось в людские умы медленно, но постоянно: на ежедневных молебнах, на выходных проповедях, речами и делами проповедников и иже с ними. И фанатики, вроде этого армикопольского инквизитора — яркий пример последствий такой агитации.

Эрдена не перебивал даже язвительный Илас. Васса и Леш и вовсе затаили дыхание, слушая столь крамольные речи.

— Меж тем, как оказывается, наш непрогрешимый Хоганова десница у себя под крылом собирал магов, дрессируя их за монастырскими стенами, как послушных волкодавов, которых в нужный момент можно будет спустить с цепи, крикнув «фас!». Если такое случится, перед хогановой десницей будет бессильная вся армия империи, вся охрана Ваурия 13. Поскольку иных магов, кроме подчиняющихся всерадетелю, просто нет — их сожгут на кострах инквизиции.

— И ты хочешь сказать, что твой отец, великий инквизитор, ни о чем не догадывался? — Илас все же не утерпел.

— Скорее всего даже не просто догадывался, знал. И не раз пытался поговорить о потенциальной опасности с императором.

— И почему не поговорил? — на этот раз поддела дознавателя Вассария.

— Уши великого императора залеплены патокой медовых речей хоганова дланника. Ваурий пригрозил, что если отец еще раз попытается завести об этом разговор — его самого ждет свидание с пеньковой вдовой. За наветы.

— И где искать справедливость? — подал голос Леш и тут же зашелся бухающим кашлем.

Ответить ему никто не успел. Васса в одно движение поднялась. Подойдя к Лешу и положив руку ему на лоб, выдала обвиняющим тоном:

— И что молчишь, что плохо себя чувствуешь. Да у тебя лоб как раскаленная сковородка, хоть яйца на нем жарь.

Не слушая оправдательного блеяния мальчика, задрала подол и начала стаскивать сначала сапог, а потом и шерстяной носок. Эрден с двойным (чисто мужским и дознавательским) интересом наблюдал за процессом. У Иласа интерес был чисто мужской — о том, что девушка ищет каплевидную подвеску, он догадывался, поэтому просто наслаждался видом симпатичной оголенной по колено женской ножки. Леш, не ожидавший увидеть почти перед самым носом начало раздевательного процесса, густо покраснел, икнул и начал отползать, как сидел: пропахивая копчиком снежную целину.

— Сиди, дурень, на месте! Сейчас лечить тебя буду!

— Ннеенадо меня так! Я сам.

— Что сам? — не поняла Васса, справившись наконец с узелком из цепочки, разомкнув его. Девушка подняла все же глаза на успевшего отползти от нее Леша. Парень смутился еще сильнее, когда понял, что дальше лицейка раздеваться не собиралась, а лишь достала кулон отца.

После того, как амулет на Леша надели и укрыли парня не только кафтаном, но и войлочной скаткой, повисла тишина. Каждый думал о своем и все об одном. Бежать, затеряться в толпе? Самое легкое из решений и самое обманчивое. Если поступить так — всю жизнь придется оглядываться, подрываться на новые места, едва запахнет погоней. Да и результаты переворота, а он неминуемо грянет, пусть не с баррикадами, но все же — все смерти, вся пролитая кровь будут на них — знавших, но не пожелавших предотвратить. Выбор между долгом совести и целостью шкуры — бремя тех, чья душа не знает запаха гнили.

Первым нарушил молчание Илас:

— Знаешь, один мой сослуживец говорил: «Жизнь — это дуэль со смертью, и тут главное — не ошибиться в выборе оружия», — и я в роли акинака в этой битве выберу правду. Молчать и бежать, конечно, тоже вариант, но сдается мне, далеко и надолго нас не хватит...

— Правда, — это хорошо, — заметил Эрден, — но одной правды мало. Сказанная в большом зале она разлетится по углам и по умам, раздробится на домыслы и не дойдет до того, кому предназначена.

— И кому же эта правда предназначена? — Васса тоже включилась в диалог.

— В первую очередь Ваурию 13.

— А донести тогда до императора? — Это подал голос Леш, усиленно потеющий под скруткой и выздоравливающий.

— Есть такое понятие «личная аудиенция», — хитро улыбнулся Эрден. — И у меня даже есть план, как ее добиться.

Дальнейший разбор плана походил на бои местного назначения. Илас бил себя кулаком в грудь, доказывая, что фьерриной он больше «в жизни не будет», на что получил ироничное Вассы «а в смерти?». Эрден рисовал схему расположения резиденции, куда прибудет Ваурий тринадцатый. Блондин утверждал, что диспозиция дурна. Дознаватель распалился, утверждая, что не собирается спорить с дураком, иначе опустится до его уровня, а там Илас задавит его своим опытом.

После этой реплики перехода к рукопашной не последовало. Охладил пыл мужчин ехидный комментарий лицейки: «Ваш спор превращается в бесполезную дискуссию: в нем не используются железные аргументы или другие подручные предметы».

Васса же смотрела на рисунки на снегу и ловила себя на мысли, что каждый новый день

люди строят планы на будущее. Но у будущего свои планы, поэтому самое верное в их случае — надеяться на «авось пронесет». Такие думы возникли из-за того, что чем больше Эрден убеждал их, тем отчетливее приходило осознание: ничего более авантюрного в жизни девушки еще не было.

Глава 14

Тонкий аромат блефа

Почему-то думают, что блефовать стоит лишь для того, чтобы создать иллюзию, что у тебя на руках сильные карты. Отнюдь, блефовать стоит всегда, потому как истинное удовольствие от игры — в блефе.

Из мемуаров Хайроллера

Прием — дело хлопотное. А прием в императорской зимней резиденции еще и, до зубовного скрежета, затратное. Казначей ходил по залам попеременно то хватаясь за сердце, то нюхая нашатырь: амарийские розы с длинными стеблями без шипов по злотню за штуку, невесомый газ и шелк по полтора злотня за аршин, вазы из тончайшего бримерского стекла (под конец вечера, наверняка, пары шгук не досчитаются — гости не всегда бывают аккуратны, а претензии им не предъявишь).

Слуги старались вовсю. Веселая гризетка, мурлыча бравурную песенку себе под нос, начищала паркет. Юбки ее были при этом подоткнуты так, что крепенькие ножки оставались доступны мужскому взору, как и щетки, одетые на манер тапок на ступни очаровательной прелестницы. Две, уже умудренные придворным услужением, дородные женщины мыли витраж, изображавший усекновение Змеевича доблестным Улериком — драконоборцем. При этом меч героя, по сравнению с габаритами ящера, напоминал скорее скорняцкое шило, нежели доблестный булат. Но автор шедевра, поправ законы логики, придал морде Змеевича выражение обреченное, а Улерiku — победоносное.

Казначей недовольно покачал головой. Он был реалистом, и прекрасно понимал, что в таком сражении победа достанется никак не человеку. Хотя легенды говорили иное... Но легенды ведь зачастую придумывают, чтобы облагородить историю. Скорее всего, ящер был размером не больше теленка, раз его сумел победить один рыцарь, но доблестному герою не пристало сражаться со злом мелким... это как — то не солидно. Вот и подрост Змеевич, при пересказе из уст в уста.

Меж тем в дверном проеме на противоположенной стороне зала показался распорядитель грядущего торжества. Казначей поспешил убраться, дабы этот попрошайка не взялся выклянчивать очередную сумму на «чрезвычайно важное и непомерно необходимое». Хранитель императорских богатств сгорбился еще сильнее, втянул голову в плечи и, прикинувшись фикусом, что стоял в кадке неподалеку, начал отступать к выходу. Стратегический маневр был замечен, и разодетый распорядитель бойцовским петухом налетел на несчастного казначея.

— Герр Арисмундий! Вы — то мне и нужны. Для торжества необходимо закупить еще свечей, а то посольство этих мракобесных веремов, прости Хоган, больно уж свет любят, не напасешься на них! И свечи требуют в покои непременно воска самой высокой очистки, чтобы не коптили. — Распорядитель весь бурлил, как кипящий на плите котелок.

— Составьте прошение со сметой, я рассмотрю! — сухо ответил казначей.

— Герр Арисмундий, помилуйте, какое прошение! К вечеру уже посольство должно

будет приехать, а у меня работы непочатый край. Еще и писульки составлять? Увольте!

— Смету, смету, я сказал! — казначей отгородился от наседавшего на него распорядителя тонкой папочкой с бумагами, которую до этого держал под мышкой, как щитом.

Его противник по словесному бою словно и не заметил данного жеста и, выпятив грудь, пошел на таран сухонького герра Асмундия. Казначей начал пятиться, но монетных позиций не сдавал, душой радея за каждый грош.

— Герр Арисмундий, я требую! Его императорское величество дал четкие указания выделить из казны запрашиваемую сумму для устройства приема по высшему уровню!

— Только через бумагу! — казначей рачьей поступью наконец — то добрался до выхода и, вдохнув поглубже, гордо распрямил плечи: — А теперь разрешите откланяться, у меня срочные дела.

И, пока распорядитель не успел вставить ни слова, развернулся на каблуках и припустил по коридору. Этот финансовый бой был выигран, но впереди стояло сражение за смету праздничного стола.

Меж тем, его императорское величество, Ваурий тринадцатый, и не подозревая, какие баталии развернулись в малом приемном зале, размышлял о гостях, к приему которых дипломаты обеих держав готовились не один год.

Веремея — государство сопредельное, маленькое, но гордое. Подмял бы император уже давно всю их гордость под обода великой державной армии, но мешали земли, которые населял веремский народец. Непролазные топи, чередующиеся с лесами. В них вязла конница и пехота, лучникам негде было развернуться: в ельниках и ивняках много ли настреляешь, когда ни противника толком не видать, ни стреле прямо пролететь? А за каждой кочкой ждут дружественные силки, или бочаги, замаскированные плавуном под полянку, распахивают свои объятия. Меж тем через Веремею пролегает кратчайший путь к восточным морским воротам.

Пробовал идти войной Ваурий, два раза пробовал, а толку чуть — пройдет войско маршем, по колено в грязи не приняв ни одного сражения, растеряв по болотам половину солдат. Объявит Веремею взятой, оставит гарнизоны да остроги из самых невезучих и вернется. На следующий год поедут обозники за данью, а собирать ее не с кого — остроги пусты, гарнизоны и заставы выжжены стоят посреди болот и ... никого.

Иногда императору Ваурию казалось, что эта маленькая болотистая Веремея — бездонная яма, в которую сколько ни кидай солдат и средств — все равно не наполнится. Вот и пришлось идти на мировую, посольство это хвостато — ушастое.

Ваурий был замечательным политиком — не умный, но мудрый — ровно настолько, чтобы разобраться, когда его пытаются обокрасть министры, и в меру глупый, чтобы не ввязываться в интриги, которые подданные плели неустанно. И что примечательно, правитель умел соблюсти грань между делами государственными и постельными, что весьма печалило его фавориток. Ведь каждая из них, сменив свою предшественницу, считала, что она-то обязательно сумеет если не стать шеей его величества, то уж влиять на его решения будет точно. И каждая, получив отставку, убеждалась в своем глубоком заблуждении.

Правитель еще раз вздохнул, и, скинув халат, звонко щелкнул пальцами. Из — за распахнувшейся двери споро выбежали несколько слуг и без лишней суеты и подобострастия ловко начали одевать своего господина. В дверь поскреблись. Выразительно так, с

интересом.

— Кто? — повелительно и надменно любопытствовал Ваурий.

— Ваш покорный слуга, — подобострастное сопение вызвало у императора легкое раздражение.

— Ну входи, хоганов дланник. С чем сегодня?

Надобно заметить, что всерадетель порою раздражал Ваурия. Особенно в последнее время, когда хоганов слуга весь покрылся струпьями, ссохся и словно бы начал загнивать изнутри. Сам божий пастырь объяснял эту напасть проклятьем зело могучим, наложенным на него мракобесей колдовкой. И оную, несмотря на все его увещания, не может изловить честная инквизиторская братия. Правда, десница умолчал о том, что к поискам активно подключились и носители слова хоганова. Но беглая ведьмовка была как пресловутый веночек на похоронах, который подчиненные почему-то никак не хотели поймать... или просто не могли?

— Да все с тем же чаянием, батюшка наш, все с тем же... — подобострастие шло всерадетелю, как корове седло, а его лебезение напоминало ритуальный танец волка — вегетарианца, которому опротивела ботва, а полакомиться чем — то посущественней идейные убеждения мешают. Всерадетельским догматом было убеждение, что, даже если имеешь заведомое преимущество, то показывать это не след. Поэтому и разыгрывал он верноподданнические чувства перед императором.

— Негоже нам, хогановым чадам, якшаться со звериными отродьями. И были бы они хоть облику благообразного, но нет: уши острые, словно у волков лютых, хвосты эти же мракобесьи... а сколько честных воинов в их землях полегло?

Ваурий слушал причитания всерадетеля, в то время как молчаливые слуги маскировали его лысеющую макушку монаршим венцом, и размышлял, что сколь бы ни был лично ему неприятен этот человек, но он — владетель умов человеческих, наверное, даже в большей мере, чем официальный правитель. Ибо власть духовная порою сильнее власти закона, и с этим приходится считаться.

Император уже давно оценил силу влияния церкви и понимал, что смещение, а тем паче казнь нынешнего всерадетеля может зародить смуту и волнения в умах людских. Мятеж, конечно, будет подавлен, но брожение — вернейший способ пошатнуть как монархию, так и неприкосновенность границ. Поэтому — то, хоть и внимал он донесениям великого инквизитора, но все ж таки решительных шагов не предпринимал.

Всерадетель же, поняв, что его чаяния не возымели успеха, укоризненно замолчал.

— Твое мнение я выслушал. Можешь быть свободен, — императору надоел визитер, о чем он явственно сообщил, и хоганов дланник поспешил воспользоваться возможностью удалиться.

***

Вассария чувствовала себя еретиком, которого пытаются впихнуть в «железную деву», так любимую некоторыми палачами. Клеть из стальных обручей, вшитых в чехол из ткани. Кто придумал назвать ее вердугадо? Нижняя юбка, словно здоровенный церковный колокол — такая же объемная и неподъемная, пристегивалась к лифу, что вклинивался своим острым мысом в волны ткани, словно киль фрегата в морской вал. Лиф же настолько сильно сдавливал ребра, что любой вдох казался девушке сущим мучением.

— Потерпи еще немного, — Эрден с силой затянул шнуровку и застегнул сверху

фиксирующий крючок. — Все.

Илас, участвующий в процедуре одевания в качестве стороннего зрителя, критически осмотрел платье, которое полагалось надеть поверх вердугадо и корсета.

— Не влезет. Затягивай сильнее! — его вердикт вызвал сдвоенный стон и палача, и еретички.

Леш, хрупающий яблоком в углу, от комментариев воздержался.

— Ты уверен, что это лучший план? — Васса попыталась отговориться от сомнительной участи быть расплющенной корсетными ребрами.

— Не лучший, а единственный, — поправил Эрден, берясь вновь на шнуры корсета, как кучер за вожжи. — Поехали, выдох!

Илас, засучив рукава рубашки, подошел к дознавателю:

— Давай вместе!

Мужчины в четыре руки начали шнуровку по новой. После того, как результат работы был зафиксирован, и Вассе вновь разрешили дышать, с первым же глотком воздуха девушка выдала прямую цитату из приснопамятной книжки. Общий смысл сказанного был примерно: чтоб вас ... на... в, и между...

Мужчины, не ожидавшие столь бурного выражения благодарности, опешили, Леш аж подавился яблоком и зашелся кашлем, на этот раз исключительно гастрономического свойства.

Илас, отойдя чуть подальше (для лучшего обзора и безопасности — вдруг лицедейка решит помимо слов благодарности еще какую-нибудь увесистую награду преподнести, в виде метко пущенного ночного горшка, например), изрек:

— Теперь влезет.

Блондин слегка переоценил возможности девушки: наклоняться Васса теперь не могла, как и нормально дышать. Вытянув руки вперед, она шагнула в верхнее платье, которое мужчины услужливо распахнули перед ней. Целомудренная шнуровка на спине переходила в ряд потайных крючков на юбке. Клеть, железная клеть с бархатным чехлом, внутри которой живой человек. Передвигаться в такой — большое искусство, а делать это изящно — умение, отточенное веками, передаваемое по наследству через голубую кровь. Васса об этом слышала, но все прелести великосветского наряда прочувствовала на своей шкуре только теперь. Девушка с завистью посмотрела на то, как споро одевались мужчины: Илас поверх рубашки накинул жилет и камзол, Эрден же и вовсе ограничился парадной овертуникой, правда, расшитой золотой нитью. Леш, облаченный в тапперт, лишь накинул капюшон.

— И мы вот так просто заявимся в зимнюю резиденцию, на прием? — лицедейка была полна сомнений.

Илас тоже чувствовал себя неуютно, учитывая то, что за ним, благодаря чаяниям отца, велась охота по всей империи.

— Ну, во — первых, мы идем не совсем на прием. Наша цель — личная аудиенция у его императорского величества Ваурия. И, в отличие от голословных обвинений в адрес всерадетеля, у нас есть свидетели, — Эрден кивнул на Леша, — а также доказательства — письма и кулон. Ваурий должен будет что — то предпринять.

— Ну, да, отправить нас на эшафот, — проворчал Илас.

— А ты предлагаешь всю жизнь провести в крысячьей норе? — морозный голос Эрдена отрезвил начавшего закипать блондина, но Илас просто так не сдавал позиций:

— Это нам бегать. Ты — то чистенький... иди, живи, как и прежде.

— Не могу.

— У дознавателей есть совесть, которая гнетет?

— Нет. Просто нужно либо разрубить этот узел, либо постепенно всерадетель затянет свою удавку не только на наших шеях, но и на всей империи с Ваурием во главе.

— Значит, эшафот, — обрубил Васса, загасив уже не в первый раз начавшийся спор. Оппоненты оного перебрали все аргументы, вплоть до кулаков: в тот раз победил Эрден, но фингал сошел быстрее у Иласа.

Друзья, больше не говоря ни слова, вышли из комнаты и направилась по лестнице к выходу.

В честной город Эфоп четверка путников прибыла накануне вечером, пройдя с две сотни лин по лихославскому тракту, и расположилась в одном из трактиров средней руки. Не бедняцкие кварталы, но и не элитная ресторация с номерами. В таких местах останавливались солидные обозники, купцы, вельможи с маленьким титулом и не сильно толстым кошельком. В общем, публика не изысканная, но и не дно нижнего города. В оную весьма успешно влился и прибывший квартет.

Карета, запряженная четверкой гнедых, уже ждала друзей, таких разномастных, но бесхитростных в своем стремлении. Вассария, вышедшая на крыльцо последней, окинула спутников взглядом. В голове девушки невольно промелькнула мысль: «Она — словно бубновая, многоликая дама, Леш — юркий, неискушенный валет, Илас — горделивый король, смотрящий на все происходящее в профиль, с надменной уверенностью, Эрден — туз, который един в двух лицах: может быть и единицей и одиннадцатью. Не хватает только десятки, и будет роял флеш, наивысшая из комбинаций. Причудливо судьба тасует колоду карт из людских судеб, однако...»

Кучер, и не подозревавший о том, какие думы посетили прелестную головку юной фьеррины, лениво лужгал семечки, но как только услышал, куда нужно доставить постояльцев, лихо взмахнул кнутовищем и, описав широкую дугу в воздухе, ударил по лошадиному крупу в оттяг, подгоняя то ли себя, то ли лошадей пронзительным свистом. Кони понесли с места, и карета полетела вперед, подскакивая на ухабах ошалелым зайцем.

Возница торопился: прием должен был начаться через две свечи, а это значит, что на площади будет не протолкнуться от карет, если он хоть чуть замешкается в дороге. Попадешь в этакую толчею — больше ни гроша за вечер не заработаешь. А у него еще два заказа: не все знатные — благородные могли себе позволить содержать собственный экипаж. Некоторые семьи (в основном проигравшиеся или спустившие все состояние и жившие в долгах, как в топком болоте, из которого не выбраться, как ни пытайся) арендовали кареты на выезд. Вот и торопился молодчик, свистел кнутом, понукая псевдогнедых. На самом деле лошади были разной масти, но хозяин решил их покрасить в один колер для пущей важности и «респекту».

Вассария, едва успевшая сесть, от столь резвого старта не удержалась на сидении и упала бы, не подхвати ее вовремя Эрден. Дознаватель прижал девушку чуть крепче, чем этого требовалось для простой помощи.

— Кажется, скоро я приобрету недурственное умение ловить тебя в карете, — промолвил он с печальной усмешкой.

Девушка поймала себя на мысли, что хотела бы видеть на его лице не такую улыбку, сплюсненную и помятую, а просто радостную, счастливую. Просыпаясь в постели, вдыхать аромат, его аромат, в котором тонкие нотки кедра перемежались с запахом корицы, едва уловимые, но такие... свои, родные? Когда они успели стать такими? И, главное, почему? Не

тогда, когда Эрден спас ее от летящего ножа, пущенного одним из шайки шулеров в таверне при их первой встрече, и не тогда, когда помог улизнуть из-под носа отчима. Вассария перебирала воспоминания, как бусины на четках, в попытке определить ту самую точку не возврата чувств. И поняла: ощущение, что Эрден — именно ее мужчина, пришло тогда, когда он разрешил ей расправить крылья, взлететь, поверить в себя, пусть и ввязавшись в эту авантюру со всерадетелем. Ведь даже самой себе Вассария боялась признаться, что больше всего она опасается потерять свободу. Для девушки не было страшней тюрьмы, чем та, чьи стены слагают самодурство, власть и непоколебимое слово мужа, который даже не пытается ее понять. А Эрден... с ним было легко, он словно понимал каждое слово, которое она не сказала, оберегал ее, но позволял летать.

«Жаль, что это наш последний вечер...», — не мысль, скорее ощущение, чувство, которое накрыло девушку штормовой волной, не вытеснив действительности, но позволив взглянуть на все со стороны. В то, что им удастся задуманное, Лицедейка верила. Но какой ценой? Политика и религия — это две крайности одной сущности, суть которой — верав идеальный мир, и за эту веру в идеал готовы убивать и заковывать в кандалы несогласных. Они ввязались в эти игры. Сначала по принципу: если не сопротивляешься — то умираешь, а теперь... оставить все как есть, дать хитроумному плану всерадетеля осуществиться... даже самый мирный переворот не совершить в белых перчатках — слишком плохо с них отмывается кровь. И Вассария понимала: падет Ваурий тринадцатый — падет империя, и будет война, разрушение, голод. Лицедейка задала себе вопрос: «Сможет ли она дальше спокойно жить, зная, что у нее был шанс все это предотвратить?» И ответила сама себе же: «Сможет». Только это будет уже не она.

Девушка не сомневалась, что каждый из сидящих в карете так или иначе для себя решил эту дилемму: «Бежать или сражаться?». И если их по-прежнему четверо, значит... что же, эшафот — трон, на который восходили короли и нищие, разбойники и искатели правды.

Если, чтобы император услышал и предотвратил, нужно заплатить такую цену... говорят, у древней богини победы веремцев — Ирсиры — тоже не было головы...

Вассария, погруженная в себя, и не подозревала, какие мысли бродят в головах ее спутников. Эрден с по — зимнему холодным, безучастным лицом наблюдал в окно кареты за улицей, по — вечернему суетливой своей обыденной серостью. Дознаватель с радостью схватил бы Вассу в охапку и, развернув карету, умчал далеко. Затерялись бы в безликой толпе так, что ни одна ищейка не найдет. Но клятва, которую он дал... Слова, что связывают. Их произносит перед началом службы каждый из стражей закона. Эта клятва обязала служить верой и правдой, не щадя живота своего, отчизне. Слова на крови держали крепко, не давая ни мыслями, ни делами, ни молчанием, ни промедлением навредить империи. Поэтому Эрден понимал — счастья побег не принесет. Клятвы, они такие — сжигают преступивших их изнутри: кого за считанные часы, кого за месяцы. Рано или поздно финал один — смерть.

Илас сидел с закрытыми глазами. Почти спал... с прямой, словно черенок от лопаты, спиной. Ему осточертело все и вся. Интриги, погоня, ожидание болта в спину и улюлюканье загонщиков. Тех, кто охотились за его шкурой. Ему даже захотелось вернуться в пограничье. Там проще: есть враг, его надо убить. Иначе умрешь сам. Просто. А здесь... надоело бегать.

Спроси кто мнения Леша на сей счет, он бы призадумался, что ответить. Крепко... и промолчал. Месть, с зубовным скрежетом гнавшая его по чащобам, угасла, распылилась, затерялась под гнетом новых впечатлений. Он ехал в карете не потому, что так надо было

лично ему. Просто не мог бросить товарищей.

Не снижая скорости, карета по большой дуге обогнула угол дома и, вильнув запятками так, что вылетевшая из — под колес грязь окатила незадачливых (в смысле не справившихся с задачей увернуться) прохожих. Еще квартал, и экипаж стремительным фрегатом ворвался в площадную толчею. Многие прибывали на прием загодя, поэтому чаяния кучера, обойтись малой кровью и успеть, не оправдались. Он зло сплюнул, костеря про себя как коллег по цеху, так и их хозяев, да и самого Ваурия заодно, вздумавшего назначить «ассмамбилею», как ноне модно говорить.

**

Резиденция его императорского величества Ваурия тринадцатого жила радостным предвкушением. Прием иноземцев. К нему начали готовиться загодя. Дипломаты — за несколько лет, слуги — за месяцы, а личный помощник всерадетеля — в день приема.

За две свечи до полудня герр Климерус, верный слуга и помазанник всерадетеля, в сопровождении еще двух лиц духовного сана и нескольких стрелков, прибыл к городскому секретарю Аросарию с целью забрать у того ключи от всех комнат и служебных помещений зимней резиденции его императорского величества Ваурия тринадцатого. Внушительный ларь с оными был ему предоставлен в обмен на свиток, заверенный печатью хоганова дланника. Перебирая доставшееся богатство, Климерус отметил и лоснящиеся желобки, которые заботливый секретарь баловал маслом, и кожаные ярлыки, коими был снабжен каждый ключ. Пояснение, выведенное на дубленом куске, должно было помочь отличить требуемый от его железных собратьев.

С этого мига на плечи герра Климеруса ложилась тайная охрана зимней резиденции, а также всех ворот и аллей, примыкающих к ней.

Спустя свечу явился тот, кого герр не любил, но без чьей помощи ему сегодня было не обойтись: Мармос — человек, весьма далекий от хогановых заповедей, нахальный, а порою даже глупый. Но тем, кто оказался на его пути, оставалось только молиться. За это его свойство Мармос и был приближен к себе всерадетелем. Умение этого бандита в рясе выполнять самые грязные поручения быстро, точно и в полном соответствии с приказанным, даровало ему, помимо духовного сана, еще и богатство.

Мармос явился с сотней стрелков, которых сейчас же расставил в резиденции: у дверей, вдоль аллеи, на расстоянии полета стрелы, и даже на балконах и в эркерах. Через свечу прибыли две роты: одна имперская, как принимающей стороны, другая веремская. Стражи с этих двух сторон напоминали глухарей на току: выпячивали грудь колесом, демонстрируя отменную выправку, сверкали до блеска начищенным оружием и парадными мундирами. Синхронностью своих маневров они привели бы в восторг императорского балетмейстера. Заняв отведенные им места, они замерли соляными статуями. Теперь у каждого входа было трое: хоганов ставленник, представитель великой и могучей империи и веремец.

Последний отличался, помимо формы мундира, от двух своих коллег еще и изрядной остроухостью. По слухам, ходившим в империи, болотный народец был «благодетельствован» сим даром, как и длинным тонким, словно у крысюка позаимствованным, хвостом от щедрот самого Кереметя. Веремцы же гордо утверждали, что это благодать, ниспосланная им именно Хоганом. Потому как уши не просто удлиненные и острые, а еще и слышат не чета человеческим. Хвост же вообще вещь полезная, особенно если выбраться надо из болотной топи или что умыкнуть, а руки заняты. Сейчас эта

«полезная вещь», обвитая вокруг ноги веремца, весьма нервировала двух стражников-людей.

***

В ту свечу, когда зимнее солнце клонилось к закату, в резиденцию начали прибывать первые гости. По мере того, как они приходили, звучал глухой удар, причиной которого был жезл церемониймейстера. После этого раскатистый голос статного слуги, сверкающего позолотой парчовой вышивки, озвучивал имена знатных визитеров.

Мариция Ренару, прибывшая в сопровождении батюшки ровно во столько, чтобы ее появление не прошло незамеченным, но без опоздания, ибо последними должны войти веремские послы, была встречена со всеми полагающимися ей почестями. Злые сплетники, не боясь натереть мозоль на своем рабочем органе, все еще обсуждали расстроившуюся помолвку одной из богатейших невест в империи. Многие сходились во мнении, что Илас Бертран в высшей степени идиот. Невеста была загляденье: фабрики, мануфактуры, корабельные верфи, земли, даже титул... Опять же не старуха — наследников родить может. Что еще нужно? А лишних семь пудов... ну и что с того? Муж простынкой лицо прикроет, да и заделает отпрыска.

Впрочем, это были суждения в основном умудренных опытом кумушек. Юные же сплетницы, в пышных кринолинах и с яркими веерами, хитро обстреливали взглядами Марицию, изысканно зубоскаля над тем, что никакие богатства мира не помогут приманить к такой... кхм... бригадине кавалеров.

Фонарики на улицах и площадях зажгли уличные фонари, ветер рассказывал в подворотнях заунывную зимнюю балладу, а в резиденции императора, послов и гостей, вблизи буфета со столовым серебром, ожидала легкая закуска, тщательно охраняемая тремя стражами.

Сей легкий перекус представлял собой нарезку тонких ломтиков буженины, в кокетливом стеснении прикрытых укропными веточками, сыров благородной плесени и совсем свежих, сочащихся молозивом, и еще с внушительными дырами, будто прогрызенными зело прожорливой мышью. Выпечка манила своим ароматом, кляр, обволакивающий рыбу, копченые куриные грудки, фаршированные воробьи и томленные в горшочках лягушачьи лапки (эта пакость, приготовленная лучшим имперским поваром специально, чтобы уважить послов, была особой кулинарной гордостью) — все это соблазняло, притягивало и обещало неземное наслаждение тому, кто вкусит сии яства. Охрана давилась слюной, но стоически терпела.

Зал, полный именитых гостей, пребывал в томительном ожидании. Наконец раздались громкие крики и гул — это король вышел на балкон приветствовать людское море, колыхавшееся на площади, сменившее кареты, которые заполняли пространство меньше двух свечей назад. После царственного взмаха Ваурий тринадцатый скрылся в резиденции и церемониймейстер, звонко ударив жезлом, объявил:

— Его императорское величество Царь Полонский и Великий Князь Урмарский, Император великой Лиссуронской империи Ваурий тринадцатый, — и на одном дыхании продолжил: — И ее величество, императрица Мэринариэ.

После этого, буквально на одном вдохе, были перечислены все четверо императорских отпрысков с указанием всех регалий и титулов каждого.

Ваурий шествовал к трону. Невысокого роста, слегка полноватый, он имел магнетическое свойство — владеть толпой. Склоненные головы, почтительные поклоны и реверансы. И тишина, в которой отчетливо слышен каждый шаг императора. Шелест юбок,

идушей чуть поодаль императрицы, лишь подчеркивал подобострастие, витавшее в воздухе.

Наконец пустовавший до этого трон обрел своего законного хозяина. Дирижер, дождавшийся царственного кивка, в какой — то невероятной неистовости взмахнул рукою, и музыканты дружно грянули гимн. Первые звуки которого разнеслись по залу громовым раскатом.

При последних звуках музыки император махнул рукой, словно давая позволение «вольно». И море гостей ожило напускной непринужденностью. Многие придворные заметили, что император был чем — то озадачен.

Всерадетель же, незримо как просочившийся вслед за венценосной четой, напоминал весеннего грача — отощавшего, потрепанного дальним перелетом и зимними ветрами, и настороженного.

Инквизитор, наоборот, был приветлив и по — напускному оживлен. Эти два старых лиса оба нутром чуяли: сегодня грядут перемены. Добрые или худые? Если учесть, что все перемены начинаются с разочарования, им же и заканчиваются, ответ напрашивался сам собой. Стабильность же вещь ценная, нужная, но хрупкая. Именно поэтому был жив всерадетель. Именно поэтому инквизитор копал исподволь, не действуя в открытую, и именно поэтому Ваурий тринадцатый восседал на троне, а не на баррикадах, отбиваясь от магиков, идущих на штурм резиденции.

Перевороты бывают часто. Гораздо чаще, чем обыватель мог бы себе вообразить. Только тихие, именуемые преемственностью, видны они не сразу и не большинству. Всерадетель был умен и понимал, что баррикады позволяют влезть на трон, но не удержаться на нем, а он планировал именно удержаться у власти. К тому же, на революцию нужны деньги, потому как трезвые подпольщики брать резиденцию императора не станут. А посему, хоганов дланник тщательно, уже много лет, готовил империю и императора к таким условиям, при которых любой шаг как самого властителя, так и его армии будет заведомо проигрышным, и Ваурию не останется ничего иного, как стать монархом, который царствует, но не правит. Император передаст всю реальную власть в руки хоганова пастыря, а со временем и императорские регалии... лет через пять, когда в умах всех граждан воцариться мысль, что всерадетель априори важнее Ваурия.

Но что — то подсказывало прожженному интригану в рясе — сегодня над его многолетним планом нависла угроза. Какая? Да он и сам не знал, но верную охрану поставил, уравновесив силы дознавательского отдела, гвардейцы которого традиционно отвечали за безопасность на приёмах такого толка.

Наконец со стороны площади раздались умеренно громкие крики и гул приветствий — это посольство веремцев подъезжало к императорской резиденции.

Следуя протоколу, городские старшины в суконных хламидах, в сопровождении восьми дознавателей с факелами в руках, вышли, дабы встретить прибывших. Старшина торгового сословия, прокашлявшись, произнес приветственную речь и пригласил следовать веремцев за ним в саму резиденцию.

Для него высокие, тонкокостные и светловолосые гости показались все на одно лицо. Люди как люди, только светлые больно... Ну остроухие, ну с хвостами — не с рогами-копытами же и нетопыриными крыльями. В Хогана верят опять же, да и дела вести с ними можно — не обманывают, цену честную за меха дают, товар хороший, качественный везут.

А то, что бледные — может, это их знать только такая? Наши вон, благородные фьеррины ноне тоже все, как одна, что вешний снег — пьют уксусу, да белил на лицо

наносят: мода пошла такая. А лица баб деревенских, что у бронзовых статуэток, даже по зиме... солнце оно такое — метит тех, кто поты под ним льет.

Делегацию веремцев повели по тому же парадному проходу, по которому недавно шествовала вереница гостей.

***

Свечой ранее, парадный вход в зимнюю императорскую резиденцию.

— Веди себя, как подобает великосветской фьерре. — Эрден был внешне спокоен, даже скучен. Маска уставшего от жизни повесы была ему не внове. Но Васса чувствовала, что за этим фасадом скрыт шторм.

— Понятие «великосветскости» весьма растяжимо...

— Будь изысканно — вежливой су..., — в последний момент дознаватель все же сдержался, — которую хочется придушить, но повода найти не можешь — потому как такая гадости произносит с безукоризненной вежливостью и с соблюдением всех норм этикета.

Илас хмыкнул:

— Самая точная и краткая формулировка придворных хищниц... надо запомнить.

Леш, узнавший о фьеррах и фьерринах, а так же о благородных геррах за последнее время больше, чем за всю предыдущую жизнь, дал себе мысленный зарок: если выживет, будет ухаживать за девушками исключительно неблагородного происхождения: мороки, как понял он из рассказов Иласа и Эрдена, с ними в разы меньше. Характеристика высшего света, выданная только что дознавателем, была еще одним подтверждением в копилку лешевой теории касемо слабого полу.

— Итак, готова? — дознаватель хитро прищурился.

— Нет.

— Не суть важно.

Дверца кареты распахнулась, кучер привычным жестом разложил подножку, помогая выбраться мужчине. Дознаватель не вышел, выпрыгнул и подал руку своей спутнице, которая тут же раскрыла веер, закрываясь им на манер щита от любопытных взглядов зевак.

Надвинутая Иласом по самые брови шляпа была призвана сослужить ту же службу, что и веер девушки. Лешу колпак было натягивать совершенно без надобности — его карандашный портрет не числилось в дознавательской картотеке, но парень решил, что лучше уж побережься, не надеясь на Хогановы милости.

Парадные дворцовые ворота. В них въезжал только экипаж с императорскими особами. Остальным смертным предлагалось пройти путь в сто локтей пешком. Именно здесь через свечу остановится делегация веремцев. Иноземцы спешатся, приветствуемые старшинами

Пока же парадный конвой и распорядитель торжества лично встречают всех прибывших, сверяя списки и лица.

— Эрден дис Антер, — дознаватель не любил бравировать именем отца, но ныне ему непременно надо было попасть на прием, поэтому он добавил, уточняя (хотя какая может быть путаница с родней великого и ужасного), — сын главы инквизиции Люциануса — Виргилия — Мориэрта дис Антера.

— Простите..., — распорядитель замялся, подбирая формулировку для отказа. С обеда, после того, как он побывал на аудиенции у всерадетеля, мужчина молился Хогану лишь об одном: чтобы младший из рода Антеров не пришел.

Встречающий гостей прекрасно знал, кто стоит перед ним, как знал и то, что

всерадетель действительно просил не пускать одного мужчину на прием ни под каким предлогом... но попробуй не пустить далеко не последнего дознавателя в империи, да еще, будь он не ладен, сына великого инквизитора?

Меж тем Вассария, на мгновение опустив веер и кивнув очаровательной головкой в сторону распорядителя, лениво — томным голосом осведомила у Эрден:

— Дорогой, его ждет дыба или костер? — точь — в-точь повторенные слова армикопольского инквизитора (благо лицедейка не знала, кого в данный момент цитирует) и здесь возымели успех.

Обильная испарина, словно распорядитель был ведром, наполненным колодезной водой в жаркий полдень, свидетельствовала об усиленной работе мысли сей многострадальной головы. А точнее о том, что лучше: быть сожженным, растянутым или подвергнуться анафеме? Решив, что с последней он как-нибудь да проживет, а вот без головы — туго придется (что в дознавательском, что в инквизиторском отделе век его навряд ли будет долгод), распорядитель решил пожертвовать бессмертием души во благо смертного, но живого тела.

— Ппппоожалуууйте..., — заикаясь выдал он, даже не удосужившись осведомиться об остальных спутниках мужчины. Какая разница, кто они, если Антера он уже пропустил? И больше особо не вникая в гостевой свиток, распорядитель мысленно начал составлять список вещей, необходимых для комфортного побега.

Меж тем четверка продвигалась к намеченной цели. Шаг, второй... две шеренги гвардейцев. Мундиры серых тонов с красной перевязью... эти из дознавательского департамента.... носящие серые мундиры не выстрелят в спину, но что будет там, за призывно распахнутыми створками дверей резиденции? Эрден мог поклясться сейчас чем угодно, что сюрпризы судьбы будут для них отнюдь не приятными.

Зимняя резиденция не была самой большой, но, тем не менее, ее скромное величие завораживало. Вошедших гостей встречала радушной хозяйкой парадная лестница. Два ее рукава ниспускались по бокам от центральной галереи, в коей оказывался всякий входящий. Причиной столь оригинального расположения лестницы стала арка, располагающаяся аккуратно в том месте, где лестница раздваивалась. Беломраморные перила, словно короновавшие подъем, призывно алеющая ковровая дорожка, — они заманивали гостей подняться выше, дабы, пройдя через анфиладу, попасть сначала в гербовый, а затем и в посольский зал, где собственно и долженствовал состояться прием веремцев.

Занятные и не очень вельможи, благородные и казавшиеся таковыми дамы медленно текущей рекой плыли по красному лестничному руслу. Вассария, невозмутимая, как мраморная статуя, царственно под руку с Эрденом двигалась в ритме этого потока.

— Как зайдем в анфиладу, будьте настороже, — не шепот, шуршание осенней листвы. Тем не менее, предостережение Эрдена было услышано всеми.

Вассария придержала рукой юбку чуть дольше, чем это следовало после того, как подъем был закончен (если придется бежать, не нужно будет тратить время на то, чтобы приподнять подол). Илас, вдохнувший, да так и не выдохнувший дворцовый воздух. Эрден, в руку которого скользнула маленькая метательная звезда, неопытным наблюдателям кажущаяся то ли аляповатым орденом, то ли еще какой ювелирной ерундой. Леш, озирающийся по сторонам.

Все произошло быстро, четко, пролетев в один миг, словно болт, выпущенный из арбалета. Васса, которую незримо-кто дернул за локоть, в тот момент, когда она под руку с

Эрденем проходила мимо одной из ниш, что архитекторы прошлых эпох так любили размещать в коридорах. Те, кто похищал девушку, действовали наверняка, схватили и дернули, ни мало не заботясь о сохранности ее руки. Им был дан приказ: разъединить пришедших любой ценой. Если бы лицедейка вцепилась в руку ухажера, рубанули бы акинаком по руке, отсекая. Так что Васссария осталась в неведении, какая участь ей грозила, окажись реакция ее, или ее спутников чуть проворнее.

Звук задвигаемого засова. Четыре пары рук подхватили девушку, споро заткнув рот, и потащили по темному узкому проходу, впрочем, быстро закончившемуся.

Все произошло настолько быстро, что ни Илас, ни Эрден не успели удержать девушку. Темнота скрыла ее в один миг. Дознаватель, не раздумывая, ринулся за ней, наплевав на первоначальный план. Погибнуть сам он был готов, но, как оказалось, не готов был пожертвовать ради высшей цели Вассой. Проникнуть в тайных ход дознаватель не успел, плечом впечатавшись в дубовые брусья.

Илас, беззвучно повторивший маневр Эрдена, налетел на него сзади.

— Сможешь открыть? — не вопрос, приказ.

Лешь кивнул головой и закрыл глаза. Металл, железными полосами обхвативший засов откликнулся на зов парня, сдвигая деревянный остов в сторону.

Дверь, массивная, дубовая, нехотя открылась, движимая железными петлицами.

Эрден нырнул в темноту прохода, а за ним и Илас с Лешем.

Для пары напыщенных баронов, идущих в некотором отдалении следом и увлеченных светскою беседою о непомерности запросов черни, произошедшие с четверкой так и остались незамеченным.

Вассу протащили через узкий переход, за которым сразу оказалась зала, где похитителей уже ждало подкрепление. Девушка отчаянно сопротивлялась, вырываясь и кусая все подряд. Она остервенело вцепилась в грязную ладонь одного из похитителей, пустив кровь из оной. Когда тот взвыл от боли, на мгновение убрав длань, девушка попыталась закричать. Лицедейку тут же одарили оплеухой и заткнули рот, но до этого момента она успела продегустировать парчу чьего — то камзола, льняной рукав рубашки, а так же запястье кого-то из похитителей. После того, как кляп во рту жертвы был надежно зафиксирован, а ее брыкающиеся ноги подхвачены, впрочем, как и руки, похитители с утроенным энтузиазмом ринулись дальше, лишь бросив напоследок:

— За нами идут, прикройте!

Ее стремительно потащили через залу, и теперь трепыхающееся подвешенное в воздухе тело больше весомого урона нанести не могло. Двое держали ее ноги, двое руки и лицедейка чувствовала себя пресловутыми носилками, груженными опадом, которые шустро таранят на вынос старательные дворники. Девушка лишь отстраненно отметила, что ее наряд сейчас доставляет больше неудобств в транспортировке, нежели заключенная в нем добыча.

Шум драки и сдавленный мат за спинами похитителей подействовали на них не хуже горна, знаменующего атаку. Они удвоили усилия по переносу. Васса утроила усилия по попыткам высвободиться.

Выскочив из тайного перехода, что связывал анфиладу с малой залой, мужчины нос к носу столкнулись с пятью лицами, теоретически духовного сану. Из духовности на них были Хогановы знаки: круглые бляхи, внутри которых был вписан символ творца — именно такой носили все божьи дланники, в остальном проводники слова хоганова на земле были больше

похожи на мастеров плаща и кинжала. Последних у каждого на поясе имелось аж два. Это не считая анеласов, что были так удобны для боя в закрытом пространстве. Данное свойство этого холодного оружия тут же было с успехом продемонстрировано, когда короткие мечи покинули ножны, влекомые рукой хогановых дланников.

Оценив ситуацию, Эрден выругался, причем синхронно, вместе с влетевшим ему в спину Иласом. Не сговариваясь, мужчины отпрыгнули в разные стороны от прохода, когда пятерка ринулась с членоразделительскими намерениями на них. После того, как Илас с Эрденем коварно разделились, поджидавшим их убийцам пришлось повторить маневр жертв. Эрдену досталось аж четверо (не иначе по праву прибывшего первым). Метко пущенная дознавателем звезда тут же сократила число нападавших до трех. К сожалению, достать второй метательный снаряд времени не было — противники были слишком близко: пока делаешь замах, тебе успеют пощекотать ребра. Причем изнутри. Не горя желанием умереть (ибо из оружия у мужчины были только метательные звезды — с мечом приёмы посещать не принято), дознаватель, ничтоже сумнящся решил провести тактическое отступление.

Илас же удостоился внимания лишь одного, от ударов которого он сейчас и уклонялся. Духовник сначала метнул в блондина несколько ножей (надо отдать должное, хоганов пастырь не дрогнул, когда противник с булатом в груди и не подумал даже пошатнуться, не то что умереть), осенил себя божьим знаменем и пошел на сближение. При этом духовник норовил повторить легендарный подвиг Ульрика и отсечь противнику голову, не иначе, потому как метил мечом аккуратно в район шеи Иласа.

Леш, прибывший последним, уже после того, как территории влияния ждавшими в засаде были поделены, остался не у дел. И слава Хогану! Пацан вытаращился на идущий бой. Да, такого в легендах он не слышал.

Эрден, демонстрируя чудеса эквилибристики, одной рукой отбивался от нападавших на него хогановых служителей. Второй он держался за лепнину, украшавшую надкаминную полку, на которой мужчина и стоял. Сей бастион был выбран дознавателем из стратегических целей: трое нападавших разом не могли к нему подобраться. В качестве рапиры Эрден использовал цельнолитой бронзовый подсвечник, прихваченный мужчиной во время тактического отступления. Веса орясина изрядно, оттягивая руку. Но зато хотя бы не раскололось от первого же удара, как его предшественница — чугунная ваза эпохи Аримерских королей. Жутко древняя. Была.

— Колдуй, мать твою! — душевное восклицание и припечатанные к нему довеском несколько матюгов привлекли внимание пацана.

Леш очнулся, потом зажмурился, открыл выпученные глаза так, словно сидел на ночном горшке и... раскалил весь металл в зале до бела. Эрдену повезло больше чем Иласу — он просто выронил из рук пылающий жаром подсвечник. Илас же, собравший в себя все колющее оружие, которое было у его противника, заорал. По залу поплыл запах горелого мяса.

Впрочем, металл жег не только блондина, но и духовников, облаченных в легкий доспех.

— Что творишь, сукин сын! — окончание фразы Эрдена потонуло в вое Иласа.

Леш, увидев результат своих деяний и испугавшись так, что вмиг стал белее полотна, еще раз поднатужился. Металл вновь сменил цвет. На этот раз для разнообразия на традиционный серо-стальной. Пока Илас приходил в себя, Эрден подхватил остывший

анелас и осуществил то, что намеревались сделать с ними хогановы пастыри: воткнул клинок в грудь каждому.

Противник блондина, выказавший до этого небывалую силу духа, решил, что храбрости с него хватит и под видом нокаута благополучно отключился.

Илас, матерясь и не жалея эпитетов Лешу, спешно вытаскивал из груди коварное железо.

Болт, отрикошетивший от беломраморной колонны, оказался вестником неожиданного подкрепления, идущего на помощь засадникам.

— Давайте, за ней, я задержу! — Илас, перекатившись через спину спрятался за колонной. Эрден, схватив за шиворот Леша, ринулся туда, откуда слышались быстро удаляющиеся звуки неравной борьбы.

Блондин криво улыбнулся, вытаскивая из груди последний кинжал и проверяя его балансировку. Оружие, подброшенное в воздух развернулось в полете и удобно легло рукоятью в подставленную ладонь. Хороший мастер ковал. Метким броском нить одной жизни такой точно перережет.

Илас был реалистом и понимал, что какими бы его организм не обладал способностями, одно дело — залечить рану, другое дело, если тебе отрубят голову или четвертуют... Приближающийся к нему многочисленный (судя по топоту) отряд не даст ему времени и сил, чтобы выйти живым из этой схватки.

***

Она устала. Распятая, в колоколе тяжелых юбок, волочащихся по полу змеиным хвостом. Волосы, бывшие еще недавно уложенные в замысловатый ажур, ныне больше напоминали лежку глухаря. Но самое главное — это силы, вычерпанные до дна.

Васса перестала сопротивляться, когда услышала позади тишину, пришедшую на смену крику и звону, какой издает металл, упавший на мрамор.

Их ждали. Их просчитали и опередили на ход вперед. Вера в удачу, самонадеянность обернулась корявым джокером, что выпадает всегда некстати. Пустота, возникшая где — то внутри и в считанные мгновенья разросшаяся до шквальной волны, накрыла с головой, не давая возможности ни вздохнуть, ни выплыть. Даже закричать, выплеснуть в голос эту боль возможности не было: кляп вязали на совесть.

Удар затылка об пол был неожиданным. Порадовало девушку лишь то, что ее голова приветствовала мрамор, принадлежа ей живой. Двоим мужчинам, повторившим за девушкой сей маневр, пришлось хуже, поскольку помимо прочего каждый из них имел в качестве украшения в черепе еще и метательную звезду. Одному оружие угодило аккуратно в затылок, второму — в основание шеи. А поскольку приличным трупам ходить не полагается, эти двое и улеглись рядышком со своей ношей. Передние, на манер носилок подхватившие ноги лицейки, отреагировали на произошедшее споро: развернулись и обнажили клинки. Они им не понадобились.

Эрден бросал с двух рук сразу. Расстояние было изрядным. Еще немного, и похитители бы скрылись за поворотом, коими изобилует зимняя резиденция. Успел, не промахнулся ни в одного. Идущие позади синхронно пошатнулись и начали заваливаться, уронив добычу. Развернувшиеся и ошестинившиеся мечами передние похитители свели близкое знакомство со звездами, пробороздившими им лбы. Бесшумно и эффективно. Только Леша, таращившегося из — за плеча Эрдена, вывернуло наизнанку.

Дознатель, не обращая на мальчика внимания, подбежал к девушке. Окинув ее

лихорадочным взглядом, начал распутывать кляп и приводить Вассу в чувство. Ей изрядно досталось. Мирленский мрамор хоть и был благородный, но по крепости приветствия не отличался от босяцкой булыжной мостовой.

— Руки — ноги чувствуешь? В глазах не двоиться? — дознаватель ощупывал Вассу.

— Мда, а я то, наивная, всегда думала, что прекрасный принц, спасая юную деву, говорит что — то возвышенное, на худой конец спрашивает, все ли с ней в порядке, — сиплый надсаженный голос, словно девушку душили, но с ленцой, вполсилы, а потому и не довели дело до логического конца.

— Ерничает, значит, жить будешь. — вынес вердикт мужчина.

Леш меж тем, вернув из желудка все его содержимое обратно в бранный мир, утерся рукавом.

— Впервые? — осведомился Эрден.

Пацан нашел в себе силы лишь кивнуть. Тогда, у ворот, когда горели доспехи, он не сразу понял, что происходит, глаза застила ярость. В беломраморном зале дознаватель схватил его за шкуру, влепив пощечину, и это помогло сдержаться... Здесь же рядом никого не было, а случившееся было до судорог очевидно и быстро. Так скоро, что мозг не успел выключиться, спасая хозяина от правды бытия. На осознание смерти реакция разная. Если приход костлявой ожидаем — затянувшаяся болезнь ли, старость — часты слезы, стенания и причитания. Внезапный, случайный уход — немые слезы или сухие глаза, полные боли и отчаяния, а вот такой финал — когда из твоей (ну хорошо, из руки твоего друга)... Понимаешь, что и ты так же отнимешь жизнь, не задумываясь, лишь спасаясь, но от этого все равно муторно на душе.

— Рефлексия закончена? Тогда бежим.

— А Илас? — Васса произвольно глянула вглубь коридора.

— Он прикроет, — дознаватель замолчал, отведя взгляд, и девушка поняла. Брата, нечаянного, ершистого, язву по натуре и благородного по духу, успевшего стать близким, до мозга костей родным, она больше не увидит... Проглотив так и не выступившие слезы, девушка решительно поднялась. Смерть Иласа не должна быть напрасной.

Чайная комната, зал двадцати колонн, портретная галерея. Эрден мчался ищейкой, взявшей след. Успеть до начала приема, застать императора в его покоях. Расположение зимней резиденции он знал хорошо. Такие вещи, как планы императорских дворцов надобно помнить наизусть тем, кто отвечает за покой в империи, даже если бывать в оных доводиться не часто. Жаль, что потайные ходы на тех схемах, что выдают дознавателям, не обозначены.

Дойти до намеченной цели им не дали. В конце галереи их ожидал стрелок. Два куля, один в сером дознавательском мундире с красной перевязью, другой в одежде зеленого сукна с желтым шитьем — излюбленное сочетание цветов у веремцев — явственно свидетельствовали, что намерения у их противника весьма серьезные.

Эрден грудью заслонил девушку, оттесняя ее в эркер и уводя тем самым с линии обстрела. Леш, загипнотизировано повторил маневр дознавателя. А потом сам неожиданно для себя шершавыми, обветренными губами произнес:

— Я смогу их остановить. Наконечники стрел. Я слышу металл, он поет, дивно поет...

И отодвинув рукой друзей, смело шагнул вперед.

Летящую арбалетную стрелу не увидеть обычным глазом, зато явственен результат ее полета. Но только не в этот раз. Пернатая предтеча смерти, спущенная движением курка в

полет, по мере приближения к пацану замедляла свой ход. Зависнув напротив лица Леша, она качнула хвостовьем и, развернувшись, полетела обратно, навстречу к столь вольно выпустившему ее хозяину, все ускоряя ход.

Свидетелями своевольтва стрелы стали не только Эрден и Васса, подоспевшее подкрепление застало тот момент, когда пернатая упокоилась в груди хозяина.

На Леша, как на мишень, нацелилось не меньше дюжины стальных наконечников стрел и болтов.

— Уходите! — коротко. Так говорит не мальчик, мужчина. И не важно, что этому мужчине всего четырнадцать зим. Тот, кто способен принять мужское решение, уже мужчина, и наоборот. Будь ты хоть седой лунь, но если не способен на настоящие поступки — сопливый пацан ты, а не муж.

Леш принимал бой. Его бой. Неравный. Ибо даже вошедший в силу маг дрогнет под натиском простой силы, если той с лихвой, в избытке. Изматает его приливная людская волна не одна, так вторая, третья.... Сколько их тут по дворцу, таких вот отрядов, спешащих по первому зову на помощь? Это было его сражение, первое и последнее. Не эпичное, а в темной галерее. Не за императора и не ради славы. Ради отца, ради друзей. Ради продажной девки — истины, что порою однобока, которая для каждого своя.

— Я тебя услышал, — и, схватив Вассу, Эрден развернулся, лишь бросив Лешу, как равному, — Прощай. Скоро увидимся. Не на этом, так на том.

И правда, после смерти ведь нет пустоты, есть души, не нашедшие пристанища.

Глава 15

Роял флеш тоже может проиграть

Многие считают, что роял флеш — отдельная комбинация, но это не так. Это отдельный случай, частный случай стрит-флеша, состоящий из карт от туза до десятки одной масти, которые часто называют "карты Бродвея" или "Бродвей". В честь одной из улиц лавандового квартала столицы.

Из пояснений старика Хайроллера новичкам.

Музыкальная комната, в которую ввалились Васса и Эрден, на волос разминувшись с караулом, была как ночное небо в снежную бурю: неприветлива и наполнена щедро разлитой темнотой. Девушка задыхалась от бега, глотая ртом затхлый холодный воздух. Прерывистое дыхание Эрдена вторило дуэтом.

— Держи, — две последние звезды легли в ладонь девушки, — и обещай дойти до конца.

Васса лишь кивнула, закрыв глаза и прислонившись затылком к шелку стены.

— Знаешь, другого случая скорее всего не будет, а потому, — Эрден замялся, — веду себя как юнец, мракобес бы побрал!

И, плюнув на все и вся, притянул к себе девушку, запустив руку в ее волосы и поцеловал.

Так налетает тайфун в южном море, так сходит снежная лавина. Лицедейка, в первый момент не ожидавшая такого напора, замерла, а потом обняла его, принимая поцелуй, становившийся все более нежным. У них не было даже этого вечера, лишь пять вздохов перед будущим. И в эти пять вздохов ни для Вассы, ни для Эрдена не было ничего, кроме них двоих. Ни чернильного воздуха музыкальной комнаты, ни караульных, ни слабости, ни

смерти — лишь тепло губ и жар ладоней. Васса впилась в плечи Эрдена, словно хотела поймать, удержать время. Она чувствовала, как бьется его сердце, громко и быстро, в ритме взбесившихся кастаньет. Точно так же билось и ее.

Им двоим не осталось даже надежды на счастье, и оба это прекрасно понимали, пытаясь хотя так урвать у судьбы мгновения любви.

Эрден остановился первым, словно переломив себя пополам.

— Хочу чтобы ты знала..... — ты, ты мне очень дорога...

Он хотел сказать другую фразу, всего из трех слов, и Васса это поняла. По его глазам, по тому, как он обнял ее. Она просто приложила руку к его губам и кивнула.

— Осталось совсем немного, но так просто в покои императора не пробраться. Не хогановы дланники, так обычная дворцовая охрана. Поэтому, если скажу — беги, значит, беги и не оглядывайся. Поняла?

— Да.

— А сейчас объясню, где находятся покои Ваурия, запоминай...

После краткого инструктажа, во время которого девушка машинально приводила себя в порядок — не задумываясь, что она делает, лишь по извечной женской привычке одергивая юбки и подтягивая корсаж, приглаживая растрепавшиеся локоны, — Васса и Эрден ночными грабителями покинули свое временное прибежище. Два зала им удалось миновать незаметно.

Они вынырнули неожиданно для стражей буквально у покоев императора, в малой трапезной. Здесь своего триумфа ожидал буфет со столовым серебром и стол, ломящийся от закусок. Бдительно вскинутые арбалеты уперлись в грудь Эрдена.

— Прошу прощения! — дознаватель поднял руки в знак полной капитуляции перед серыми мундирами. Мы с моей спутницей слегка заблудились.

Помятый вид «спутницы» говорил сам за себя, как и распухшие губы, посему стрелки понимающе заулыбались и милостиво оружие опустили.

— Герр (в подобной ситуации панибратство допустимо и «уважаемый/благородный» можно опустить), Вы ошиблись комнатой. Вам следует воспользоваться вон той дверью.

Стражник махнул арбалетом в неприметный проем. Поскольку руку он по-прежнему держал на курке, болт с чувством выполненного долга вырвался из желоба, подгоняемый тетивой. Стражники проследили взглядом, как колышущееся древко вгрызлось наконечником в полированный дуб двери, куда угодила нечаянно пущенная стрела, потому-то хук Эрдена, пришедшийся по скуле одного из охранников, был для того полной неожиданностью. Бутылка изысканного вина пятидесятилетней выдержки, с налетом пыли на сургуче, свидетельствовавшем о внушительном возрасте хранимого в ней, была подхвачена со стола изящной женской ручкой. Вассария со всей силы обрушила ее на голову второго стражника, перехватив сосуд с изысканным напитком совершенно по-плебейски, за горлышко. Но третий, стоявший в дальнем углу, успел — таки среагировать, пустив стрелу, угодившую в грудь Эрдена.

Не пусти стрелок болт в дознавателя, был шанс отбиться от временно дезориентированных стражников, а так... и невольный дегустатор вина, и собиратель хуков приходили в себя, да и стрелок, за ненужностью отбросив арбалет, приближался с обнаженным акинаком.

Эрден пошатнулся, но не упал, лишь очумело глянув на девушку и прорывав: «Беги!».

И Васса побежала, с каждым шагом растаптывая иллюзии и мечты, которые,

оказывается, еще были в ее сердце. За эту победу уже заплачена самая высокая цена, хотя сражения еще и не было.

Ей повезло: она ворвалась в покои Ваурия, когда тот стоял перед зеркалом в парадном облачении.

Последнюю преграду, в виде личного охранника императора Васса преодолела, пойдя на дамскую хитрость — ровесницу прародительницы всего женского рода. Слабую и беспомощную, растерянную женщину всегда подпустят ближе, чем вооруженного до зубов мужчину. Стражник подпустил. Стражник поплатился.

— Если бы Вы хотели меня убить, то уже убили бы. — Ваурий не спрашивал, он констатировал факт.

— А что мне мешает произнести пламенную речь и после этого убить Вас? — более странного начала диалога с венценосным правителем Васса не могла и помыслить.

— Хотя бы здравый смысл, доведший вас до моих покоев. Фанатиков обычно расстреливают еще на подступах к дворцу. А кроме них речи толкать некому. Наемные же убийцы лишены сантиментов. Итак, излагайте и уходите.

— Почему вы решили, что я хочу Вам что — то сказать?

— Нет? Тогда просто уходите. Скучающий вид императора заставил Вассу взглянуть на монарха под другим углом. Понять причину его беспечности, не напускной, а реальной. Взглянуть, как учил дедушка. И взгляд тут же зацепился за перстни, массивные, но не подходящие к костюму. Родовые? Да к капризам императорской семьи вся сокровищница державы. Тогда... плебейский малахит, что был центральным камнем в гнездовой оправе одного из колец, блеснул особенно ярко. В этот краткий миг Васса решилась, полагаясь больше на чутье, чем здравый смысл, памятуя о словах Эрдена, что император не терпит наветов и не обращает внимания даже на доводы самого великого инквизитора. Просто так он ее слушать не станет.

Шестеренки в сознании девушки закрутились, сопоставляя факты, слухи, имена, домыслы. Ваурию поразительно везет в любые азартные игры, потому он и не играет (хотя шептуны прибавляли, дескать, кто из подданных осмелится выиграть у самого императора). Станные кольца, больше всего напоминавшие осторожные, расслабленная реакция на, казалось бы, прямую угрозу жизни. А что, если причина этого — заслуга амулета, подобного тому, который создал отец Леша?

— Знаете, я ни разу не проигрывала в карты. Вы, ходят слухи, тоже. Хотелось бы узнать, чья удача будет крепче.

— И ради этого Вы преодолели охрану и рисковали жизнью? — Ваурий был удивлен, он был заинтригован.

Как говорил старик Хайроллер: «Из животного может сделать человека не труд, а жажда халявы и любопытство. Ибо именно любопытство — одно из сильнейших свойств натуры». Именно оно и стянуло с лица императора маску скуки, как слуги стягивают чехлы с мебели по приезду хозяев в загородный дом: быстро и бесповоротно, в один миг.

— Последняя воля приговоренного... Вы ведь знаете, что самовольное проникновение в императорские покои карается смертью.

Девушка кивнула.

Три щелчка пальцами. Из незаметной двери появился сухонький слуга, выжидательно посмотрел на своего господина.

— Колоду, новую. Его величество желает сыграть в кроумский покер.

Слуга удалился, а Ваурий удовлетворённо кивнул головой:

— Думаете, так легко попасть в мои покои? Если бы вошли с кинжалом Вам бы уже перерезали горло.

При этих его словах плотная ткань штор колыхнулась, на мгновение явив взору девушки личного телохранителя императора.

Васса запоздало подумала, что облаченные такой властью люди не могут быть просты. Либо учишься хитрить и перестраховываться с пеленок, либо умираешь. Такой вот венценосный естественный отбор. Ваурий, если он ныне живой и здоровый благополучно его прошел, и, надо полагать, переживал попытки покушения на свою особу не единожды.

Меж тем император продолжил:

— Мне стало любопытно, кто так старательно добивается императорского внимания тет — а-тет, и юная фьерра, Вам удалось меня удивить.

Меж тем слуга бесшумно внес поднос, на котором было несколько нераспечатанных игральных колод и стеки фишек.

Император повернулся на каблуках и, больше не произнося ни слова, прошел к столу. Васса последовала за ним.

Сила магии против мастерства. Лицедейка понимала, что ее последняя партия будет самой сложной. Но она обязана была ее выиграть. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь, а когда их открыла — это была уже не Васса. Вассария Хайроллер, внучка так ни разу и не пойманного каталы, чья слава гремела по всей империи, сидела сейчас напротив Ваурия и мило улыбалась самой обольстительной из своих улыбок. Голос, словно игривая кошачья лапка, мягкий, но с подтекстом опасности, будоражащей кровь любого мужчины:

— Позвольте мне перетасовать колоду?

Небрежно, нарочито — неумело девушка разорвала пергамент, высвобождая пятьдесят четыре карты: кумовья и снохи, сестры и братья в четыре масти. Джокеры, лежащие сверху колоды, были сразу же отброшены девушкой в сторону. Играть только масти.

Лицедейка тасовала колоду не спеша. «Тщательный шафл» — умение не просто смешать карты. Во время такого замеса можно успеть пометить ребра «высоких чинов», чиркнуть по рубашке ногтем, поставить лишь тебе приметную зарубку. Нечаянно скользнет в ладонь прогнувшаяся дугой дама или король, да и затеряется в рукаве. А перстень, отполированной до зеркального блеска и повернутый внутрь ладони... Такой перстенок, как опытный наушник, поведаст весь ранжир, что у игрока напротив, пока ты сдаешь ему под нарочито — медленный пересчет нужное число карт.

Старик Хайроллер мог бы гордиться в этот момент внучкой. Быстрые и ловкие движения, не заметные даже наметанному глазу. И не важно, что ладонь мала для стека. Карты в такой словно исчезали между пальцами, появляясь вновь по желанию девушки.

Васса, не забывая очаровательно улыбаться, про себя материлась. Как бы она не вылавливала карты, императору в сдачу так и норовило прыгнуть если не роял флэш, то уж карэ точно. Ей же, если довериться желаниям судьбы, больше марьяжа с одномастными дамами и королями ничего не шло.

Васса зажмурилась, сморщила носик, набирая в грудь побольше воздуха... чих вышел знатный, недаром репетировала его в свое время с прилежанием под менторские дедовы комментарии. Император на мгновение полностью отвлекся, и лицедейке все же удалось перехитрить артефакт. Ваурию достался слабейший из двух раскладов.

— Простите, это у меня нервное, — девушка смущенно покраснела, — я всегда, когда

нервничаю — чихаю.

Румянец, ямочки на щеках... ни тени притворства. В этот момент девушка и сама верила, что от нервов у нее аллергия. Вжилась в эту мыслью, как актриса в образ героини. Ваурий поверил, небрежно подняв со стола пятерку карт. По мере того, как он разворачивал веер, лицо его становилось все более удивленным. Надо полагать, что ему впервые пришла одна из слабейших комбинаций — лишь пара десятков, даже не сет — три карты одинакового ранга или стрит (пять последовательных по рангу карт разных мастей).

Ваурий взглянул на противницу: милое женское личико было весьма озадачено. Морщинка, несвойственная для столь юного лица, разделила лоб на части. Закушенная нижняя губа. Похоже, и ей пришел не асовый набор, если вовсе не старшая карта, при которой нет даже низшей карточной комбинации.

Император лениво взял несколько фишек со стека и, покрутив в руке, оставил две фишки, равные по сумме его первоначальной ставке, именуемой еще анте.

— Пожалуй, я прикуплю себе еще одну... — он верил в свою удачу, обрамленную в малахитовые грани.

Взгляд глаза в глаза. Так редко смотрят на коронованных особ: пристально, без подобострастия и заигрываний. Взгляд затянул, заманил. Император не заметил, как рука, порхнувшая над перетасованной колодой, прибавила еще одну карту. Сверху.

Когда Ваурий забрал специально припасенное Вассой для него, брови монарха взлетели вверх: крестовая четверка была в данном раскладе совершенно бесполезна.

— Вскрываемся? — Ваурию было интересно, если у него всего пара, то что же у девушки?

Васса нерешительно кивнула.

Две десятки, валет, семерка, двойка и пришедшая четверка у императора.

Вассария, не меняя выражения лица, поочередно переворачивала карты рубашками вниз: три короля и две семерки.

— Фул хауз, — под ее бесцветный голос (таким пономарь зачитывает псалмы, не иначе) раздался треск.

Малахит на императорском перстне рассыпался в крошку.

Ваурий мгновенно посерьезнел. Амулеты, которым он привык доверять свою жизнь, удачу, здоровье и помыслы, ни разу не подводили...

— Я не маг, — девушка опередила его вопрос, — но разговор будет именно о магии.

Император прожег лицедейку взглядом, видя перед собой уже не фьерру. Серьезный разговор должен быть у той, что сумела его не просто заинтересовать, поймать на крючок любопытства. Такое могла выкинуть любая его фаворитка. Нет. Эта девушка пошатнула его догмат: «Магия непобедима», а потому она — собеседник, если не равный, то та, чью речь стоит выслушать внимательно и до конца, не перебивая.

— Скажите, не заметили ли вы изменений, произошедших в последнее время с Хоганова десницей?

Утвердительный кивок, и девушка продолжила.

— Позвольте мне показать причину столь быстрых метаморфоз, — и Васса извлекла из корсажа кулон, сделанный отцом Леша, — А так же несколько писем.

Она говорила без эмоций, словно читала нужный параграф учебника, где каждое слово подкреплено либо историческим документом, либо ссылкой на первоисточник и свидетельства очевидцев. Отлов детей с даром, их пытки и мучения, в результате которых за

стенами монастырей рождались цепные псы всерадетеля, владеющие мечом и магией. Такие способные выбить трон из под Ваурия, даже не развязав войны, а одним своим существованием. Покушения на инквизитора, что мешал осуществлению планов хогановой десницы. И роли одной провинциалки во всей этой истории.

Ваурий внимал молча. Что-то для него было откровением, о чем-то он подозревал, о чем-то знал. Но собранной воедино картины, поражающей своей масштабностью... ни один из его тайных стражей не отважился развернуть ее, памятуя о реакции монарха при упоминании всерадетеля. Вассе же терять было нечего. Она рассказала все от и до.

После того, как лицедейка завершила свой монолог, император долго молчал.

— Я Вас выслушал и услышал, но неужели Вы думаете, лишь у всерадетеля есть те, кто способен к чародейству?

— Уже не думаю — и девушка кивнула на перстни монарха, — и еще мне кажется, что запрет на магию сделал ее сильнейшим оружием, как запретные знания жрецов древности — Богов.

— Вы умны, умны не по-женски... и должны понять, что несмотря на все ваши жертвы они не изменяют внутренней политики в раскладе сил в империи...

— Я понимаю, но верить — не хочу.

Каково это, осознать, что все силы ушли дождем в песок, кровавым дождем? В песок монаршего безразличия.

По кивку головы Ваурия из — за портьеры вышел молчаливый телохранитель.

— Её — под особую охрану.

Приказ императора был выполнен быстро и четко. Какая — то пара мигнов, и, появившаяся охрана (прошляпившая неудачу своего коллеги, охранявшего дверь в императорские покои) с удвоенным рвением заломила Вассе руки. Лицедейке это было уже безразлично. Надежды хрустели на зубах, во рту был вкус пепла сгоревших ожиданий. Император даже не задержался, появившись в зале ровно в час, рассчитанный распорядителем.

Глава 16

Вскрываемся?

«Вскрываемся?» — вопрос, после которого заканчивается игра, открываются карты, и начинается самое интересное: сравнение комбинаций. И вот тут часто оказывается, что судьба не оправдывает твоих надежд и чаяний.

Старик Хайроллер о превратностях игры

Комната шириной в пяток локтей. Каменная кладка, хранящая память о мастерах старины, делавших все на совесть. Зазоров между булыжниками почти не видно, да и раствор, что три столетия назад мастера замешивали с яичным желтком — для крепости — цепко держит камни. В эти швы и острие кинжала тяжело вогнать хоть на толику, не то, что ноготь. А Васса, словно не замечая бесплодных попыток, скребла пальцами стену в безмолвных рыданиях оплакивая ушедших перед ней друзей. И что это за герры такие, если даже не пустили даму первой, пусть хоть и на тот свет? Правду говорят — умирать легче, чем жить с осознанием утраты. Пусть и недолго жить.

Конвой, препроводивший ее до этой временной тюрьмы, втолкнул лицедейку внутрь

крохотной комнаты и загрохотал засовом, запирая девушку. Вот после этого Вассария, давясь несказанным и невыплаканным, упала на колени. Сознание долга, которое до этого момента держало отчаяние от потери в узде, не давая опустить руки. Но теперь все кончено... Но теперь вожжи контроля спущены и чувства понеслись галопом. Боль, отчаяние, растоптанная вера в то, что можно что-то изменить... Язык ее не слушался, а глаза — слезы просто текли, капая на подол платья.

Сколько так просидела девушка? Она и сама не знала. Просто спустя время откуда — то возникла мысль, что она Вассария дис' Антер, урожденная Хайроллер, а не уличная девка. И потому не пристало ей выть, как бродячей побирушке в подворотне. Никто, никто не должен видеть ее последних слез. «Пусть не ради себя самой, но ради брата, любимого, ради славного имени деда, ради Леша в конце-концов, я должна быть если не стойкой, то гордой. Это единственное, что у меня еще есть. Не сломаться. До самого конца.» — решила Васса.

Сознание сжалилось над лицедейкой. Девушка, приняв для себя это решение, провалилась в сон, как в бездну, распластавшись на каменном полу.

Разбудил Вассу лязг открываемого засова.

— На выход, — голос без цвета и запаха. Серый, как и мундир его обладателя.

Коридоры, бесконечные коридоры. То темные, еще не проснувшиеся, то затканые дымкой утреннего солнца. Вассе казалось, что по этим коридорам они уже вышли из резиденции и находятся по меньшей мере у городских стен.

— Прошу Вас, — этот стражник в противовес вчерашним был вежлив, открыв дверь в покои.

Здесь витал неистребимый дух камфоры и мяты, весьма специфический и навевавший ассоциацию с докторусами. Светлые стены, большие окна, не слюдяные — стеклянные.

Девушка шагнула за порог. Меньше всего она ожидала увидеть среди горы подушек его. Бледное лицо, с каким — то снежным налетом. Даже белесая нитка шрама сейчас была не заметна — сливалась с кожей. Руки мужчины, безжизненно лежащие вдоль тела, поверх покрывала

Сначала Вассария подумала, что Эрдену по обрядовой традиции обмыли и накрыли белой простыней, дав провести последнюю ночь, как и положено благопристойным покойникам, на кровати. Считалось, что так душа набирается сил для пути за грань. И если не дать умершему право «выспаться» перед похоронами, то душа может не осилить загробного пути и стать привидением, не дающим покоя живым. Она подошла к ложу и наклонилась, запечатывая на лбу мужчины поцелуй, потом слегка отстранилась, вглядываясь в последний раз в родные черты

Слабый вздох, едва уловимый, и то лишь потому, что девушка была близко к лицу мужчины, был самым дивным из всех звуков, которые довелось слышать лицедейке.

«Жив! Жив! Он жив!» — это была ее единственная связная мысль в этот момент.

Веки почти покойника (и выглядел дознаватель скорее как новый клиент погоста, нежели живой человек) чуть дернулись. Дознаватель медленно открыл глаза. Расширенные зрачки постепенно сужались, фокусируясь на девушке. Губы, разбитые, почти синие, прошептали:

— Исполнишь мою последнюю волю?

Эйфория первых мгновений сошла на нет при этих его словах. Лицедейка кивнула, соглашаясь.

— Да, все что угодно.

Мужчина нашел в себе силы улыбнуться:

— Тогда просто ответь «да» на вопрос: Ты согласна стать моей женой на все то время, что отпущено нам Хоганом с этого мига и до самой нашей смерти?

— Да, да, еще раз да! Хочешь, я повторю это тысячу раз, только не умирай, прошу! — она кричала. Кричала не голосом, а той болью, что разрывала душу.

— Охрана должна была выполнить мое последнее желание и послать за связующим. Должно быть, он уже мнётся под дверью, — прошептал Эрден.

Васса на этот комментарий Васса горько усмехнулась: даже на смертном одре Эрден верен себе — все рассчитал и подгадал, даже ее согласие...

Она поднялась с колен и пошла к двери, отворив которую убедилась в верности слов Антера. На пороге стоял связующий узами. Этот старичок в двухцветной хламиде, на своем веку соединивший не одну тысячу пар перед Хоганом и, выглядел слегка заспанным и помятым.

«Наверняка вытащили из постели», — мелькнула мысль у девушки. Меж тем лицедейка махнула рукой, приглашая пришедшего пройти внутрь.

Связующий узами не был подвластен всерадетелю, хотя формально его положение было обозначено в духовном табеле между емирием и приходским хогановым служителем. Связующие узами — это особый сан. Они были до воцарения веры в единого Хогана, и статься, переживут поклонение еще не одному богу. Люди со временем забывают вышних, но про любовь, соединяющую сердца не забудут никогда. А потому и вечны те, кто благословляют такие союзы.

Старичок грустно улыбнулся. Соединял он сердца и умирающих. Бывало. А потому служитель был спокоен, произнося традиционные слова клятвы, лично надевая через головы родовые кулоны. Одинаковые и жениху и невесте, осеняя их при этом божественным знаменем.

О том, откуда у служителя подвески Вассария во время обряда не задумывалась. Она лишь смотрела на Эрдена, держа его руку в своей.

Произнеся ритуальную фразу: «Да пройдете вы по дороге жизни рука об руку и звезды любви пусть от весны к весне сияют над вами лишь ярче...», служитель кивком головы дал понять девушке, что она может наклониться и поцеловать мужа.

Васса осторожно, боясь причинить боль Эрдену, наклонилась. Касание губ, легкий весенний ветер, что черпает силы из внешних ручьев и птичьих трелей. Этого мужчине показалось мало, и он требовательно потянулся... Ожила и рука, проявив несвойственную для умирающего активность, помогая телу приподняться.

Васса, в первый миг поддавшись чувствам, ответила на призыв, и не заметила бы, что произошло, если бы не покашливание служителя. Подняв на него взгляд, девушка увидела растерянное лицо связующего узами. Практика венчания с умирающими у старичка была, но чтобы со смертного одра после свадебного поцелуя поднимались — такого еще ни разу.

Васса, до которой дошла причина ошарашенного лица служителя, перевела взгляд на Эрдена. От недавнего жениха костлявой у него осталась только неестественная бледность.

— Я все объясню... — недопокойничек начал споро отползать на противоположенную сторону кровати, подальше от новоиспеченной жены.

— И?

— Я подумал, что так ты точно согласишься стать моей законной женой, на этот раз перед небом, раз окружающие уже прочно считают нас повенчанными...

— Подумал, говоришь? — девушку ничуть не смутил вид новоявленного мужа в одних панталонах и перевязи на груди из бинтов. Она надвигалась на него грозовой тучей.

— Я пожалуй, пойду, — тихий, потерянный голос связующего узами двое молодоженов даже не заметили. Эрден лишь машинально кивнул, намечая план отступления.

Наконец, когда Васса прижала его к стенке, в обоих смыслах этого слова мужчине надоело чувствовать себя виноватым, и он завершил то на чем, собственно, их и прервал служитель — доцеловал — таки свою жену. На собственном опыте Антер убедился в народной мудрости: «Если начинается семейная ссора — мужчина ничего не должен говорить, он должен сразу целовать». Молва была права — способ эффективный и приятный. Вот только дознаватель искренне надеялся, что продолжение сего выражения «а женщина — сразу плакать» — останется для его жены тайной. Женские слезы — то еще испытание, а если они будут в глазах любимой — Васса из него веревки будет вить.

Один поцелуй плавно перешел во второй, третий, четвертый... Молодожены увлеклись. Васса запустила руки под рубашку мужа. Ее пальцы пробежались по рельефу мышц живота мужчины, скользнули ему на спину. Девушка инстинктивно хотела быть как можно ближе, прижимаясь к любимому все сильнее.

Эрден, не прерывая поцелуя, одной рукой ловко расстегивал крючки на платье, лиф которого уже начал сползать вниз. Вторую руку он запустил в волосы девушки.

У Вассы вырвался непроизвольный стон, еще больше распаливший мужчину. Его рука, до этого занятая неравной борьбой с крючками, спустилась ниже. Подол юбки, благодаря стараниям Эрдена начал задираться вверх, обнажая ногу девушки в тонком чулочке. Новая территория требовала немедленного освоения, по мнению мужчины, и его рука скользнула на бедро любимой.

Никогда еще он не испытывал такого безумного желания. Даже не сиюминутного обладания, а практически осязаемой потребности просто быть рядом, целовать, вдыхать ее аромат. Ее аромат, сводивший с ума... Так пахнут подснежники, налитые первыми весенними лучами. Так пахнет только что распустившаяся листва. Ее мягкие, нежные губы, манящие. Их поцелуями невозможно было напиться. И ее непроизвольные стоны, неопытные ласки. Он уже практически не отдавал себе отчет в том, что происходит.

Звон разбитой вазы, стоявшей на прикроватном столике, был подобен набату. Пылкие влюбленные сумели оторваться друг от друга. Встрепанные, тяжело дышащие, они напоминали бегунов, которые только что обогнали знаменитых карумских рысаков.

Когда к девушке вернулась способность логически мыслить, а декольте и юбки были водворены на положенные им места, первый вопрос, который она задала:

— Как?

— Не поверишь, я улетел, — мужчина мечтательно улыбнулся, все еще находясь в плену недавних воспоминаний. А потом начал свой рассказ, обстоятельный и неторопливый.

После того, как Вассария скрылась за дверью, и Эрден, раненый, остался один на один со стражей, несколько клинов он сопротивлялся. И быть бы ему убитым, не появившись герр Асмундий. Распорядитель, в это время как раз собиравшийся дать деру из дворца — подальше от благодатей всерадетеля, проходя мимо, увидел часть картины, что открылась ему из дверного проема: варварски разоренный стол и разбитую бутылку дорогого вина. Эрдена же и двух стражников, теснивших дознавателя в угол, Асмундий не увидел. Его взору предстал лишь один блюститель порядка, как раз тот, которого Васса от души и поприветствовала бутылкой вина.

Рачительная натура распорядителя не могла вынести такого произвола, и герр с обличительной речью направился в комнату. Напоследок решив отчитать нерадивых стражей.

— Что, собственно здесь... — договорить он не успел.

Звон разбитого стекла прервал его монолог. Это был Эрден, решивший, что здесь его всяко ждет смерть, а потому стоит попытать счастья в левитации. Слевитировал дознаватель аккуратно на любимый рододендрон императрицы. В пору своего цветения куст радовал всех, его созерцающих, шапками нежно-лиловых цветов, почти скрывавших под собою листву. Ныне же ветви растения встретили летуна неприветливо, однако падение смягчили.

Дознавателю повезло во второй раз, когда спустя буквально пару мигов его обнаружили «серые мундиры», а могли бы и прислужники всерадетеля. Летуна споро доставили в покои и доложили о случившемся начальнику охраны, а тот, в свою очередь, и Ваурию.

Император сам лично захотел присутствовать на допросе найденьша, но докторусы поумерили его пыл. Потому как на вопрос: «Может ли он говорить?», отрицательно качали головой и высказывали сомнение, что пациент будет вообще жить. Тогда-то монарх, вспомнив о подвеске, что оставила ему лицедейка в качестве доказательства вины всерадетеля, решил испробовать сей артефакт на Эрдене.

Творение отца Леша не подвело и на этот раз. Раны на мужчине затянулись мгновенно. А вот разговор, что был после — на добрых две свечи. Ваурий хотел знать все и в подробностях: о покушениях на великого инквизитора, о некоторых особенностях монастырского быта и о магическом прожекте всерадетеля.

***

В то самое время, как Вассу препроводили в камеру, Иласа уже допрашивал начальник службы охраны императора. Бертран был пойман зелеными мундирами и передан имперским стражам со словами: «не допускать к нему слуг Хогановых». Замечание весьма ценное и своевременное, озвученное по просьбе самого заключенного. На протяжении всего допроса на лице блондина блуждала загадочная полуулыбка. Но все по порядку...

Бертран, оставшись в злополучной мраморной зале в засаде, чтобы отвлечь спешащее подкрепление, уже прощался с жизнью, когда на грани слышимости до его уха дошли звуки. Это по анфиладе шествовала делегация веремцев. В голове мужчины моментально созрел план, настолько наглый и бесшабашный, что мог и сработать.

Дождавшись, когда всерадетельские прихвостни подойдут поближе, он метнул в них кинжалы и ножи, что успел собрать с трупов. Сталь рассекла воздух. Отсветы огня на вращающихся лезвиях исполнили свой короткий танец, протяжённостью в миг полета. Стоны тех, кому посчастливилось принять на грудь смертельную дозу железа.

Как только Илас метнул в неприятелей оружие, он, наплевав на все и вся, ломанулся в тот самый тайный ход, через который Вассу сюда и протащили. Нападавшие не зевали: рой болтов устремился к мужчине, ища поживы, впиваясь между ребрами. Слуги хогановы ринулись за убегающим с энтузиазмом гончих, почуявших кровавый след подстреленной дичи. Осталось только ее загнать.

Каково же было удивление веремцев, когда им в спины врезался блондин, из груди которого торчало несколько болтов. Наглец, не снижая скорости, протаранил первую линию, накрепко увязнув в центре процессии.

Илас пытался проскочить через всю делегацию, но, запнувшись, ухватился за плечи какого-то низкорослого веремца, шедшего аккуратно в центре. Житель болот оказался на диво

хлипким, и, не устояв на ногах, начал заваливаться, уже увлекая за собой мужчину. Шапка с нечаянной иласовой жертвы при падении слетела, явив миру великолепие рыжих волос: длинные косы, словно кольца огневещий змеи. Блондин попытался как можно скорее встать, оперев ладони в грудь лежащего под ним низкорослика. Его рука соскользнула: там, где должна была быть приличествующая мужчине плоскость, прощупывалась округлость явно девичья, пусть и стесненная бинтами. Илас взгляделся в лицо посла: зеленоватые глаза, оттенка больной бирюзы, пухлые губы, высокие скулы. Веремка была дивно хороша. Вот только насладиться зрелищем ему не дали. Тут же с двух сторон подхватили под локти, приводя в вертикальное положение.

Девушку подняли с особой заботой.

— Вы не ушиблись, княжна? — тихий шепот, долетевший до уха Иласа, все расставил на свои места, объяснив причину маскарада.

В империи политические переговоры — сугубо мужское дело, допустить к которому фьерр — значит сразу проиграть в дипломатическом сражении. Илас до последнего времени придерживался этой же позиции, считая, что политическую игру можно вести тремя способами: правильно, неправильно и так, как это делают женщины, то есть никак. Поскольку в большинстве своем они глупы, недальновидны и не умеют молчать.

Но, похоже, у правящего княжеского дома веремцев то ли не было наследника мужского пола, которого можно было бы отправить на переговоры, то ли эта девушка не уступит лучшим дипломатам империи. А иначе зачем так рисковать и лицедействовать?

Хогановы служители же, ринувшиеся за Иласом, увидели лишь, как спины иноземных послов сомкнулись, скрыв от них несостоявшуюся добычу. Стрелять же в представителей дипломатической миссии... может быть, конечно и рискнули бы (страх перед всерадетелем был велик), но уж слишком много было мракобесных отродий. Начнись бой, неизвестно — кто бы победил. Опять же — политический скандал, которого руководитель «божьего» отряда, как человек в меру, но все же сообразительный, допустить не смел. Да к тому же приказ десницы был краток, но слова «без шума и не привлекая внимания» в нем присутствовали.

А потому главарь «хогановой дружины», скрипя зубами, сделал знак вернуться обратно в нишу потайного хода. Что происходило с Иласом, оказавшимся в окружении веремцев, для преследователей так и осталось тайной.

Посольство же вело себя совсем не дипломатически, приставив к горлу блондина невесть откуда взявшийся клинок. В голове Бертрана мелькнула мысль, что только он, Эрден, Васса и Леш были четырьмя идиотами, не протащившими в резиденцию оружия. У всех остальных, судя по всему, имелись и мечи, и кинжалы, а у некоторых даже и арбалеты.

Стальное лезвие клинка, отточенное на совесть, прорезало кожу, пустив кровь и заявив о серьезности намерений веремцев. Они меж тем со все более возрастающим удивлением разглядывали Иласа, напигованного болтами, стрелами и даже метательными ножами.

Сбитая им девушка заговорила первой:

— Поклянись, что будешь молчать об увиденном, и мы тебя отпустим.

Улыбка красила Иласа, как опытный маляр забор. Мужчина разве что не хохотал.

— Поклянусь, если не отпустите.

Он был пьян самым сладким из вин — мигом, когда в очередной раз удалось обмануть костлявую. Стоя с приставленным у горла клинком, в окружении чужаков. Пьян и счастлив. Веремка не понимала состояния мужчины. По ее мнению, этот ненормальный должен был,

по крайней мере, бояться за свою шкуру, но его же буквально распирало от радости. Это чувство было почти материальным и на диво заразительным. Ей хотелось улыбнуться в ответ. Единственное, что удерживало от этого поступка — осознание того, что она дочь древнего рода и через несколько свечей именно на ее плечи ляжет вся тяжесть ответственности за результат дипломатических переговоров.

— Прошу изъясниться.

Вместо этого блондин четко произнес:

— Я, Илас, сын Альяс-Гронта, потомок древнего рода Бертранов, клянусь кровью жизнью и болью молчать об открывшейся мне тайне до того момента, пока ее раскрытие может навредить хоть кому-то из присутствующих здесь, — он понимал, что клятва была не продуманной, но что уж пришло в голову первым.

После этих слов блондин поднес ладонь к губам и с силой прокусил кожу, пуская кровь. Рука обагрилась, и он протянул ее веремке. Девушка в полном молчании ее пожала, подтверждая, что клятва принята. Лезвие исчезло с горла мужчины, дав тому вздохнуть полной грудью.

— Позволите ли вы пройти до зала приёмов вместе с вами? — светский вопрос, не лишенный смысла, ибо, как полагал Илас, одному ему далеко не уйти — вся резиденция была наspiгована хогановыми служителями, как еж колючками. Опять же премиленькая веремка...

— Позволю, — ответ девушки удивил и ее саму.

Процессия двинулась дальше, а рыжая ловко спрятала косы обратно под шапку. Только кончики острых ушей и остались торчать.

Илас заговорил спустя пару мгновений:

— Я понимаю, случившееся Вас удивило..., — начал было он

Профиль девушки, словно высеченный из мрамора: величественный и спокойный. Она даже не повернула голову при этих словах в его сторону.

— Позвольте мне в двух словах обрисовать ситуацию: как Вы, может быть, заметили меня пытались убить, и не сказать, чтобы уж совсем безуспешно хогановы служители.

Медноволосая все же не удержала маски: любопытство порою сильнее воли и воспитания.

— И чем же вы так провинились перед дланниками? Совратили целый женский монастырь? Опорочили великого всерадетеля? — она хитро стрельнула глазами в сторону Иласа.

Мужчина ей понравился. И даже не столько внешне, хотя красив он был по своему, не приторно-правильной красотой смазливых юнцов. Сухой, жилисты, с прямым носом, бровями в разлет, тонкими губами — одним словом व्यужный, зимний. Зацепило девушку что-то, что было внутри него, во взгляде. Прямом, отчаянном, смелом. Да и впечатлило княжну еще и то, сколько железа было в груди блондина. Другой бы скулил от боли, просил о помощи...

Илас же, подбирая слова для ответа, аккуратно вытаскивал из груди болты и ножи, морщась и тихо шипя. Как только очередной метательный снаряд был извлечен из межреберья, он падал на пол с характерным для металла звоном. Таким образом, движение процессии проходило под специфический аккомпанемент.

«Дзинь.... дзинь...дзинь...» — это мраморный пол приветствовал очередной наконечник болта. Веремцы на происходящее виду не подавали, сохраняя на лицах

вселенскую невозмутимость. Будто именно под такие звуки и полагается передвигаться послам по неприятельским анфиладам.

— Да уж, провинился, — начал Илас, — оказался в ненужном месте в ненужное время. А всерадетель, вот какая неприятность, — парень стеснительный, не захотел, чтобы у его милого увлечения были свидетели, и приказал меня изничтожить.

Зеленоглазая согласно кивнула. Она соотнесла слова мужчины с имеющимися у нее сведениями (своими шпионами Веремия по праву могла гордиться) о нездоровой любви главного имперского дланника к монашкам определенного рода. И пусть выводы ее о роли Иласа в противостоянии со всерадетелем были слегка ошибочны, но недомолвки на то и недомолвки, чтобы повернуть картину событий в нужном ракурсе.

— Сами прекрасно понимаете, что в сопровождении посольства путь Вам только до дверей зала приемов. Единственное, чем могу помочь — сдать вас..

Девушка замаялась, ей захотелось узнать имя этого мужчины. Блондин правильно понял заминку.

— Илас, просто Илас.

Веремка благодарно кивнула.

— Узеримия, или просто Уза. Так вот, единственное — мы можем сдать Вас, Илас, охране императора. А там уж, не взыщите...

— Буду премного благодарен.

Двери зала приемов распахнулись чуть раньше, чем нужно. Жезл церемониймейстера ударил об пол, извещая о прибытии послов. Взгляды всех гостей устремились в проем, и в наступающей тишине прозвучал голос Мариции:

— Сволочь!

Несостоявшаяся невеста увидела мелькнувшую белобрысую макушку жениха, затесавшуюся в толпе ушастого посольства. Ее крик подтвердил незыблемую истину: влюбленная женщина может не замечать тысячи недостатков у объекта обожания, но его самого увидит за версту даже под личиной.

Никто, кроме Иласа, не понял, к кому именно была обращена реплика. Он повернулся к веремке, опережая ее вопрос:

— Это моя невеста, бывшая, и тоже хочет меня убить, наверное.

Мариция меж тем, прокладывая себе путь сквозь толпу, как баржа полозья в реке, только что схваченной льдом: тяжело и решительно.

— Поэтому надо сдать меня дворцовой охране побыстрее...

Рыжая слегка опешила от такой наглости, а еще больше от последовавших за словами действий мужчины. Он на миг приблизился и буквально украл с губ девушки мимолетный поцелуй. Легкий, невесомый, дарящий надежды и ожидание большего. За эту свою выходку тут же получил хук от охраны княжны, был скручен двумя веремцами и, с заведенными за спину руками, отконвоирован в сторону.

Когда посольство входило в зал, Иласа среди прибывших уже не было, как и двоих охранников из посольства, что передавали его в этот момент императорской страже.

После того, как мужчину доставили в казематы, расположенные в подвалах резиденции, на его губах все еще была шальная улыбка.

— А он того стоил, — прошептал мужчина, садясь на каменный пол и зажимая руками болевшую после удара переносицу.

***

Стрелы слаженным роем летели в грудь Леша. Это была уже третья волна, и нападавшие подходили ближе и ближе с каждой серией выстрелов.

Контролировать столько железа сразу... На висках парня уже виднелись ручейки пота, в глазах двоилось, но он упорно сдерживал натиск. Задержать, дать Эрдену и Вассе время.

Пацан припал на одно колено, упорно вытягивая руки вперед, словно создал невидимый барьер и сейчас удерживал его. Леш готов был уже потерять сознание, когда на границе яви и видения прозвучал голос отца, дающего наставление: «Повелевать металлом — не значит вбухивать прорву сил в примитивные действия. Истинный мастер устраняет причину одним взмахом, а не борется со следствиями. Можно говорить свое слово каждой вещи в отдельности, а можно — всему металлу сразу. И чем проще слово, тем охотнее железо его услышит».

— Слово, чтобы металл услышал — шептал, как молитву Леш, сглатывал пот, текущий градом. — слово, чтобы услышал...

Десять локтей, нападающие вновь перезаряжали арбалеты. И парень решил, из последних сил выдавив из себя слово, которое было любо булату, знавшему пьянящий аромат боя:

— БРОНЯ!

Сказанное покатилося раскатом, впитывая в себя все силы юного магика. Рычащее, скалящееся как берсерк в битве, оно отразилось от стен, набирая мощь снежной лавины. Металл был рад, он ждал именно этого созвучья, чтобы вырваться в безудержном безумии...

Железо вокруг начало плавиться. Перетекали наконечники стрел и болтов, податливой рудой становились мечи, даже железный доспех, стоявший в одной из ниш, стал податливой ртутью. Оконные шпингалеты, рамы, обрамлявшие портреты, алебарды гвозди, державшие потолочные балки — все плавилось, все стекало и превращалось в монолитную стену, наглухо отделившую Леша от нападавших. Но парень этого уже не увидел — отключился раньше.

Когда же все закончилось, поперек коридора без единого просвета была стена из цельного железа. Она была гладкая настолько, что можно было без труда увидеть собственное отражение.

Спустя годы эта самая стена вошла в легенды, как образ отчаянной решимости, веры в дружбу и... была ежедневно охаяна прислугой резиденции, которой из-за сего монумента приходилось совершать крюк, чтобы попасть в противоположенный конец коридора. Снести сей монумент так и не смогли лучшие строители империи, как и проделать хоть небольшой вход в железе по центру. Металлу уж очень понравилось сказанное юным магом слово, и он был ему верен. Броня держит крепко и все!

Но это все было намного позже, а пока парень, рухнувший без сил на холодный каменный пол, был найден дворцовым слугой, которого привлёк шум в коридоре. Старик в ливрее воровато огляделся по сторонам, закинул руку мальчика к себе на плечо и потащил его прочь от места событий. Наушники и шпионы были не только у всерадетеля. Инквизитор, подобно хитрому опытному лису, тоже имел отменный нюх и умел подбирать нужных людей. Сейчас один из них и отработывал причитающиеся ему злотни, руководствуясь принципом: «То, за чем усиленно охотятся хогановы служители, наверняка заинтересует и великого и ужасного»

***

Полночь. Тлеющие угли. Они почти не дают света, лишь жар. Красные, подсвеченные изнутри, Ваурию они напоминали глаза дракона, что любят описывать менестрели в легендах. Император смотрел в разъявленную черную пасть камина, держа в одной руке бокал красного вина, в другой — кипу отчетов. Монарх думал о том, каким будет мир в тот клин, когда рухнут устои веков, и когда упадет покров с магиков. А он обязательно упадет.

В том, что нужно менять в империи незыблемые до этого правила, он сегодня убедился лично. Эта девчонка, по сути еще совсем юное создание, сумела сломить в нем уверенность, что всерадетель в открытую не выступит против Ваурия, пока монарх его не трогает.

Так или иначе, но появившаяся в его покоях фьеррина добилась того, за чем пришла: пусть и не сразу, но Ваурий взглянул на происходящее по-новому. Он, конечно, знал о том, что всерадетель за его спиной плетет сети, впрочем, как и великий инквизитор. Император понимал: нет в мире такого трона, который нельзя было бы пошатнуть, но способ, который выбрал хогонова десница...

Беглый почерк писаря, составлявшего отчет: *«Со слов Иласа Бертрана, он обладает способностью к немедленному исцелению, данной ему свыше при рождении. Она не раз спасала ему жизнь во время службы в приграничье...»*. Ваурий посмотрел на другой лист: *«Всерадетель под предлогом очищения души забирает одаренных детей в монастыри, где под его контролем ....»*. Меж казенными листами затесалось письмо, то самое, где хоганову дланнику был предоставлен подробнейший отчет о покушении на великого инквизитора.

О том, чтобы отнять у всерадетеля главный козырь — магиков, Ваурий и думал этой ночью. Но как? Нет, конечно, у императора был тайный артефактчик, который за свои умения и получил индульгенцию, был избавлен от инквизиторского костра и казематов, но то один, а у хоганова дланников — армия.

Мысль державного владыки зацепилась за одно слово в отчете: *«контролем»*.

— А что, если взять детей со способностями под этот самый контроль в масштабах всей империи легально и на законных основаниях, поместив их не в монастыри, а в... кадетские корпуса или вроде того? — вслух размышлял Ваурий.

Угли в камине, словно соглашаясь со словами императора, начали потухать.

***

На следующий день Илас и Вассария, а так же великий инквизитор прибыли на личную аудиенцию к императору. Ваурий отмахнулся от приветственных этикетных расшаркиваний семейства Антеров, как от набившего оскомину ритуала. Монарх лишь удовлетворенно хмыкнул, скользнув взглядом по брачным подвескам молодожёнов. «Шустер, ой шустер... поболее отца даже, — мелькнула мысль у владыки, — а артефакт и вправду с того света может вернуть, залечивая раны моментально. Вон, уже какой свежий и здоровый вид... Отнять, непременно, но чуть позже». Вслух же Ваурий тринадцатый произнес совсем иное, обращаясь преимущественно к Вассарии:

— Я долго думал над вашими вчерашними словами... о знаниях и оружии, в которые эти знания можно превратить... До этой свечи по всей империи мои люди отбирали тех, кто обладает сильным даром. Кого-то отдавали инквизиции, невинных — иногда отпускали. Но одна мысль всю ночь не давала мне покоя: эти магики — они действуют, чаще полагаясь на интуицию, они — одиночки. А что будет, если взяться за их обучение? С молодых ногтей? Всерадетель до этого додумался же, — при этих словах Ваурий совершенно не по —

императорски крикнул, — но дабы не гоняться за дарованиями по всей империи... Подумалось предложить для таких отроков альтернативу — либо занимаешься магией и служишь на благо отечеству... либо... еретичество — в него народ верит истово.

— И как вы собираетесь организовать обучение сих чад? — Васса не удержалась — таки

— Не я, а Вы, мои дорогие. Раз ввязались в игры со всерадателем, у вас теперь два выхода: или стать силой, с которой ему придется считаться, или пойти на дно. Директор первой в империи школы чародейства, — тут Ваурий кивнул на инквизитора, — будет хоганову дланнику костью поперек горла. А у меня убавиться головной боли.

Великий инквизитор был просто «счастлив» от свалившейся на него должности. Глянув на свою невестку и сына, и поняв, кого стоит благодарить за сей подарок судьбы, он ласково осведомился.

— А кто будет мне помогать на сим нелегком поприще?

— А вот эти двое и будут, — монарх бесцеремонно поочередно ткнул пальцем в молодожёнов.

Антер-старший почувствовал себя частично отомщенным.

— Простите, ваше величество У меня два вопроса, — Эрден был сама вежливость и серьезность, — а как же то, что мы... не маги? Да и отношение к чародейству в империи, мягко говоря, отрицательное.

— То что не маги — сами виноваты. Не противились бы козням всерадетеля, мирно полегли бы в ближайшей канаве, прикрывшись лапником, и проблем бы со школой не знали.... Найдите себе разбирающихся в волшбе, пусть они и обучают дарований, а ваша задача — сделать так, чтобы десница не убил (во всех смыслах этого слова) данное начинание. А на второй вопрос: глашатаи уже объявили, что с тех, кто обнарудует свой дар и придет в школу на обучение, явив тем самым готовность положить жизнь и способности на защиту отечества, снимается обвинение в чернокнижии. Им не будет грозить костер, как и иные инквизиторские репрессии.

Васса про себя хмыкнула: «Хороша альтернатива, либо костер и дыба, либо служение целям великой империи» — но вслух, разумеется, ничего не сказала.

На этом Ваурий посчитал, что беседа закончена, и поднялся из кресла,

— Простите, а можно просьбу? — подала голос девушка. Вскинутая бровь Ваурия была воспринята лицедейкой как знак продолжить.

— Место для школы... может быть, всерадетель проявит свою лояльность и в знак одобрения задуманному вами отдаст обитель святой Баяны? Благочестивое место не даст греховодить одаренным отрокам.

Что же, весьма разумное предложение. Пусть будет обитель святой Баяны. — император кивнул сам себе, словно соглашаясь со сказанным и продолжил: — Официальная же церемония, на которой будет объявлено об учреждении школы и назначено ее руководство состоится через два дня.

После этой фразы, не дожидаясь ответа монарх развернулся и покинул комнату.

— И во что мы ввязались? — подытожил Эрден.

— Похоже, это на всю жизнь, — Вассария была с ним солидарна.

Но аудиенция на этом не закончилась. Дверь приоткрылась, явив охранника, а следом за ним Иласа и Леша.

Пацан имел вид крайне помятый и фингаловатый, но держался бойцовским воробьем.

Илас же был похож на человека, который завтракает, обедает и ужинает исключительно уксусом. Но все это ровно до того мига, как вошедшие увидели новоиспеченных супругов.

Леш засиял не хуже злоторого, кинувшись с объятьями. Блондин же придиричливо осмотрел Эрдена, и увидев у того на груди брачную подвеску, перевел взгляд на Вассу.

— Успел — таки, засранец..., — комментарий тихий, скорее для порядку, но дознаватель услышал и широко улыбнулся.

Пока мужчины играли в гляделки, Леш с упоением рассказывал Вассе историю своего чудесного спасения: он просто сообразил, что ему под силу создать броню из железа от пола до потолка. Это юный магик и сделал.

Илас сверлил Эрдена взглядом долго и основательно, но, наконец, оторвался от этого занятия под настойчивые требования Вассы поведать о том, как же он спасся.

Рассказ блондина получился до безобразия скучным.

— А у меня для вас радостная новость.

Леш замер, не иначе в ожидании чуда. Илас, убедившись на собственной шкуре, что значение слова «радость» судьба трактует как — то иначе, нежели обычные смертные привыкли думать, приготовился к очередной пакости жизни.

— Вы, вместе с нами, отныне деканы в школе чародейства.

Новоявленные деканы были рады известию, как зайцы половодью: только что не кинулись топиться от счастья.

Спустя два дня состоялась та самая злополучная церемония. На великого инквизитора, борца с ересью, было возложено воспитание юных магических дарований. Всерадетель скрипел зубами и плевался ядом. Хоганова десница постоянно почесывался, глаза дланника слезились гноем, но к этому его состоянию придворные за последние несколько седмиц уже привыкли и просто старались держаться в отдалении.

После того, как официальная часть приема была закончена, Васса с Эрденем на правах влюбленных молодоженов поспешили удалиться. Илас, решивший под предлогом сопроводить молодых супругов до кареты, тоже улизнул. Леш остался в компании угрюмого инквизитора.

— Ну, пошли, что ли? — невесело протянул великий и ужасный.

Пацан лишь кивнул, соглашаясь. Остаться в резиденции ему совершенно не хотелось. Он чувствовал здесь себя как диковинный зверек, выставленный на потеху толпе: все глазенют, обсуждают, только что не тычут пальцем.

В одном из коридоров, по которым Леш с инквизитором проходили, их ждала не то чтобы уж совсем неожиданная встреча.

Люцианус — Виргилий — Мориэрта дис' Антер, какой сюрприз — голос всерадетеля был до противного приветлив. — Мы с вами так толком и не поговорили на церемонии.

Инквизитор, внешне невозмутимый, внутренне подобрался. Он хорошо знал этого змея, и, если всерадетель решил поднять голову и заипеть, а не затаиться, значит в рукаве у него есть козырь. Какой?

— Простите, но какова же тема нашей с вами светской беседы? — в тон ему ответил инквизитор.

Всерадетель же, проигнорировав вопрос визави, кивнул на Леша:

— Смотрю, и щенка с собой приволок, как же, помню его папашу...

Леш было рванул в сторону дланника, но вовремя был пойман за плечо инквизитором. Антер, остановив пацана, жарко зашептал ему на ухо:

— Он только этого и ждет. Это провокация. За попытку покушения на высшее духовенство — смертная казнь. Даже я не смогу тебя вытащить.

Леш лишь сверкнул глазами, а потом парень всмотрелся в лицо всерадетеля. Ненависть, бушевавшая в нем первые мгновенья, начала соперничать с пытливым интересом ученого, увидевшего перед собой нечто интересное. Что именно, пацан сначала даже не понял, а потому прикрыл глаза, стараясь абстрагироваться от разговора. «Как там Эрден учил? Смотреть на детали...» — про себя думал Леш, а мозг уже выявлял несоответствия.

По рассказу Вассы выходило, что когда она сняла амулет со всерадетеля, он был ходячий труп, разлагающийся на глазах. Сейчас же, хоть он весь и в струпьях, но живой, и вполне готовый мстить. Что-то его не то, чтобы спасло, но замедлило процесс разрушения. Еще один амулет?

Леш начал аккуратно сканировать дланника и нашел. Булавка, воткнутая в воротник, такая же простецкая, как и наложенные на нее слова. Это было даже не заклинание, вплетенное в металл при ковке, а неумело наложенный поверху, уже на остывшее железо, говор. Делал этот амулет тот, кто по силе уступал Лешу, а по умению — отцу пацана. Похоже, не удалось всерадетелю быстро сыскать такого же умельца, как некогда убитый им мастер, на замену, когда Васса украла амулет, вот и пришлось довольствоваться заговорённой булавкой. Заложённой в ней силы хватило ровно настолько, чтобы поддерживать в Хогановой деснице жизнь, но не исцелить.

Парень даже не стал раздумывать. Мечь с клинком в руках — дело благородное, но ему и такая, тихая сойдет. Леш сделал шаг назад, уходя, словно прячась за спину инквизитора, а сам меж тем аккуратно, снимал наложенные на булавку слова. После того, как с амулета юный магик убрал слова исцеления, он произнес свое, одно, но действенное. «Разрушай» — неслышно прошептали губы пацана, но металлу и этого призрака звука было достаточно.

Меж тем всерадетель и инквизитор вели светскую беседу:

— Примите мои поздравления, у вас появилась невестка, — хоанов дланник напоминал гюрзу, лениво извивающуюся кольцами — и молодожены так ветрены, так влюблены в жизнь и друг в друга. Зачастую такая любовь может и раздавить мужчину, если что-то случается с его возлюбленной. Скоротечная чахотка, например, или удачное покушение обезумевшего фанатика...

При этих словах кулаки инквизитора сжались, а из ямочек, оставленных полумесяцами ногтей начала сочиться кровь. Стервец знал, куда метить. Единственной слабостью великого и ужасного был сын. И если Васса погибнет... Его мальчик полюбил. Один раз и навсегда. Люцианус понял это по его взгляду, по тому, как он неистово защищал эту девушку, готовый умереть сам ради нее. Смерть Вассы Эрден если и переживет, то будет уже совсем другим.

Всерадетель убедился, что его слова достигли цели и, присовокупил:

— Возможно, что именно сейчас какой-то одержимый пытается избавить мир от одной из деканов мракобесей школы, — и довольный произведенным эффектом Хоганова десница зашагал прочь.

Люцианус готов был рвануть с места совсем не по-инквизиторски, остудил его порыв голос Леша:

— Ему осталось ходить по земле не больше лучины.

— Почему?

— Только что я отомстил за смерть отца. Не стоит слепо доверять силе амулетов, особенно если ты не маг.

Удивительное дело, но Антер-старший все понял и без дальнейших пояснений, благодарно кивнув.

— Хорошо, что всерадетель не знает твоей истинной силы, иначе наверняка бы тщательнее подготовился ко встрече. — инквизитор вздохнул. — Знаешь, Леш, единственная пакость в том, что на смену этой змее приползет следующая.

— Знаю, придет. Последователи всерадетеля так просто не отстанут. Но новому дланнику нужно будет время, чтобы освоиться, а уж потом он начнет мстить и расшатывать трон, а пока у нас будет фора.

Инквизитор внимательно посмотрел на мальчика. Уже седая прядь в русых волосах. Взгляд не юноши, успевшего повидать многое мужчины, а ведь у пацана еще борода расти не начала.

— Из тебя выйдет неплохой политик, может даже дипломат, а с учетом твоих умений...

— Нет, мне по душе ближе мастерская отца, чем подковерные интриги.

Их разговор прервал истошный женский крик.

Леш и инквизитор разом бросились к окну, выходившему на площадь. Там, в толпе, окружившей карету, что-то произошло. Люцианус лишь мельком взглянул на экипаж и у него внутри все похолодело. Это была карета его сына.

Васса с Эрденем как раз выходили из резиденции, когда их нагнал Илас.

— Я с вами, — без обиняков заявил блондин.

— Мы будем только рады, — Васса была счастлива, как и всякая влюбленная молодая супруга, идущая под руку с милым.

Пока троица шла по аллее, все было замечательно, но на выходе из резиденции что-то насторожило Иласа. Он, как гончая, почуял в воздухе запах охоты. И в этой охоте им, похоже, отводилась роль добычи.

Эрден тоже что-то уловил.

— словно арбалет в спину навели, — тихо произнёс дознаватель, и Илас с ним согласился. — Давайте в карету, и как можно быстрее.

Быстрее не получилась. Пока пробирались сквозь толпу, стоявшую у ворот, пока замешкавшийся кучер открывал дверь.

Арбалетный болт Илас не увидел, почувствовал. Он не успевал толкнуть Вассу, лишь подставить грудь, защищая ее спину. Пернатый вестник смерти прошил мужчину насквозь. Он начал заваливаться.

Эрден опомнившись, подхватил девушку, буквально закинув ее внутрь кареты, а потом, втащил туда же раненного Иласа.

— Погнали, быстро! — командный голос дознавателя придал живости кучеру, во весь рост вставшему на козлах и замахнувшемуся кнутом. Карета резко тронулась перед расступившейся толпой.

Илас шипел и плевался:

— Собака, наконецник с ядом, пальцы немеют. Вытащите быстрее.

Эрден выполнил указание раненого.

— Дотянешь до целителя? — голос, полный тревоги заставил Иласа криво улыбнуться. Бывший соперник, а печётся о нем почище родного отца.

— Даже не надейся, жить буду и тебя еще переживу.

— Язвишь, значит, точно будешь, — тревога Эрден слегка отступила.

Вечером же скорбная весть разнеслась по столице: всерадетель отбыл на услужение лично Хогану. После похорон верховного дланника и сорокадневного траура был избран новая десница, но это уже совсем другая история.

Эпилог

Четыре стяга красовались на шпилях угловых башен межрасовой академии магического мастерства святой Баяны — именно так буквально через год была переименована первая школа магии в империи. Дикое сочетание слов как — то прижилось в народе, а потому, не мудрствуя лукаво, сие учебное заведение так и обозвали в официальных документах, к несказанному веселью Ваурия и зубовному скрежету всерадателя, которому таки — пришлось отдать обитель на разграбление магической братии.

Мрачный монастырь, носивший имя святой мученицы, слегка перестроили, фасад подновили и теперь глаз радовался от одного вида зубчатых башен, цветных витражей и шпилей. академия получилась яркой, впечатляющей своей красотой, отделанной белым и только белым. Балконные балясины, наличники окон, зубчатые парапеты, башенки, высокие дымоходы, флюгеры, пилястры, русты — все было исполнено лишь в этом цвете, придававшем академии торжественный и величественный вид, создавая ощущение некоторой воздушности.

Вассария полюбила это место, словно наново родившееся после ремонта. Стены, до того слышавшие стоны и молитвы, теперь впитывали звуки заклинаний, детский смех, заговорщицкий шепот друзей и строгий тон преподавателей.

Стоя на ступенях парадного входа, лицедейка перевела взгляд на широкую речную гладь, величественно несущую буруны по своему широкому руслу. Вокруг осень уже раскинула свои золотые сети, в которые попались и березы, и липы, и даже дубы. Лишь лужайка, что размещалась между парапетом и брусчаткой двора академии, радовала глаз практически летней, насыщенной зеленью. Парапет, опять же — белый, служил символическим ограждением от крутого и высокого речного берега.

Вассария повернулась лицом к входным дверям. Завтра — начало нового учебного года, все должно быть подготовлено. Как-никак в этом семестре прибывает делегация из Веремии, по обмену с тамошней школой чародейства. Она перевела взгляд на парадный вход академии, над которым наконец-то заметила приветственную надпись, не очень крупную, к тому же намалеванную на белом же полотнище. Она гласила: "С началом нового учебного года!". Рядом с восклицательной руной красовались чьи-то подштанники.

«Ну вот, и появилась еще одна традиция», — усмехнулась фьерра. И вправду, вот уже несколько лет подряд накануне начала занятий кто-то да умудрялся вывесить рядом с приветственной надписью сию деталь гардероба. Охранять парадный вход было бесполезно. Ночные бдения преподавателей не давали ровным счетом ничего. Поутру подштанники красовались на своем законном месте.

После приказа Ваурия об учреждении школы, а ныне академии, друзья и бывший великий инквизитор схватились за головы. Но постепенно, в спорах и обсуждениях родился план *alma mater*.

Были открыты четыре факультета: военного дела, целительства, артефактного мастерства, и менталистов.

Военный собрал под своим крылом стихийноков. Декан одного — неуловимый, он вечно увиливал от своих обязанностей под всевозможными предложениями. Илас со временем он

научился это делать весьма мастерски, аргументируя тем, что научился данному искусству у Эрдена. Факультет прикладной магии, где нашли свое пристанище артефактчики, изобретатели и прочие чудачки от мира чародейства. Декана сего отделения всегда можно было найти в мастерской. Молодой, неуклюжий, погруженный в очередной проект. Он жил отдельно, а его факультет — отдельно, но, несмотря на это, Ленишария студенты любили и уважали.

Факультет целительства, возглавлять который было поручено Эрдену (не иначе как в отместку ректором сего заведения), процветал, благодаря политике невмешательства в непосредственно учебный и усиленного вмешательства бывшего дознавателя в бытово — организационный процесс.

Но больше всего «повезло» Вассе — на ее долю выпали предсказатели, телепаты и эмпаты всех мастей. Как она справлялась с этими умниками, для Леша, Эрдена и Иласа осталось загадкой, разгадать которую мог бы старик Хайроллер, но он лишь хитро улыбался. Дед знал, что его наука — читать мысли по тому, что кажется простому человеку незаметным: мимике, жестам, интонации вкупе с дедукцией мало чем уступает телепатическому дару. А защиту от любителей пошарить в мыслях обеспечит артефакт.

Вассария еще раз усмехнулась, глядя на подштанники. Тут ее уха достиг женский крик. «Опять она!», — мелькнуло в голове у лицедейки.

В это самое время ветерок «бархатного лета», как еще называют пору ранней осени, кокетничал с тюлем. Козодой своим бреющим полетом вызывал ассоциации с лугом и отарой, а дверь декана факультета военного дела отчаянно штурмовала Мариция Ренару:

— Илас, любимый! — кричала она.

«Любимый» забаррикадировался в кабинете, грешным делом помышляя, не повторить ли давнишний подвиг Эрдена, сиганув в окно с третьего этажа.

Уля, которая по просьбе Вассы хотела забрать из кабинета декана военного дела свитки с именами студентов первого года обучения, застала картину штурма неприступного бастиона, коим являлся кабинет Иласа.

Надо заметить, что Уля, после того как монастырь объявили «мракобесьей вотчиной», менять знакомые стены на другую обитель не стала, рассудив, что *magic academia* — тоже заведение неплохое, тем более в оном обещали весьма недурное жалование (мало кто согласится работать в рассаднике ереси, грозя тем самым погубить бессмертную душу). Уля согласилась и с благословения настоятельницы начала нести Хоганов свет в чародейские души. Несла она его... свечи три. Потом ей это просто надоело. Когда же оказалось, что деканом «мозгодумов» будет Вассария, Уля тут же перевелась к ней, в секретари.

— Любооовь моя! — выла на одной ноте Мариция.

Уля, будучи посвящена во все перипетии несостоявшейся свадьбы Иласа (а посвящала ее Васса со вкусом и перченым описанием), прикинула — это надолго, а свиток ей нужен, и сейчас, решила пойти ва — банк:

— А кого это вы, многоуважаемая фьерра зовете «любимым»? — бывшая монахиня прищурилась фирменным взглядом настоятельницы, прожигаящим до самых печенок.

— Своего суженного, Иласа, — растерялась Мариция.

— Для тебя он, может, и суженый, к тому же бывший, а для меня — законный супруг и отец моих будущих детей. А ты..., - Уля, девушка простая, этикетами не замороченная, засучила рукава, недвусмысленно давая понять, что здесь — не светский раут и от слов «мое» некоторые замужние дамы могут перейти к доказательствам.

Мариция, по достоинству оценив внушительные тела соперницы, прикинула, что еще неизвестно, кто кого ушатает, но решила рискнуть. Риск, конечно, дело благородное, но не всегда оправданное. Уля победила со счетом 2:0, взявшей отправив фьерину Ренару в полет с лестницы.

Илас, открывший дверь, чтобы узнать, что происходит (диалог за оной как — то подозрительно оборвался), лицезрел победоносную Улю, которая вплыла в кабинет, царственным жестом взяла свиток и, ни слова не говоря, ушла.

«Вот это женщина», — Илас был поражен. В его практике были и красавицы с томными взглядами, и пытавшиеся его на себе женить, и знойные фьеррины, и ветреные кокотки, но НИ ОДНА за него не дралась, а эта женщина, фьерра просто намылила шею той, из — за прихоти которой ему когда-то чуть не пришлось надеть на шею брачную петлю.

«Жениться что ли?» — мелькнула мысль у блондина, но потом он помотал головой, словно прогоняя наваждение: «Женится — нет, но вот переманить в секретари ее определенно стоит...».

Письмо, до этого спокойно лежавшее на столе, словно услышав мысли мужчины, недовольно зашуршало. Илас перевел на него взгляд и мечтательно, совсем по-мальчишечьи, улыбнулся. Желтоватый пергамент, еще две седмицы назад касавшийся руки его Узы. Образ медноволосой девушки с глазами цвета больной бирюзы... они переписывались уже больше года, и каждого послания он ждал, как свидания с любимой.

***

Эрден обнял Вассу за талию, подойдя сзади:

— Устала?

— Есть такое. А ты?

— Тоже. Может, пойдем спать?

Закатное солнце гигантской раскаленной монетой погружалась за горизонт, обещая по всем приметам завтра жаркий день.

— И все же, в чем ты поклялась на крови тому цыгану? — этот вопрос мучал Эрдена уже давно.

— Не скажу, но я исполню обещанное ему, будь уверен. И это не принесет никому беды..., — Васса положила руку на живот. Окружающие еще не догадывались, но она — то знала...

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

